

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

4 • 2022

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2022

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

5.6.8 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubnicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- A.S. Senin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.F. Shumeiko*, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus
- A.K. Sorokin*, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation
- P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T. Shirai*, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan
- F.G. Taratorkin*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- Yu. Tonai*, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan
- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- T.I. Khorkhordina*, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- П.Н. Лебедев*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)
- Э. Марген-Амон*, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

- Хорхордина Т.И.*, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)
Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Е.В. Пчелов

Изображения регалий в титульной геральдике
Московского царства: иконография и семантика 12

М.Ю. Борисов

География распространения московских Евангелий
в 1630-х гг.: по материалам Архива Приказа
книгопечатного дела 26

В.В. Никонов

Процесс возвращения закрытых храмов верующим
в Московской области во время Великой Отечественной войны:
по материалам ЦГАМО 45

Всеобщая история

Д.И. Гоц

Традиции исторического знания раннего Нового времени
(на примере хроники Карольдо) 63

Персональная история

А.Т. Галимзянова

Хайри Гимади: штрихи к портрету:
К 110-летию со дня рождения татарского историка
(1912–1961) 83

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

Н.Г. Суровцева

Междисциплинарный подход в документоведении 96

Н.И. Химина

Основные проблемы развития теории архивоведения
и архивного дела в конце XX – начале XXI в. 106

И.А. Дегтярева

Оцифровка архивных документов: решенная задача или задача будущего	122

**Образовательная деятельность
по направлению «Документоведение и архивоведение»**

Л.Н. Варламова

Современные профессиональные и образовательные стандарты документоведов и архивистов: перспективы использования	136

CONTENTS

Russian History

E. Pchelov

Images of regalia in the titular heraldry of the Moscow Kingdom.
Iconography and semantics 12

M. Borisov

Geography of the distribution
of the Moscow altar Gospels in the 1630s.
Based on the materials from the Archives
of the Book Printing Department 26

V. Nikonov

The process of returning the closed churches
in the Moscow region to believers during the Great Patriotic War.
Based on the sources of the TSAMO 45

World History

D. Gots

Traditions of historical knowledge of the early Modern period
(by the example of the chronicle of Caroldo) 63

Personal Histories

A. Galimzyanova

Khairi Gimadi. A portrait sketch.
Dedicated to the 110th anniversary
of the Tatar historian's birth (1912–1961) 83

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

---

N. Surovtseva

Interdisciplinary approach in Records Management 96

N. Khimina

The main issues of the development of the theory
of archival studies and archival affairs at the end of the 20th –
beginning of the 21st century. 106

I. Degtyareva

Digitization of archival records.

A solved task or a task of the future 122

Education Activity

in the Area of Records Management and Archival Studies

L. Varlamova

Modern professional and educational standards

for record keepers and archivists. Prospects for use 136

Изображения регалий в титульной геральдике Московского царства: иконография и семантика

Евгений В. Пчелов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kvsid@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется история использования изображений регалий в титульной геральдике Московского царства XVI–XVII вв. Титульная геральдика представляет собой комплекс гербов тех территорий, чьи наименования входили в состав объектного титула русских государей. Общее число титульных гербов Московского царства составляет три с лишним десятка. Впервые они зафиксированы на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. На этой печати из 24 титульных гербов (эмблем, «печатей») четыре имели изображения тех или иных регальных предметов. В двух случаях это были условные короны, увенчивающие гербовые фигуры и свидетельствующие о царском статусе обозначаемых административных территорий (Казанское и Астраханское царства). В двух случаях использовались изображения «места», под которым подразумевалось сидение для правителя (или должностного лица). На новгородской печати это место имело ступени, что представляло собой, по-видимому, более архаичный вариант такого сидения, на тверской печати «место» выглядело в качестве престола-трона. Посох на новгородском «месте» и княжеская шапка на тверском свидетельствовали о местной специфике управления этих важнейших титульных объектов в общем контексте системы власти Московской Руси. Впоследствии астраханский герб претерпел кардинальное изменение, а внешний вид короны стал напоминать королевскую корону западноевропейского типа. Такая же корона вместо княжеской шапки к концу XVII в. появилась и на тверской эмблеме. В «Титулярнике» 1672 г. появились еще два герба с изображениями регалий. В сибирском гербе корона вновь символизировала царский статус титульного объекта. Во владимирском гербе корона, увенчивающая льва, по-видимому, означала особый стольный статус великого княжества Владимирского среди земель северной и северо-восточной Руси. В целом изображения регальных пред-

метов в титульных гербах подчинялось четким закономерностям, соответствовало статусу соответствующих объектов, а также их исторической значимости.

Ключевые слова: печать, герб, регалии, корона, трон, посох, государственная и территориальная символика, Московское царство

Статья поступила в редакцию 6 августа 2022 г.;

принята к публикации 9 сентября 2022 г.

Для цитирования: Пчелов Е.В. Изображения регалий в титульной геральдике Московского царства: иконография и семантика // История и архивы. 2022. № 4. С. 12–25. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-12-25

Images of regalia in the titular heraldry of the Moscow Kingdom. Iconography and semantics

Evgeny V. Pchelov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dep_kvssid@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the history of the using the regalia images of regalia in the titular heraldry of the Moscow Kingdom of the 16th – 17th centuries. Titular heraldry is a complex of coats of arms for the territories of which the names were part of the object title of the Russian sovereigns. The total number of titular coats of arms of the Moscow Kingdom is more than thirty. They were first recorded on the Great Seal of Ivan the Terrible in the late 1570s. On this seal, out of 24 titular coats of arms (emblems, “seals”), four had the images of certain regal objects. In two cases, these were the conditional crowns cresting the armorial figures and testifying to the royal status of the designated administrative territories (the Kazan and Astrakhan kingdoms). In two cases, the images of a “place” were used, which meant a seat for the ruler (or an authorized officer). On the Novgorod seal, that place had the steps, which was, apparently, a more archaic version of such a seat on the Tver seal, the “place” looked like a throne. The pastoral staff in the Novgorod “place” and the princely cap in the Tver “place” testified to the local specifics of the management of these most important titular objects in the general context of the power system of Muscovy. Subsequently, the Astrakhan coat of arms had undergone a radical change, and the appearance of the crown began to resemble a royal crown of the Western European type. The same crown instead of a princely hat appeared on the Tver emblem by the end of the 17th century. In the “Titulyarnik” (title reference book) of 1672, two more coats of arms with

the images of regalia appeared. In the Siberian coat of arms, the crown again symbolized the royal status of the titular object. In the Vladimir coat of arms, the crown cresting the lion apparently signified the special status of the Grand Duchy of Vladimir among the lands of northern and north-eastern Rus'. In general, the images of the regal objects in the titular coats of arms followed clear patterns, corresponded to the status of the analogous objects, as well as to their historical significance.

Keywords: seal, coat of arms, regalia, crown, throne, staff, state and territorial symbols, Moscow Kingdom

The article was submitted 06.08.2022;

accepted for publication 09.09.2022.

For citation: Pchelov, E.V. (2022), "Images of regalia in the titular heraldry of the Moscow Kingdom. Iconography and semantics", *History and Archives*, no. 4, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-12-25

Титульная геральдика – комплекс эмблем («печатей», гербов) тех территориальных образований, наименования которых входили в так называемый объектный титул российских государей. Зародившись во второй половине XV в., эта заключительная часть монаршего титула прошла длительную эволюцию, постепенно трансформируясь и пополняясь. Начиная со времени Ивана Грозного известны первые вещественные источники, на которых зафиксированы эмблемы титульных земель (эти эмблемы на самих памятниках именовались «печатами», а уже к концу XVII в. – гербами). Первым таким источником является Большая печать Ивана Грозного, создание которой относят к концу 1570-х гг. На протяжении XVII века известно еще несколько вещественных и письменных источников, в которых отразилась титульная геральдика Московского царства. К их числу относятся не только вещественные памятники с изображениями, но и росписи печатей, в которых содержатся их описания (благодаря этому можно установить, что же именно изображалось на них). Огромное значение в кодификации титульной геральдики сыграл «Титулярник» 1672 г., известный в нескольких экземплярах. Однако к концу XVII в. некоторые титульные гербы продолжали сосуществовать в различных, несколько отличающихся друг от друга вариантах. В общей сложности в период Московского царства сформировалось более трех десятков титульных гербов, некоторые из которых являлись прямыми заимствованиями из западноевропейской геральдики. Целью настоящей статьи является анализ изображений символов власти – инсигний и регалий в составе титульных гербов. Представляется существенным не только проследить эволюцию их изображений, но и определить семантику их

использования в общем комплексе титульных гербов рассматриваемого периода.

Итак, на Большой печати Ивана Грозного среди 24 титульных эмблем-«печатей» имеются только четыре, в составе которых присутствуют изображения регальных предметов. Рассмотрим их в порядке расположения в рамках общей композиции печати.

1. Печать наместника Великого Новгорода. На ней изображено четырехступенчатое возвышение, которое имеет небольшой арочный вырез сбоку. На ступенях лежит посох с т-образным навершием (костылем). Судя по изображениям печати, концы этого навершия подняты вверх. С двух сторон возвышения расположены стоящие на задних лапах звери. Внизу под возвышением навстречу друг другу плывут две рыбы. Та же композиция в огрубленном варианте повторяется на доспехах Лжедмитрия I, сделанных в миланской оружейной мастерской в 1605–1606 гг. Для этого изображения был использован оттиск лицевой стороны Большой печати Ивана Грозного.

То же изображение новгородской титульной эмблемы-«печати» присутствует и на регальных предметах первых Романовых: на саадочном покровце Большого наряда Михаила Федоровича (только звери по сторонам возвышения стали одинаковыми), на другом саадочном покровце «с царствы» 1633 г., на налуче саадака царевича Алексея Алексеевича 1667 г. Везде возвышение изображается одинаково и состоит из четырех ступеней и одной небольшой арки в боковой части. На налуче же саадака Алексея Михайловича 1673 г. рыб три, а само возвышение состоит как бы из трех разновеликих загородок. Такое изменение в изображении, по-видимому, было связано с новым осмыслением этого сооружения, о чем скажем далее.

В описаниях новгородской печати изображенное на ней предстает в следующем виде: «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба» (летописное изложение царского указа о создании новой печати новгородских наместников от 1 сентября 1565 г.)¹, «место, а на месте посох, около места по сторонам по медведю стоячему, в исподе под местом земля, под землею озеро, а на озере две рыбы» (Роспись всем Государевым печатям, ок. 1626 г.)², «место, а на месте посох, а под местом озеро да три рыбки» (Описание печатей времен Алексея Михайловича)³. Таким образом, помимо двух зверей, изображения которых менялись (медведь и рысь, а затем два медведя), и количества рыб

¹ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 398.

² РГАДА. Ф. 136. Д. 1. Л. 3.

³ Там же. Ф. 27. Д. 359. Л. 2.

(эволюционировавшего от одной до двух и даже до трех), центральные предметы печати новгородского наместника оставались неизменными: это было так называемое место, которое изображалось в виде помоста с четырьмя ступенями и небольшим арочным проемом сбоку, и посох, завершавшийся костью с поднятыми вверх концами.

Помимо новгородской печати с местом, посохом, зверями и рыбами использовалась и другая новгородская наместническая печать. Ее отличие заключалось в отсутствии зверей по сторонам места, т. е. это был своего рода «сокращенный вариант». Судя по сохранившимся оттискам, а также их прорисовкам, место выглядело несколько иначе – оно могло быть трехступенчатым, а на боковой стороне на его частях помимо арочного проема виднелись также проемы поменьше, кроме того, части места отделялись столбиками с круглыми набалдашниками [несколько иное описание этого изображения см.: Хоруженко 2021, с. 633]. Посох же выглядел так же, как и на «полном» варианте печати.

Относительно места и посоха в историографии существует давняя дискуссия. Согласно одной гипотезе, место символизирует вечевую стеньгу, т. е. место посадника на вече, а посох – знак власти посадника [Арциховский 1946, с. 49–53]. Иными словами, это символы власти новгородской автономии (в этом случае допускается гипотетическая возможность существования печати со схожим изображением в более ранний период, что, увы, не соответствует действительности). Другая гипотеза исходит из априорного представления, что никакие символы прежней власти на печати новгородского царского наместника не могли быть изображены по определению. В соответствии с этим в месте видится некая княжеская или царская стеньга, т. е. некое подобие престола (стола), на котором мог восседать князь или царь. Посох также считается не посаднической, а царской регалией [Порфиридов 1969, с. 190–198]. Впрочем, в таком случае возникает вопрос, почему для новгородской печати были выбраны именно эти царские регалии, а не, к примеру, венец или скипетр или же более привычное изображение трона в виде кресла (такой тип трона уже был известен в Московском царстве). Зачем понадобилось выбирать более архаичные варианты регалий? Или же эти регалии были инсигниями царских наместников в Новгороде?

Наконец, относительно недавно с новой интерпретацией места выступил О.И. Хоруженко. По его мнению, под местом следует подразумевать город (населенное место), т. е. условное изображение Великого Новгорода, стоящего у оз. Ильмень и р. Волхов (рыбы под местом), а посох означает то, что город находится под царской властью [Хоруженко 2021, с. 633]. Каждая из интерпретаций имеет

свои доказательства в миниатюрах XV–XVI вв. Между тем предположение О.И. Хоруженко кажется наименее обоснованным. Само изображение места, по крайней мере в полном варианте титульной эмблемы, напоминает скорее ступенчатый престол с вполне объяснимыми внешними элементами (в том числе арочкой между передней и задней стенками) и совершенно не походит на некий условный образ города. Кроме того, местом именовали на Руси не просто город, а неукрепленный населенный пункт, а в пределах самого городского поселения посад (в отличие от собственно города – крепости), что, конечно малоприменимо к Новгороду. В то же время местом называли возвышение и помост, в том числе «украшенное сиденье, кресло, трон для почетных или высокопоставленных лиц (обычно на возвышении)»⁴. Примеры такого словоупотребления, в том числе относящиеся к концу XV–XVI вв., не единичны. Следовательно, под местом нужно понимать именно церемониальное сидение на возвышении (тогда понятно наличие ступенек, арочки и столбиков), что подтверждается и дальнейшей эволюцией самой этой эмблемы. Посох же, безусловно, является знаком высокой светской власти (подробнее см.: [Пчелов 2012]). Однако остается главный вопрос: почему для новгородской наместнической эмблемы были выбраны именно эти регалии? Не есть ли это отражение старых регалий новгородской власти, унаследованных царскими наместниками? Во всяком случае, анализ других изображений титульных печатей Ивана Грозного ясно показывает, что их создатели стремились прежде всего отразить *местную* специфику того или иного территориального образования. А значит, вполне вероятно, что перед нами именно характерные для Новгородской земли инсигнии власти, которые могли символизировать и историю Новгорода, и власть царских наместников над ним.

Изменения в изображении и понимании регалий на новгородской печати произошли в период 1660 – начала 1670-х гг., когда масштабной трансформации подверглась вся система репрезентации власти Московского царя. Впервые эти новации зафиксированы в описании печатей, которые были изображены на Гербовом знамени царя Алексея Михайловича, созданному по указу 1665 г. Новгородская печать там выглядела следующим образом: «Престол, на нем посох; на престоле четыре ступени, под престолом две рыбы лодоги; престол держат два медведя»⁵. Так, место в этом описании было прямо названо престолом, который имеет четыре ступени. Именно в качестве престола место было изображено на знамени, и,

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 115.

⁵ Цит. по: Голованова М.П. Знамена второй половины XVI–XX вв. Т. 1. М., 2019. С. 75.

по-видимому, также пытался его показать мастер Прокофий Андреев на саадаке 1673 г.

В этот же ряд памятников входит и золотая тарель мастера Юрия Фробоса 1675 г. Здесь новгородское место представляет собой именно престол в виде кресла, но с высокой спинкой, разделенной как бы тремя ступенями – таким образом мастер, вероятно, хотел показать и сам престол (царский трон), и ступенчатость, унаследованную от прежней традиции. В виде высокого престола изображено место и на другой золотой тарели, созданной для царевича Алексея Петровича в 1694 г.

Окончательно вид царского трона новгородское место приобрело в «Титулярнике» 1672 г., который стал своего рода официальным гербовником Московского царства. Здесь место выглядит в виде царского трона-кресла на высоких фигурных ножках, с красной подушкой на сиденье, с высокой спинкой, увенчанной с двух углов шарообразными навершиями. Примечательно, что боковые стенки (как бы подлокотники) трона имеют по три выреза. Представляется, что эта деталь (равно как и шарообразные навершия) была «унаследована» от прежней, ступенчатой структуры места. Таким образом, место окончательно превратилось в царскую регалию. В «Описании гербам», созданном в последней трети XVII века, место именуется «престолом», «на нем светильник с тремя свещи, а на нем же крест да посог» [Белоброва 2005, с. 86]. Крест на длинной рукояти и посох положены на трон крест-накрест. Сам посох утратил свое костыльное навершие (вместо него появилось просто небольшое овальное завершение) и вообще стал второстепенной фигурой по сравнению с крестом. Появление креста, трисвечника и само крестообразное расположение креста и посоха полностью соответствует той общей тенденции дополнений и изменений гербов в «Титулярнике», которая должна была усилить их христианскую семантику (подробнее см.: [Пчелов 2021, с. 665–674]). Перекрещенные крест (справа от зрителя) и архиерейский посох (слева) были характерны в качестве клейнодов для церковной геральдики и присутствовали в гербах высшего православного духовенства – эта традиция из восточнославянских земель Речи Посполитой стала известна и в Москве, чему свидетельством является герб патриарха Никона. Хотя посох в новгородском гербе по своему внешнему виду и не архиерейский, сама композиция из положенных крест-накрест креста и посоха вполне соответствует именно этой геральдической традиции.

2. Печать царства Казанского. На этой печати изображен дракон, внешне напоминающий василиска. Он стоит на двух лапах, имеет приподнятый длинный хвост и поднятые крылья. Над головой дракона расположена трехзубцовая (трехлучевая) корона. На доспехе

Лжедмитрия I корона имеет большее число зубцов-лучей, что могло быть связано с особенностями работы над изображением иностранных мастеров по русскому оттиску-образцу. На саадном покровце Михаила Федоровича корона состоит из пяти зубцов – трех больших и двух меньших, расположенных между большими. На налuche саадака 1673 г. корона трехзубцовая; на гербовом знамени Алексея Михайловича корона не прослеживается, что, возможно, вызвано его плохой сохранностью; на тарели 1675 г. корона пятизубцовая; на тарели 1694 г. – трехзубцовая. Наконец, в «Титулярнике» 1672 г. казанский змей-дракон увенчан пятизубцовой короной.

Как видим, во всех случаях казанский змей имеет корону, что подчеркивается и в описаниях герба: «змей летучей, а на нем венец» (Роспись печатей 1626 г.); «змей, у него на главе корона» (Описание печатей Алексея Михайловича); «в коруне василиск...» (Указ о Гербовом знамени 1665 г.); «змей с крылами, на главе венец» («Описание гербам» конца XVII в.). Сам змей своим происхождением обязан, по-видимому, такому литературному памятнику середины 1560-х гг., как «Казанская история» [Каменцева, Устюгов 1963, с. 134].

Итак, голову змея увенчивает трех- или пятизубцовая корона. Ее появление неслучайно и, вне всякого сомнения, сопряжено с царским статусом – это печать (герб) *царства* Казанского. На древнерусских миниатюрах XV–XVI вв. именно пятизубцовая корона является символом царского статуса. Более того, как показала А.С. Мельникова, изображение пятизубцовой короны является на голове всадника и на монетах Ивана Грозного начиная с 1560-х гг., т. е. с того времени, когда царский статус русского монарха был признан Константинопольской церковью [Мельникова 2002, с. 615–617]. Анализ изображений на монетах Ивана Грозного и его преемников показывает, что всадник также мог изображаться в трехзубцовой короне. То же самое видим и в памятниках русской сфрагистики периода Московского царства. На Большой печати Ивана Грозного всадник, по-видимому, также увенчан трехзубцовой короной. Над головами же двуглавого орла находится корона с пятью зубцами (три большими и двумя маленькими). Все это лишний раз показывает, что корона (имеющая чисто условный внешний вид) над головой казанского змея подчеркивает царский статус Казанского государства.

3. Печать царства Астраханского. В отличие от казанской печати печать астраханская прошла серьезную трансформацию в процессе своей истории. На Большой печати Ивана Грозного в качестве астраханской эмблемы выступает некий хищный зверь со сравнительно большим хвостом. Обычно в нем усматривают волка. Над головой зверя также расположена корона, состоящая из трех зубцов. В свете

вышесказанного очевидно, что и в данном случае она призвана символизировать царский статус Астраханского государства. Типологически композиция астраханской печати идентична казанской – и там, и там представлены животные (реальные или фантазийные), увенчанные одинаковыми коронами. Больше подобного рода изображений на Большой печати Ивана Грозного не встречается. На доспехе Лжедмитрия I зверь имеет длинные уши, но это, видимо, связано с непониманием оригинального изображения миланскими мастерами.

Однако начиная с Росписи печатей 1626 г. и саадчного покровца Михаила Федоровича изображение астраханской печати становится другим. На саадчном покровце это большая пятизубцовая корона с тремя большими и двумя малыми зубцами резной формы и большим обручем, а под нею кривая восточная сабля. То же изображение представлено на другом саадчном покровце (1633 г.), а в Росписи 1626 г. оно описано как «венец, под венцом сабля». В Описании печатей Алексея Михайловича – «корона, под нею сабля». В указе о Гербовом знамени – «венец золотой, под венцом голая сабля». В «Описании гербам» – «коруна с крестом, под коруною полаш». Итак, корона именуется то короной, то венцом. Со второй половины 1660-х гг. она действительно начинает изображаться в несколько ином виде. Наиболее детально он предстает в «Титулярнике» 1672 г. – это обруч с пятью лепесткообразными зубцами (три большими и двумя маленькими), над которым высится полусфера, образуемая пятью полудугами, увенчанная крестом (крест – сугубо христианское дополнение, характерное для общей «христианизации» гербовой символики в «Титулярнике»). Такую корону, но без креста можно увидеть на тарели 1675 г., а на тарели 1694 г. ее изображение носит более условный характер, но присутствует крест. Иными словами, пятизубцовая корона получает полусферическое навершие, что по внешнему виду приближает ее, скорее, к коронам западноевропейского типа (для Московского царства короны-венцы такой формы не были характерны). Таким образом, внешний вид короны стал как бы более торжественным и «монументальным».

Сложно сказать, чем было вызвано изменение астраханского герба при Михаиле Федоровиче, но важно подчеркнуть, что такой его элемент, как корона, сохранился, что лишний раз показывает его особое значение именно для символизации царского статуса данной территории.

4. Печать великого княжества Тверского. С этим гербом связана любопытная история инверсии. Дело в том, что на Большой печати Ивана Грозного напротив герба великого княжества Тверского находится герб великого княжества Смоленского. На нем изображен трон с лежащей на нем княжеской шапкой. Тверской же герб

представляет собой идущего медведя. Но дело в том, что именно такой медведь был смоленским гербом в то время, когда Смоленское княжество входило в состав Литовского государства. Разгадка заключается в обычной инверсии: поскольку оттиск печати имеет зеркальное изображение по отношению к ее матрице, резчики матрицы, по-видимому, перепутали смоленский и тверской гербы местами, в результате чего на Большой печати Ивана Грозного смоленский герб стал тверским, и наоборот [Пчелов 2011, с. 172–173]. Эта ошибка была «исправлена» на саадачном покровце Михаила Федоровича, после чего трон с шапкой остался эмблемой именно великого княжества Тверского.

Изображалась тверская эмблема в виде престола-трона, на сиденье которого лежала княжеская шапка, трансформировавшаяся в изображение венца (такой трехчастный венец, бывший символом достоинства великих князей на миниатюрах и других изобразительных памятниках Московской Руси, наиболее отчетливо виден на саадачном покровце 1633 г.). При этом спинка трона была невысокой (что сближало изображение трона на более поздних, нежели Большая печать Ивана Грозного, памятниках с золотым «царским местом», подаренным шахом Аббасом Борису Годунову), а на Большой печати Ивана Грозного между передних ножек трона заметно даже небольшое подножие. В «Титулярнике» трон «превратился» в сидение без спинки с малиновой подушкой с двумя свисающими концами с аксельбантами, а венец над этим сидением стал изображаться в виде короны, подобной «пышной» короне астраханского герба. Подобная же форма короны изображена на саадаке 1673 г., а на тарели 1675 г. корона маленькая и трехзубцовая. Вариант, близкий к «Титулярнику», но более условный в силу размера, присутствует на тарели 1694 г.

Описание тверского герба было таким: «место да шапка» (Роспись печатей 1626 г.; здесь эта печать еще названа смоленской); «престол без степени, на престоле лежит венец царский» (Указ о Гербовом знамени); «место с коруною» («Описание гербам»). Итак, к середине 1660-х гг. шапка стала пониматься как царский венец или корона, что повлекло изменение в изображениях. «Место» же трактовалось как престол, но в отличие от новгородской печати на тверской «место»-престол был «без степени», т. е. без ступеней (на эту трактовку понятия «место» обратил внимание еще А.В. Арциховский [Арциховский 1946, с. 53]. По-видимому, местом именовались «престолы» разных форм – и ступенчатое возвышение, и собственно трон. Великокняжеская же шапка со временем трансформировалась в корону, «царский венец».

Появление места, т. е. престола-трона с шапкой, на тверской печати времен Ивана Грозного может быть объяснено особым

статусом великого княжества Тверского в общей символике власти Московских государей. Титул великого князя Тверского после присоединения к Москве в 1485 г. какое-то время принадлежал наследнику общерусского престола. И позднее великое княжество Тверское было значимым титульным объектом, что, в частности, нашло отражение и в нумизматике [Зверев, Пчелов 2010, с. 40–43]. А в годы создания Большой печати Ивана Грозного титулом великого князя Тверского обладал бывший царь Симеон Бекбулатович, что опять-таки демонстрировало высокое значение Твери в титульной и символической иерархии власти Московского царства. Поэтому изображение престола и великокняжеской шапки подчеркивало этот статус и выглядело вполне очевидным в общей композиции грозненской печати.

Следующие регалии, а именно короны, появились в титульных гербах только в «Титулярнике» 1672 г. Из их числа нужно исключить корону, которая увенчивает одноглавого орла в черниговском гербе. Дело в том, что этот черниговский герб Московского царства восходит к гербу Черниговского воеводства времен Речи Посполитой. Черниговское воеводство Польского королевства в XVII в. имело герб с изображением двуглавого орла, коронованного одной короной (происхождение этого герба выходит за рамки настоящего исследования) [Румянцева 1986, с. 51], в составе же Русского государства черниговский герб изменился: орел стал одноглавым, но корона осталась (тем самым орел стал напоминать герб Польши, подобно тому как черниговский двуглавый орел польского времени напоминал орла Московского), а в лапе орла появился длинный крест (опять-таки в соответствии с общей христианской тенденцией гербовых изменений в «Титулярнике»). Таким образом, корона в «русском» черниговском гербе не имела самостоятельного значения, а восходила к гербу польского времени.

Зато корона появилась в гербе Сибирского царства. Первоначально сибирский территориальный элемент в составе государева титула не имел царского статуса, и на Большой печати Ивана Грозного Сибирь символизировала стрела. Затем сибирская эмблема усложнилась: во времена первых Романовых она представляла собой кедровое дерево, по сторонам которого стояли два соболя (иногда вместо дерева изображалась стрела). И, наконец, в «Титулярнике» обрела свой окончательный вид сложной композиции с луком, двумя стрелами и двумя соболями, которые держат лапами пятизубцовую корону. Сибирский герб сформировался как соединение эмблем с печатей главных сибирских городов [Пчелов 2018, с. 64–66], но пятилучевая корона и здесь символизировала именно царский статус Сибири – царство Сибирское было третьим из царств, наименования которых входили в титул Московских

государей допетровского времени (это число царств оставалось неизменным вплоть до эпохи Екатерины Великой).

Наконец, еще одна корона в «Титулярнике» входит в состав владимирского герба. Владимирский титульный объект долгое время вообще не имел никакого герба, и такой герб был впервые создан при подготовке «Титулярника». Он представляет собой изображение восстающего геральдического льва, держащего в лапе длинный крест в виде посоха (крест, конечно, вновь отсылает к общей христианской геральдической тенденции «Титулярника»). Лев увенчан короной, состоящей из обруча и трех больших зубцов в виде лепестков, а также двух маленьких зубчиков между ними. В «Описании гербам» владимирский герб трактуется следующим образом: «Лев, на главе венец, в передних ногах держит крест». В данном случае корона именуется венцом. По своему внешнему виду она напоминает условные царские короны, что, по-видимому, должно было подчеркивать исторически очень важный статус великого княжества Владимирского среди других княжеств северной и северо-восточной Руси.

Итак, включение изображений регалий в состав территориальных гербов Московского царства было глубоко обоснованным и закономерным и имело важный символический смысл. Зубчатые короны свидетельствовали о царском статусе территориальных объектов (Казанское, Астраханское и Сибирское царства), а также символически отражали историческую роль наиболее важных великих княжеств Руси (Владимирского и со временем Тверского, где корона заменила княжескую шапку). Новгородские место и посох, вероятно, показывали историческую преемственность власти в Новгородской земле и символизировали статус царских наместников, сменивших прежних должностных лиц Новгородского государства. Наконец, трон и шапка в гербе Тверского княжества также означали особый статус этого титульного объекта в символической иерархии административного управления в Московском государстве. Показательно, что помимо трех царств, регалии в титульной геральдике Московской Руси присутствовали в гербах только наиболее значимых государственных образований конгломерата русских земель – Новгорода, Владимира и Твери.

Литература

- Арциховский 1946 – *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. Вып. 93: История. Кн. 1. М., 1946. С. 43–67.
- Белоброва 2005 – *Белоброва О.А.* О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // *Гербовед.* 2005. № 85. С. 81–88.

- Зверев, Пчелов 2010 – *Зверев С.В., Пчелов Е.В.* Статус Великого княжества Тверского и его монетная чеканка после 1485 г. // Нумизматические чтения 2010 года / Гос. Исторический музей. М., 2010. С. 40–43.
- Каменцева, Устюгов 1963 – *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1963. 224 с.
- Мельникова 2002 – *Мельникова А.С.* Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 610–620.
- Порфиридов 1969 – *Порфиридов Н.Г.* Новгородская «вечевая» печать // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. Л., 1969. С. 190–198.
- Пчелов 2011 – *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М.: Старая Басманная, 2011. 204 с.
- Пчелов 2012 – *Пчелов Е.В.* Посох, скипетр, жезл: из истории регалий Московского царства // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». 2012. № 21(101). С. 159–173.
- Пчелов 2018 – *Пчелов Е.В.* Как сформировался герб Сибирского царства в XVI–XVII вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 92. СПб., 2018. С. 64–66.
- Пчелов 2021 – *Пчелов Е.В.* Территориальная геральдика Московского царства в «Титулярике» 1672 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 665–674.
- Румянцева 1986 – *Румянцева В.В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев: Наукова думка, 1986. 126 с.
- Хоруженко 2021 – *Хоруженко О.И.* Новгородская вечевая печать в публикациях и исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 66. Вып. 2. 2021. С. 630–643.

References

- Arcikhovskii, A.V. (1946), “Old Russian regional coats of arms”, *Uchyonye zapiski MGU* [MSU Academic notes], vol. 93, History, no. 1, pp. 43–67.
- Belobrova, O.A. (2005), “About the Old Russian ‘Description of coats of arms’ of the end of the late 17th century”, *Gerboved*, vol. 85, pp. 81–88.
- Zverev, S.V. and Pchelov, E.V. (2010), “The status of the Grand Duchy of Tver and its coinage after 1485” in *Numizmaticheskie chteniya 2010 goda* [Conference on numismatics of 2010], Moscow, Russia, pp. 40–43.
- Kamentseva, E.I. and Ustyugov, N.V. (1963), *Russkaya sfragistika i geraldika* [Russian sphragistics and heraldry], Moscow, Russia.
- Mel’nikova, A.S. (2002), “The place of Ivan the Terrible coins among the monuments of the ideology of autocratic power” in *Iz istorii russkoi kul’tury* [From the history of Russian culture], vol. 2, book 1, Moscow, Russia, pp. 610–620.
- Porfiridov, N.G. (1969), “Novgorod ‘veche’ seal” in *Vspomogatel’nye istoricheskie discipliny* [Auxiliary historical disciplines], vol. 2, Leningrad, USSR, pp. 190–198.

- Pchelov, E.V. (2011), *Bestiarii Moskovskogo tsarstva: zhivotnye v emlematike Moskovskoy Rusi konca XV–XVII vv.* [Bestiary of the Moscow Kingdom. Animals in the emblematic of Moscow Russia of the late 15th – 17th centuries], Moscow, Russia.
- Pchelov, E.V. (2012), “Staff, scepter, rod: from the history of the regalia of the Moscow Kingdom”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Historical studies. Historiography. Source Studies. Methods of Historical Researches” Series*, vol. 101, no. 21, pp. 159–173.
- Pchelov, E.V. (2018), “How the coat of arms of the Siberian Kingdom was formed in the 16th – 17th centuries” in *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Works of the State Hermitage Museum], vol. 92, Saint Petersburg, Russia, pp. 64–66.
- Pchelov, E.V. (2021), “Territorial heraldry of the Moscow Kingdom in the ‘Titulyarnik’ of 1672”, *Herald of an Archivist*, no 3, pp. 665–674.
- Rumyantseva, V.V. (1986), *Emblemy zemel’ i gerby gorodov Levoberezhnoy Ukrainy perioda feodalizma* [Emblems of lands and coats of arms of cities of Left-Bank Ukraine of the feudal period], Kiyv, USSR.
- Khoruzhenko, O.I. (2021), “Novgorod ‘veche’ seal in publications and researches”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg University. History], vol. 66, no. 2, pp. 630–643.

Информация об авторе

Евгений В. Пчелов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; dep_kvssid@rggu.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6541-244X>

Information about the author

Evgeny V. Pchelov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; dep_kvssid@rggu.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6541-244X>

География распространения
московских Евангелий в 1630-х гг.:
по материалам Архива
Приказа книгопечатного дела

Максим Ю. Борисов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, maksbor2202200@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам реконструкции географии распространения четырех изданий печатного московского Евангелия в 1630 х гг. Основным источником исследования выступил корпус продажных записей Приходных книг Приказа книгопечатного дела, который ныне хранится в составе Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 1182). В течение десяти лет представителями всех сословий было совершено больше тысячи покупок Евангелий, большая часть из которых осела в столице. Однако значительное число Евангелий разошлось по стране. Источниковедческий анализ с применением количественного метода позволил раскрыть широкий информационный потенциал продажных записей и сформировать целостную картину распространения печатной книги по восьми историко-географическим регионам. Больше всего покупателей было зарегистрировано из Замосковского и Заозького краев, которые сильнее других пострадали во время Смуты и потом наиболее активно развивались. Проведенный анализ позволил подтвердить лидирующую роль древних культурно-экономических центров в распространении печатного Священного писания, покупателями которых в основном были городские представители. Оказалось, что часто существенные покупки делали те города, которые во время Смуты подверглись наиболее сильному разорению и в последующие годы активнее всего развивались.

Ключевые слова: Евангелие, история книги, кириллические книги, Московский печатный двор, Приказ книгопечатного дела, Приходные книги

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Борисов М.Ю. География распространения московских Евангелий в 1630-х гг.: по материалам Архива Приказа книгопечатного дела // История и архивы. 2022. № 4. С. 26–44. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-26-44

Geography of the distribution
of the Moscow altar Gospels in the 1630s.
Based on the materials from the Archives
of the Book Printing Department

Maksim Yu. Borisov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, maksbor2202200@mail.ru*

Abstract. The article deals with the reconstruction for the distribution geography of the distribution of the four editions of the printed Moscow Gospel in the 1630s. The corpus of the sales records of the Receipt Books of the Book Printing Department served as the main source for the study; the records are now kept in the Russian State Archives of Ancient Acts (F.1182). Over the course of ten years, the representatives of all estates had made more than a thousand purchases of the Gospels, most of which remained in the capital. However, a significant number of the Gospels were dispersed around the country. The source study analysis using the quantitative method made it possible to reveal the wide information potential of the sales records and to form a holistic picture of the distribution of a printed book in 8 historical and geographical regions. Most of the customers were recorded from the Zamoskovny and Zaotsky regions, which suffered more than other areas during the Time of Troubles and then developed most actively. The research made it possible to confirm the leading role of the ancient cultural and economic centers in the dissemination of the printed Scripture, the buyers of which were mainly urban representatives. It turned out that significant purchases were often made by those cities which, during the Time of Troubles, were subjected to the most severe devastation and in subsequent years made great progress.

Keywords: Gospel, history of the book, Cyrillic books, Moscow Printing House, Book Printing Department, Receipt books

The article was submitted 05.02.2022;
accepted for publication 10.08.2022

For citation: Borisov, M.Yu. (2022), "Geography of the distribution of the Moscow altar Gospels in the 1630s. Based on the materials of the Archives of the Book Printing Department", *History and Archives*, no. 4, pp. 26–44, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-26-44

Сведения о деятельности Московского печатного двора (далее – МПД) дошли до нас в составе Архива Приказа книгопечатного дела (РГАДА. Ф. 1182). По своей характеристике этот комплекс документов является уникальным, так как содержит в себе источники,

отражающие культурное развитие Русского государства в XVII в. Особый интерес представляют Приходные книги, которые содержат сведения об этапах производства и выпуска тиражей и о продаже книг в лавке МПД. Продажные записи дают исследователям ценнейший материал не только для реконструкции социального состава покупателей, но и для изучения географии распространения печатной книги по стране. Продажные записи отражают и определенные традиции, сложившиеся в области, например, купли-продажи и отношения к книге, которые бытовали в русском обществе.

Первые сведения о продаже книг в типографской лавке на Никольской улице относятся к 1632 г. Документированная торговля продолжалась до 1664 г. Специальные «лавочные сидельцы» вели подробную поименную запись покупателей отдельно по каждому продававшемуся изданию [Пушков 2017, с. 68]. Поэтому в своем распоряжении мы имеем достаточно подробные сведения об уровне спроса и распространения книг по конкретно взятому изданию в 1630-х гг.

Архив Приказа книгопечатного дела долгое время находился вне поля зрения исследователей. Он был открыт только в 1863 г. управляющим Синодальной типографией М.И. Гиляровым-Платоновым, документы архива с тех пор использовались в трудах многих историков. Продажные записи долгое время находились за рамками интересов ученых, и только во второй половине XX в. эта проблематика получила свое развитие. Основателем нового направления изучения архивных документов МПД стал С.П. Луппов, который начал изучать социальный состав покупателей второй половины XVII в., опубликовав несколько Приходных книг [Луппов 1981, с. 6–21; Луппов 1983, с. 167]. Им была разработана методика работы с приходными записями, которая во многом легла в основу для проведения последующих исследований.

Сегодня наиболее активное изучение приходных записей с историко-культурной точки зрения проводится сотрудниками Археографической лаборатории МГУ. В их коллективном труде «Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.» в одном из разделов В.П. Пушковым была изучена Приходная книга за 1636–1637 гг. Проведенный анализ продажных записей за определенный временной срез позволил ученому не только определить основные механизмы и особенности книжной торговли в России, но и составить картину социального состава покупателей. Интересна также и реконструкция географического распространения по стране купленных в лавке МПД печатных книг [Поздеева, Пушков, Дадькин 2001, с. 74–115]. В дальнейшем сотрудниками Археографической лаборатории МГУ был

выпущен ряд важных статей, посвященных изучению истории продажи и бытования в читательской среде московских печатных книг различных названий [Пушков, Пушков 2005, с. 356–368; Пушков 2010, с. 50–57; Пушков 2019, с. 311–315; Дадыкин 2003, с. 179–197; Соломин 2003, с. 197–214; Белянкин 2011, с. 46–56]. М.А. Лебедь рассмотрела ранний этап реализации изданий МПД. В 1620-е гг. тиражи расходились по стране за счет их централизованного развоза силами различных ведомств и административной организации продажи книг через московские торговые ряды [Лебедь 2009, с. 28–37]. Важную роль играет диссертационное исследование Е.В. Шапиловой, посвященное всестороннему изучению московского печатного Евангелия (богослужебного и учебного). Автор, в том числе, исследовала его распространение за 1620 – 1660-е гг. [Шапилова 2008, с. 173–180]. Однако, на наш взгляд, эта тема требует более детального изучения, поскольку за расширением географических рамок может теряться динамика колебаний продаж изданий конкретных названий на отечественном книжном рынке. Объектами изучения становились и продажные списки книг других типографий [Шустова 2011, с. 102–116].

В рамках нашего исследования были изучены четыре Приходные книги Приказа книгопечатного дела¹, содержащие сведения о продажах трех изданий Евангелий, выпущенные МПД 1 июня 1628 г. (за 35 сделок приобретено 38 экз.), 30 сентября 1633 г. (663 сделки – 929 экз.) и 3 февраля 1637 г. (711 сделок – 1043 экз.). Ранее нами на базе данных документов проводилось исследование социального состава покупателей Евангелий на престольных данных изданий [Борисов 2021, с. 113–118]. Поэтому автор статьи ограничится изучением их распространения, которое осуществлялось только физическими покупателями через лавку МПД. На сегодняшний день отечественной историографии известны случаи централизованной рассылки книг и в 1630-е гг. (*«в Устюжскую четь послано книг сто дватцат Миней месяца декабря по государственной указной цене <...> розослат по городом, а за те за книги взяти денги»*²).

Выбор богослужебного Евангелия в качестве объекта исследования объясняется той высокой ролью, которую оно играло в Русском государстве. В нем нуждались все религиозные учреждения страны, так как книга была центральной во время проведения литургии. Необходимо учесть, что первые десятилетия после Смуты являлись восстановительными, шло активное строительство новых церквей и монастырей, а также приводилось в порядок

¹ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 14, 16, 20, 29.

² Там же. Д. 29. Л. 136–136об.

разоренное хозяйство старых. Поэтому спрос на Евангелия был достаточно высок, о чем свидетельствует уровень их продаж. Покупали их практически все слои населения. Количество проданных Евангелий распределилось между духовными (909) и светскими (905) лицами практически поровну. Поскольку книги не предназначались для домашнего прочтения, большинство из них со временем осело в религиозных учреждениях благодаря широко применявшейся традиции вклада. Поэтому будет интересно посмотреть, какие историко-географические области больше всего нуждались в Евангелиях на престольных и играли наибольшую экономическо-культурную роль на формировавшемся отечественном книжном рынке.

В 1630-х гг. в книжной лавке МПД было совершено 1409 покупок (2010 экз.) Евангелий на престольных. Из этого числа 218 покупок, или 15,5%, географически никак не обозначены, поэтому определить их местоположение невозможно. На столичных покупателей пришлось 736 сделок или 61,8% от общего числа (1070 экз. или 61,1%). Провинциальные покупки зафиксированы в 455 сделках, в ходе которых было приобретено 680 книг.

Провинциальные покупки представлены 181 адресом. Список поражает своей широтой и разнообразием: за десятилетний срез было обнаружено участие всех экономических регионов России в культурной жизни, кроме Сибири. Одновременно в глаза бросается резкая неравномерность в распределении книг по стране. Порядка 134 адресов за 10 лет отличились 1–2 покупками, т. е. их присутствие на книжном рынке было непостоянным. При этом только 12 городов приобрели в общей сложности 229 экземпляров (34,9% от общей суммы). Большинство крупных покупок были сделаны северорусскими городами (Вологда, Суздаль, Кострома, Ярославль, Новгород Великий), а также рядом населенных пунктов южнее Москвы (Калуга, Переславль-Рязанский, Тула, Боровск) и волжских городов (Нижний Новгород, Арзамас и Казань). В большинстве случаев Евангелия приобретали горожане. Сельская местность почти исключительно представлена служителями приходских церквей. Представителями монастырей в общей сложности было приобретено 268 книг (39,4%) – самые крупные из них: Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Отмечаем осязаемое присутствие общепризнанных русских культурных центров на книжном рынке.

Сгруппировать покупателей книг было решено по восьми историко-географическим областям, опираясь на традиции отечественной историографии [Готье 1937, с. 84–89; Поздеева, Пушкин, Дадыкин 2001, с. 110–111; Лебедь 2009, с. 33–35]:

№ п/п	Историко-географическая область	Число адресов	Число покупок	Среднее число покупок на один адрес	Число приобретенных книг	Среднее число приобретенных книг на один адрес
1	Замосковский край	68	173	2,5	305	4,5
2	Заоцкий край	35	93	2,6	122	3,5
3	Поморье и русский Север	26	68	2,6	104	4
4	Понизовые волжские города	19	49	2,6	63	3,3
5	Северо-Запад	14	41	2,9	46	3,3
6	Московский уезд	15	23	1,5	30	2
7	Иностранные покупки	3	7	2,3	9	3
8	Сибирь	1	1	1	1	1
Итого:		181	455	2,5	680	3,75

Замосковский край являлся ядром Русской государственности и объединил в себе старинные территории Владимиро-Суздальской земли, которые сгруппировались вокруг Москвы. В связи с этим естественным выглядит выделение Московского уезда как области, наиболее подверженной столичному влиянию. Севернее Замосковского края традиционно выделяется регион Поморья и русского Севера (от Карелии до Уральских гор и от Вологодской земли до Архангельска). Северо-Западнее расположились древние русские земли – Новгородская, Псковская и Тверская. Южнее р. Оки на территории бывшего Дикого поля и до Украины выделяется регион Заоцкого края. Понизовые волжские города представлены осваиваемой территорией от Нижнего Новгорода до Астрахани. Предполагается, что данная историко-географическая группировка является приемлемой для изучения российского книжного рынка на примере Евангелий на престолольных.

Очевидным лидером по числу адресов (68, или 37,6%), покупок (173, или 38%) и приобретенных книг (305, или 44,8%) является Замосковский край как самый развитый, населенный регион, пострадавший во время Смуты. Список адресов покупателей расположился следующим образом:

№ п/п	Адрес		Кол-во покупок	Кол-во приобретенных экз.
1	Суздаль		13	38
	Костромской уезд	Воскресенский стан	1	1
		Городок Любим	1	1
		села Васильевское, Городище, Вороня, Семешино, Шилпухово и Замеры Без точного указания населенного п.	6	6
2	Кострома		12	24
	Ярославль		12	17
3	Троице-Сергиева Лавра		8	60
	Боровск		8	12
	Галич		8	8
4	Ростов Великий		7	11
	Владимир		7	8
	Галицкий уезд	Черный стан	1	1
		Волости Спасская и Корцовская Без точного указания населенного п.	2	2
5	Серпухов		6	16
6	Коломна		5	13
	Муром		5	5
	Ярославский уезд	село Покровское Без точного указания населенного п.	1	1
7	Дмитров		4	4
	Ростовский уезд	села Савинское и Егорьевское	2	3
		Без точного указания населенного п.	2	2
	Муромский уезд	село Степанково	2	2
Прохорова пустыня Без точного указания населенного п.		1	1	
8	Углич		3	8
	Кашира		3	3
	Коломенский уезд (без указания населенного п.)		3	3
	Владимирский уезд	Ярополческая волость	1	1
		дворцовое село Малые Всегодия Без точного указания населенного п.	1	1
		1	1	

9	Волоколамск		2	2
	Гороховец		2	2
	Можайск		2	2
	Малоярославец		2	2
	Горицкий монастырь (Переславль-Залесский)		2	2
	Боровский уезд	село Парамышево	1	1
		Без точного указания населенного п.	1	1
	Переславский уезд	села Дубровичи и Бибирево	2	2
Пошехонский уезд	Волская волость	1	1	
	Без точного указания населенного п.	1	1	
10	Сновицкий монастырь (Суздальский уезд)		1	2
	Юрьев-Польский		1	2
	Романовский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Рыбинский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Романов		1	1
	Паисиев монастырь (Галицкий уезд)		1	1
	Дмитровский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Звенигород		1	1
	Звенигородский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Каширский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Клинский уезд: село Копылово		1	1
	Шеренский монастырь (Костромской уезд)		1	1
	Макарьево-Унженский монастырь (Костромской уезд)		1	1
	Переславль-Залесский		1	1
	Городецкий монастырь (Чухломской уезд)		1	1
	Александровская слобода		1	1
	Шуя		1	1

Замосковский край находился в непосредственной близости от Москвы, что и обеспечило его лидерство на российском книжном рынке. Этот факт подтверждает историография. Регион

традиционно является самым активным покупателем печатной литературы различных названий ввиду своего экономического, культурного и демографического доминирования. Разграбленные хозяйства церквей и монастырей нуждались в новых «правильных» (с точки зрения царской власти) Евангелиях, напечатанных в Москве. Несмотря на государственную политику централизованного развоза книг по стране, люди очень активно покупали их в лавке МПД.

Первое, что бросается в глаза, это существенное преобладание Севера над Югом от Москвы по числу адресов покупателей (53 из 68 или 78,5%) и покупок (124 из 173 или 71,7%) с количеством приобретенных книг (241 из 305 или 79%). Примечательно, что только лидеры первых пяти позиций в сумме за это время приобрели 217 книг, или 71,1% от общей суммы. Первое место по количеству покупок занял древний русский город и центр православного монашества Суздаль, который подвергся сильному разорению во время Смуты. Среди Северной части Замосковского края также выделяется Костромская провинция (25 покупок и 40 экз.), что было ожидаемо. Показательным является и высокая активность Троице-Сергиевой лавры, что полностью отражает ее высокую культурную роль в жизни Русского государства.

Следует отметить, что половина всех адресов (35) принадлежит сельской местности. Для нее характерно неточное наименование адресов, например, указание одного уезда, волости или стана. Городские же покупатели всегда указывали наименование населенного пункта. Чуть больше половины адресов (40) отличились лишь единичными покупками, следовательно, их присутствие на книжном рынке было незначительным. Большая их часть представлена сельской местностью (29). 10 городов Замосковского края отличились пятью или большим числом покупок Евангелий за 10 лет, что может отражать их стабильное присутствие на рынке.

Второе место по числу покупок занял Заоцкий край (93, или 20,4%). Регион представляют 35 адресов (19,3%), которые приобрели 122 книги (17,9%):

№ п/п	Адрес	Кол-во покупок	Кол-во купленных экз.
1	Переславль-Рязанский	18	30
2	Калуга	12	17
3	Тула	10	13

4	Шацкий уезд	села Волосатое, Кобяково и Шарги	3	3
		село Саблино	1	2
		Без точного указания населенного п.	5	5
5	Белгород		6	7
6	Путивль		5	5
7	Мещовск		3	3
8	Новосиль		2	3
	Свято-Успенский Шаровкин монастырь (Калужский уезд)		2	2
	Вязьма		2	2
	Брянск		2	2
	Воронеж		2	2
	Козельск		2	2
	Мещовский уезд	село Лычино	1	2
село Козловское		1	1	
9	Вышгород		1	5
	Карачев		1	2
	Дорогобужский уезд: село Мясники		1	1
	Марчуки		1	1
	Белев		1	1
	Рязанский уезд: село Щурово		1	1
	Мосальский уезд: село Берна		1	1
	Перемышль		1	1
	Новосильский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Тульский уезд: село Василиское		1	1
	Чернь		1	1
	Шацк		1	1
	Болхов		1	1
	Козельский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Крапсин		1	1
Оскол		1	1	

Заоцкий край также пострадал во время Смуты и набегов степняков («приходили литовские люди, черкасы и храм разорили, и книги, и ризы, и колокола снимали, и ныне же той храм стоит

пуст»³). Например, нам известны страшные разорения, которым подверглись такие города-крепости, как Белгород и Вязьма [Володихин 1993, С. 87]. В крайне тяжелой ситуации оказалась и Калуга. Во время Смуты она оказалась в центре активных боевых действий и неоднократно подвергалась разграблению. В последующие годы Калуга страдала от набегов крымских татар [Малинин 1992, С. 37]. С другой стороны, 1630-е гг. характеризуются активным освоением южных земель. Строительство Белгородской засечной черты сделало дороги относительно безопасными, что обеспечило бурное развитие региона. Активно расширялась и церковная инфраструктура, которая требовала значительного количества богослужебных книг – Евангелий. Эти обстоятельства объясняют активное присутствие на книжном рынке наиболее пострадавших (потом развивающихся) городов.

Заоцкий край оказался хорошо представлен оборонительными городами Тульской и Белгородской засечных черт (6 и 7 адресов соответственно), которые совершили 51 покупку, или 54,8% от общего числа, и приобрели 69 книг (57%). В этой ситуации довольно понятны лидирующие места таких городов в покупках Евангелий, как Переславля-Рязанского, Тулы и Белгорода (в сумме 50 экз.), как ведущих оборонительных и экономических мест в крае. Переславля-Рязанский в 1630-е гг. вообще оказался рекордсменом по количеству покупок Евангелий, почти все они были совершены духовными лицами. Неожиданным оказалось и активное присутствие на рынке Шацка и его уезда, которые в сумме совершили 10 покупок (11 экз.). При этом большая часть адресов (28 из 35), среди которых городских поселений большинство, отметились лишь 1–2 покупками.

Третье место по числу покупок заняло Поморье и русский Север (68, или 15%). За 10 лет 26 адресов (14,4% от общего числа) в общей сложности приобрели 104 книги (15,3%). Список покупателей расположился следующим образом:

№ п/п	Адрес		Кол-во покупок	Кол-во купленных экз.
1	Вологда		15	33
	Вологодский уезд	волости Томошская, Ракоходская, Коломенская, Уфтюская и Южская	5	5
		село Устье	1	1
		Без точного указания населенного п.	9	9

³ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. Д. 420. Л. 8.

2	Кирилло-Белозерский монастырь	11	20
3	Соловецкий монастырь	5	9
4	Каргополь	4	4
5	«на Вятку»	3	3
6	Сольвычегодск	2	5
	Великий Устюг	2	2
7	Олонецкий уезд (без указания населенного п.)	1	2
	Холмогоры	1	2
	Холмогорский уезд (без указания населенного п.)	1	1
	Белозерский уезд (без указания населенного п.)	1	1
	Михайло-Архангельский монастырь (Двина)	1	1
	«на Вагу»	1	1
	Тотемский уезд: село Верховажье	1	1
	Андреянова пустынь	1	1
	Сумской острог	1	1
	Устюжский уезд: Черевковские	1	1
Хлынов	1	1	

Поморье и русский Север отличается неравномерным распределением книг по региону. Только одна Вологда с уездом совершили 30 покупок, т. е. почти половину от общего числа, в ходе которых было приобретено 48 Евангелий (46,1%). Самым активным вологодским покупателем стал Спасо-Прилуцкий монастырь (5 сделок и 14 экз.). Таким образом, можно сказать, что особенностью региона является активная роль монастырей, на долю которых пришлось 23 покупки (33,8%) и 45 экз. (42,4%). Регион в большинстве своем оказался представлен сельской местностью (16 адресов), которая отличилась 1–2 покупками на каждый субъект. О более-менее стабильном присутствии на книжном рынке можно говорить только о Вологде, Каргополе, Кирилло-Белозерском и Соловецком монастырях, которые являлись не только крупными экономическими субъектами в регионе, но известными русскими культурными центрами Севера.

Четвертое место по числу совершенных покупок заняли Понизовые волжские города (49, или 10,8%). Они отличились 19 адресами (10,5%) и покупкой 63 книг (9,3%):

№ п/п	Адрес		Кол-во покупок	Кол-во купленных книг
1	Нижний Новгород		12	16
2	Арзамас		7	8
	Арзамасский уезд	село Гагино	3	3
		село Красное	2	2
		села Худошино и Печамеры	2	2
Казань		7	10	
3	Астрахань		4	7
		села Курмыши и Плотниково	2	2
		Без точного указания населенного п.	2	2
4	Соликамск		2	3
5	Свияжск		1	2
	Богородск		1	1
	Курмышский уезд: село Мурашкино		1	1
	Оса		1	1
	Верхоценская волость (без указания населенного п.)		1	1
	Алатырь		1	1
	Воротыновск		1	1

Поволжский регион также отличается неравномерным распределением книг по адресам. Так, например, лидеры – Нижний Новгород, Арзамас, Казань и Астрахань совершили 30 покупок (61,2%) и приобрели 41 книгу (66,1%). Весьма примечательно, что среди крупных и старинных городов-покупателей оказался Арзамас, который был основан только во второй половине XVI в. Почти половина адресов (9) располагается в сельской местности, однако большая часть книг (50 экз.) все-таки осела в городах.

Пятое место занял Северо-Запад (41 покупка или 9%). За это время 14 адресов (7,7%) приобрели 46 книг (6,8%):

№ п/п	Адрес	Кол-во продаж	Кол-во купленных книг
1	Новгород Великий	9	11
	Кашин	9	10

2	Троицкий-Макарьев монастырь (Калязин монастырь)		7	7
3	Торопец		3	3
	Ржевский уезд	села Городище и Селижарово	2	2
		Без точного указания населенного п.		1
Ржев		3	3	
4	Псков		2	4
5	Калязин		1	1
	Кашинский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Новоторжский уезд (без указания населенного п.)		1	1
	Донской монастырь		1	1
	Тверской уезд: село Боля		1	1

Констатируем, что древний русский Северо-Запад отличился небольшим количеством покупок по сравнению с другими регионами. Стоит отметить, что эти территории во время Смуты также сильно пострадали от польских и шведских войск. Например, Новгород Великий в 1611–1617 гг. был оккупирован шведами и подвергся страшному опустошению («*монастыри и церкви на посаде и уезде <...> разориша, и колоколы и наряд весь вывозиша в немцы, и всю Софийскую сторону разориша и дворы пожгоша...*») [Володихин 1993, С. 86]. Разорению подверглись также Кашин, Торопец, Ржев и Троицкий Макарьев монастырь. Вполне ожидаемо, что представители именно этих населенных пунктов больше всего приходили в лавку МПД за богослужебными Евангелиями.

Видна концентрация покупок в Новгороде Великом, Кашине и Троицком Макарьевом монастыре (25, или 61%), которые приобрели 28 Евангелий, или 60,9%. Удивительно высоки были позиции Кашина, который относился к древней Тверской земле, но при этом покупок из самой Твери не было зарегистрировано. Неожиданно низкими оказались и позиции Пскова – всего две покупки Евангелий за 10 лет. Этому способствовало сильное запустение населенных мест после Смуты и стабильного оттока населения на юг [Готьё 1937, С. 189–190].

Шестое место заняли покупатели Московского уезда (23 сделки, или 5%), которые представлены 15 адресами (8,3%) и купившие 30 книг (4,4%):

№ п/п	Адрес	Кол-во покупок	Кол-во купленных книг
1	Николо-Угрешский монастырь	3	8
2	Сокольская волость (без указания населенного п.)	3	3
	село Чернево	3	3
	село Красное	3	3
3	Московский уезд (без указания населенного п.)	2	2
4	село Дегунино	1	2
	Государево село Бронницы	1	1
	Государево дворцовое село Богородицкое	1	1
	село Лужники	1	1
	село Бужерово	1	1
	село Мартыново	1	1
	село Матвеевское	1	1
	село Образово	1	1
	село Покровское	1	1
приселок Семеновский	1	1	

Столичный округ почти полностью представлен сельской местностью (14 из 15 адресов), часть из которых были пригородами Москвы. Люди приходили за книгами как из вотчинных сел, так и из дворцовых. Почти все покупатели явились представителями сельских приходских церквей. На этом фоне самым крупным приобретателем стал Николе-Угрешский монастырь.

Предпоследнее место заняли иностранцы, три адреса (1,7%) которых совершили 7 покупок (1,5%). Ими было приобретено всего 9 книг (1,3%):

№ п/п	Адрес	Кол-во покупок	Кол-во купленных книг
1	Чернигов	3	4
2	Новгород-Северский	2	3
	Смоленск	2	2

Все иностранные покупки были сделаны адресами из Речи Посполитой. Примечательно, что в этой группе отметились исключительно города, которые либо находились в непосредственной близости к границам Русского государства, либо культурно и исторически были с ней связаны.

Последнее место занял Сибирский регион, который отличился только разовой покупкой адресом из Томска⁴. Можно сказать, что фактически Сибирь в то время не участвовала в формировании отечественного книжного рынка в части покупок богослужебных Евангелий.

Таким образом, можно констатировать, что информационные способности приходных записей очень широки. Благодаря им удалось выстроить целостную картину географического распространения Евангелий в 1630-х гг., определить их влияние на формирование общероссийского книжного рынка. Как оказалось, в распространение печатных Евангелий была втянута вся Европейская часть России, многие старинные культурно-экономические центры подтвердили свои высокие позиции в формировании российских духовных ценностей. Одновременно заметны последствия Смуты для российских регионов. Те городские церкви и монастыри, которые были разорены, затем в течение 1630-х гг. активно покупали богослужебные Евангелия для восстановления своего хозяйства. Дальнейшее изучение приходных записей Приказа книгопечатного дела других наименований книг позволит еще больше расширить наши знания об уровне влияния печатной книги на жизнь русского обывателя и их бытовании в отечественном обществе.

Литература

- Белянкин 2011 – *Белянкин Ю.С.* Документы архивов московских приказов об издании и распространении антистарообрядческих книг Печатного двора во второй половине XVII в. // Отечественные архивы. 2011. № 4. С. 46–56.
- Борисов 2021 – *Борисов М.Ю.* Социальный состав покупателей московских Евангелий на престольных в 1630-х гг. (по документам архива Приказа книгопечатного дела) // Румянцевские чтения. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2021. С. 113–118.
- Володихин 1993 – *Володихин Д.М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1993. 209 с.
- Готье 1937 – *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Соцэкгиз, 1937. 411 с.

---

⁴ Там же. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 16. Л. 155об.

- Дадыкин 2003 – *Дадыкин А.В.* Издания Пролог на Московском печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения – 2003. М.: Наука, 2003. С. 176–197.
- Лебедь 2009 – *Лебедь М.А.* Архив Приказа книгопечатного дела: реализация московских изданий в 1620-е гг. // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 28–37.
- Луппов 1981 – *Луппов С.П.* Продажа в Москве учебных псалтырей (1663 г.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII – первой половине XIX в. [Б. м.], 1981. С. 6–21.
- Луппов 1983 – *Луппов С.П.* Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. 167 с.
- Малинин 1992 – *Малинин Д.И.* Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга: Золотая аллея, 1992. 272 с.
- Поздеева, Пушкин, Дадыкин 2001 – *Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры: 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М.: Мосгорархив, 2001. 544 с.
- Пушков, Пушкин 2005 – *Пушков В.П., Пушкин Л.В.* Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/1637 гг.»: по данным архива Приказа книгопечатного дела // Федоровские чтения – 2005. М.: Наука, 2005. С. 356–368.
- Пушков 2010 – *Пушков В.П.* Книжные покупки жителей Русского Поморья XVII в. в лавке Московского печатного двора на Никольской улице (по архиву Приказа книгопечатного дела) // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Вып. 5. Архангельск: Архангельская обл. науч. б-ка им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 50–57.
- Пушков 2017 – *Пушков В.П.* Московский печатный двор и традиции русской книжной культуры XVII в. // Румянцевские чтения. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2017. С. 67–70.
- Пушков 2019 – *Пушков В.П.* Боровск на книжном рынке Москвы XVII в. (по архиву Приказа книгопечатного дела) // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 2019. С. 311–315.
- Соломин 2003 – *Соломин И.И.* Первые издания Паренесиса преп. Ефрема Сирина на Московском печатном дворе в середине XVII в.: Динамика распространения экземпляров: Социальный и географический аспекты продаж // Федоровские чтения – 2003. М.: Наука, 2003. С. 197–214.
- Шапилова 2008 – *Шапилова Е.В.* Евангелия Московского печатного двора в истории книжной культуры России 20–60-х гг. XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 240 с.
- Шустова 2011 – *Шустова Ю.Э.* Книга протоколов заседаний Львовского Успенского братства за 1599–1650 гг. как источник по истории книгопечатания // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 12(74). С. 102–116.

References

- Belyankin, Yu.S. (2011), “Documents from the Archives of the Moscow Prikazes (Departments) on the publication and distribution of anti-Old Believer books at the Printing House in the second half of the 17th century”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 46–56.
- Borisov, M.Yu. (2021), “The social composition of buyers of the Moscow Gospels altarpieces in the 1630s (according to the documents of the Archives of the Book Printing Department)”, in *Rumyantsevskie chteniya – 2021: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch.* [Proceedings of the Rumyantsev International Science-Practical Conference], Moscow, 2021, part 1, pp. 113–118.
- Dadykin, A.V. (2003), “Prologue editions at the Moscow Printing House in the third quarter of the 17th century”, in: Nemirovskii, E.L. (ed.), *Fedorovskie chteniya – 2003* [Fedorov Conference – 2003], Nauka, Moscow, Russia, pp. 176–197.
- Got'e, Yu.V. (1937), *Zamoskovnyi kraj v XVII veke: Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi* [Zamoskovny Krai in the 17th century. Research essay on the history of the economic life of Moscow Russia], Sotsekgiz, Moscow, USSR.
- Lebed', M.A. (2009), “Archives of the Department of Book Printing. Implementation of Moscow publications in the 1620s”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 28–37.
- Lupov, S.P. (1981), “Sale of educational psalters in Moscow (1663)”, in *Knigotorgovoe i bibliotechnoe delo v Rossii v XVII – pervoi polovine XIX v.* [Bookselling and librarianship in Russia in the 17th – first half of the 19th centuries], USSR, pp. 6–21.
- Lupov, S.P. (1983), *Chitateli izdaniy Moskovsko tipografii v seredine XVII veka* [Readers of the publications of the Moscow Printing House in the middle of the 17th century], Nauka: Leningradskoe otdelenie, Moscow, USSR.
- Malinin, D.I. (1992), *Kaluga: Opyt istoricheskogo putevoditelya po Kaluge i glavneishim tsestram gubernii* [Kaluga. Essay on a historical guide to Kaluga and the main centers of the province], Zolotaya alleya, Kaluga, Russia.
- Pozdeeva, I.V., Pushkov, V.P. and Dadykin, A.V. (2001), *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i factor russkoi kul'tury. 1618–1652 gg.: Ot vosstanovleniya posle gibeli v Smutnoe vremya do patriarkha Nikona: issledovaniya i publikatsii* [The Moscow Printing House is a fact and factor of Russian culture. 1618–1652. From recovery after downfall at the Time of Troubles to Patriarch Nikon. Research and publications], Mosgorarkhiv, Moscow, Russia.
- Pushkov, V.P. and Pushkov, L.V. (2005), “Essay on building the database “Moscow book market in 1636/1637”: according to the Archives of the Book Printing Department”, in *Fedorovskie chteniya – 2005* [Fedorov Conference – 2005], Moscow, Russia, pp. 356–368.
- Pushkov, V.P. (2010), “Book purchases of the residents of Russian Pomorye of the 17th century. in the shop of the Moscow Printing House on Nikolskaya Street (according to the Archives of the Book Printing Department)”, *Knizhnye sobraniya Russkogo Severa: problem izucheniya, obespecheniya sokhrannosti i dostupnosti*, issue 5, Arkhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. N.A. Dobrolyubova, Arkhangel'sk, Russia, pp. 50–57.

- Pushkov, V.P. (2017), “Moscow Printing House and the traditions of the Russian book culture of the 17th century”, in *Rumyantsevskie chteniya – 2017: 500-letie izdaniya pervoi slavyanskoi Biblii Frantsiska Skoriny: stanovlenie i razvitie kul'tury knigopечатaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh* [Rumyantsev Conference – 2017. 500th anniversary of the publication of the first Slavic Bible by Francysk Skaryna. The formation and development of a book printing culture. Proceedings of the International Science-Practical Conference], Pashkov dom, Moscow, Russia, part 2, pp. 67–70.
- Pushkov, V.P. (2019), “Borovsk at the Moscow book market of the 17th century (according to the Archives of the Book Printing Department)”, in *Rumyantsevskie chteniya – 2019: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh* [Rumyantsev Readings – 2019. Proceedings of the International Science-Practical Conference], Moscow, Russia, part 2, pp. 311–315.
- Shapilova, E.V. (2008), The Gospels of the Moscow Printing House in the history of the book culture of Russia in the 20–60s of the 17th century, Ph.D. Thesis (History), Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.
- Shustova, Yu.E. (2011), “Book of minutes of meetings of the Lvov Assumption Brotherhood for 1599–1650 as a source on the history of printing”, *RSUH/ RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies Series*, vol. 74, no. 12, pp. 102–116.
- Solomin, I.I. (2003), “The first editions of the Parenthesis by Rev. Ephraim Sirin at the Moscow Printing House in the middle of the 17th century. The dynamics of the distribution of issues. Social and geographic aspects of sales”, in: Nemirovskii, E.L. (ed.), *Fedorovskie chteniya – 2003* [Fedorov Conference – 2003], Nauka, Moscow, Russia, pp. 197–214.
- Volodikhin, D.M. (1993), *Knizhnost' i prosveshchenie v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [Book-keeping and education in the Muscovy state of the 17th century], Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo ob"edineniya arkhivov, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Максим Ю. Борисов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; maksbor2202200@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0720-4298

Information about the author

Maxim Yu. Borisov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; maksbor2202200@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0720-4298

Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО

Вадим В. Никонов

*Гжельский государственный университет,
Московская обл., Россия, nikonova-box2009@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается механизм открытия православных храмов в Московской области во время Великой Отечественной войны. Основным источником исследования являются ежеквартальные отчеты уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову о состоянии и деятельности Церкви в Московском регионе. Эти отчеты содержат статистические сведения о числе действующих и закрытых храмов, а также о ходатайствах, направляемых в Совет верующими, с просьбами о возобновлении приходской жизни. Анализируются документы, свидетельствующие о том, что процесс возвращения храмов верующим начался еще до образования Совета по делам Русской Православной Церкви, и в период с 1941 по 1943 г. в Подмоскovie было открыто 44 храма. В дальнейшем этот процесс продолжился, и к концу 1945 г. богослужения возобновились еще в 45 церквях. Таким образом, из 169 храмов, действовавших в Московской области в 1946 г., более половины были открыты во время войны. Материал основан на архивных документах Центрального государственного архива Московской области, в значительной части вводимых в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Московская область, открытие храмов, Русская Православная Церковь, Совет по делам Русской Православной Церкви, А.А. Трушин

Статья поступила в редакцию 5 июня 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Никонов В.В. Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО // История и архивы. 2022. № 4. С. 45–62. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-45-62

The process of returning the closed churches
in the Moscow region
to believers during the Great Patriotic War.
Based on the sources of the TSAMO

Vadim V. Nikonov

*Gzhel State University, Moscow region, Russia,
nikonova-box2009@yandex.ru*

Abstract. The article considers the mechanism of opening the Orthodox churches in the Moscow region during the Great Patriotic War. The main source of the research is the quarterly reports of A.A. Trushin, the commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in Moscow and the Moscow region, to G.G. Karpov, the Council Chairman, on the state of affairs and the activities of the Church in the Moscow region. Those reports contain statistical information on the number of working and closed churches, as well as on the petitions sent to the Council by believers with the requests to resume the parish life. The analyzed documents indicate that the process of returning the churches to believers started even before the formation of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, and in the period between 1941 and 1943, 44 churches were opened in the Moscow region. Later, that process continued, and by the end of 1945, the services had been resumed in 45 more churches. Thus, of the 169 churches operating in the Moscow Region in 1946, more than half were opened during the war. The material of the article is based on the archival documents of the Central State Archives of the Moscow region, largely introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Moscow region, opening of churches, Russian Orthodox Church, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, A.A. Trushin

The article was submitted 05.06.2022;

accepted for publication 10.08.2022

For citation: Nikonov, V.V. (2022), "The process of returning the closed churches in the Moscow region to believers during the Great Patriotic War. Based on the sources of the TSAMO", *History and Archives*, no. 4, pp. 45–62, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-45-62

В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с тремя митрополитами – Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем) и Сергием (Страгородским), итогом которой стал ряд существенных изменений в формальных отношениях Церкви и советского государства. Одной из новаций явилось создание Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров СССР [Корноухова, Мосейкина 2019; Сосковец 2008].

Многочисленные причины, побудившие Сталина к этой встрече, подробно исследованы [Каиль 2021; Митрофанов 2021]. Остановимся на одной из них, имеющей прямое отношение к заявленной теме. Это массовое открытие немцами церквей на оккупированных территориях. Понятно, что, возобновляя богослужения в закрытых перед войной храмах, нацисты преследовали цели, далекие от идей восстановления социальной справедливости и возвращения Церкви подобающего ей места в обществе, но факт остается фактом: храмы немцы открывали повсеместно. О том, какого масштаба достигало это явление, свидетельствует секретная справка Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР «О действующих и недействующих храмах по областям и республикам СССР и об открытии новых церквей» от 31 октября 1945 г. В ней отмечалось: «На октябрь месяц 1943 г. ко дню образования Совета по делам русской православной церкви¹ действующих православных церквей на территории Союза было – 9829. Из них открыто немцами в период оккупации нашей территории примерно 6500 церквей»². Иными словами, немцы на оккупированной территории открыли в два раза больше храмов, чем их было на всей территории СССР к началу войны.

Таким образом, организация Совета по делам РПЦ была обусловлена в том числе необходимостью решать вопрос с действовавшими на недавно освобожденных территориях храмами. Эта задача возлагалась на руководство Совета, которое действовало через своих уполномоченных на местах. Очевидно, что храмы вновь закрывать было невозможно, следовательно, требовалось их фактический статус закрепить официально [Чумаченко 2008]. В марте 1944 г. всем уполномоченным Совета было разослано письмо, в котором содержалась следующая инструкция: «В связи с тем, что в освобожденных от немецкой оккупации районах имеются незарегистрированные церкви и молитвенные дома, открытые в период оккупации, уполномоченному необходимо приступить к постепенной регистрации таких (фактически существующих) церквей и молитвенных домов, а также духовенства с тем, чтобы регистрация была закончена к 15 июля с. г., причем функционирование их в период

---

¹ Здесь и далее: в большинстве официальных документов 1943–1945 гг. Совета по делам Русской Православной Церкви полное ее именование указано со строчных букв. Периодическое написание с прописных наблюдается лишь с 1946 г.

² Справка Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР «О действующих и недействующих храмах по областям и республикам СССР и об открытии новых церквей». 31 октября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 499. Л. 37–41.

регистрации прекращаться не должно»³. Инструкция была секретной, и ее содержание должно было сохраняться в тайне от духовенства и верующих: «Инструкция предназначена только для служебного пользования, а потому знакомить с ней духовенство и верующих не разрешается. Инструкция должна храниться наравне с документами, не подлежащими оглашению»⁴. Следует отметить, что факт подтверждения статуса действующих для храмов, открытых немцами, после освобождения оккупированных территорий, несомненно, стал достоянием общественности и, как будет показано ниже, в значительной степени давал надежду на открытие храмов вообще.

Согласно внутренним документам Совета по делам Русской Православной Церкви, процесс открытия храмов в Москве и Московской области начался уже в первые годы войны, то есть еще до образования Совета осенью 1943 г., причем не только на оккупированных и освобожденных территориях. В докладной записке «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области», составленной уполномоченным Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушиным 1 августа 1944 г., сообщается: «До начала Отечественной войны в г. Москве и области действовало 136 церквей. Увеличение действующих церквей произошло главным образом до организации Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР (8 октября 1943 года), когда исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся по ходатайству групп верующих разрешили открывать недействующие церкви. Так, например, в Михневском⁵ районе открыто 3 церкви, в Павлово-Посадском – 3, в Михайловском⁶ – 3, Дмитровском – 2, Раменском – 3, и т. д., а всего в области за период войны открыто 44 церкви»⁷.

---

³ Сопроводительное письмо к Инструкции Совета для уполномоченных по делам церкви при СНК республик и обл(край)исполкомах. 4 марта 1944 г. // Государственный архив Сумской области. Ф. Р-2196. Оп. 12. Д. 1. Л. 7. Цит. по: Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов. М.: РОССПЭН, 2019. С. 254–255.

⁴ Там же.

⁵ В 1959 г. Михневский район был упразднен, а его территория была разделена между Ступинским и Подольским районами Московской области. См.: Справочник по административно-территориальному делению Московской области: 1929–2004 гг. М.: Кучково поле. С. 346 (далее: Справочник).

⁶ В 1946 г. Михайловский район Московской области был переведен в состав Рязанской области. См.: Справочник. С. 340.

⁷ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской

Между тем весть о том, что общий вектор церковно-государственных отношений меняется, распространилась молниеносно, и верующие, долгие годы тосковавшие по своим храмам, обрели надежду на то, что и их приходы вскоре будут восстановлены. Однако, несмотря на то что в ноябре 1943 г. Совнарком СССР принял постановление № 1325 «О порядке открытия церквей»⁸, определявшее порядок возвращения храмов Церкви, открывать их на территориях, которые не были оккупированы, власти готовности не проявляли. Незадолго до этого в личной беседе с Г.Г. Карповым В.М. Молотов признал, что открывать церкви придется, но следует не особенно при этом торопиться. Его практические указания свелись к следующему: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей, а провести следующее: имеющиеся в Совете заявления об открытии церквей переслать на места на заключение, разобраться в обстановке, узнать, где, сколько заявлений, о каких храмах конкретно идет речь, узнать мнение патриарха и затем представить правительству письмо, в котором показать обстановку и свои предложения, где Совет считает целесообразным открыть церкви. В последующем по вопросу открытия церквей входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы» [Одинцов 2013, с. 365].

Но в многочисленных закрытых приходах этого не знали, и во вновь образованный Совет по делам РПЦ потоком пошли ходатайства с просьбой об открытии храмов, причем в значительной части эти ходатайства не доверяли почте, а привозили самостоятельно. Сведения о том, насколько массовым стал этот процесс в Москве и Московской области уже в первые месяцы 1944 г., содержатся в докладной А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову. «По состоянию на 1 апреля 1944 г., – писал чиновник, – в Мосгорисполком и Исполком Мособлсовета поступило 208 заявлений об открытии церквей, из коих 201 заявление – по районам Московской области и 7 – по гор. Москве. Рассмотрено 115 заявлений, из них по 112 заявлениям ходатайство верующих решением Исполкома Мособлсовета отклонено, а по 3 заявлениям были написаны заключения на открытие и направлены в Совет. Последний постановлением от 28/II-44 г. разрешил открыть. Решение Совета об открытии трех церквей в Московской области одобрено СНК СССР»⁹.

области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–24.

⁸ Постановление СНК СССР № 1325 «О порядке открытия церквей». 28 ноября 1943 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25–26.

⁹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову от 20 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–11.

В этом же документе имеются важные сведения о ряде случаев самовольного проведения богослужений в некоторых храмах Подмосковья: «В сентябре месяце 1943 г. группа верующих незаконно открыла церковь в с. Киясове Михневского района, а со стороны исполкома райсовета своевременно не были приняты необходимые меры, таким образом, недействующая церковь, с 1939 г., вновь стала функционировать»¹⁰. Следует обратить внимание на дату самовольного «незаконного открытия» церкви – сентябрь 1943 г. Вполне уместным будет предположить, что эта дата неслучайна и причиной такого самоволия стало известие о встрече Сталина с митрополитами, своеобразно понятое киясовскими верующими.

Наше предположение подтверждается еще одним случаем, нашедшим отражение в докладной записке А.А. Трушина: «Бывш. председатель церковного совета “Преображенской” церкви в с. Селенском Высоковского района¹¹, Петров Дмитрий Михайлович в сентябре месяце 1943 г. пригласил неизвестного священника Смирнова Ивана и, имея у себя на руках ключи от недействующей церкви, открыл и возобновил службу. Священник Смирнов... служил в вышеозначенной церкви до декабря 1943 г., когда, боясь преследования сов. органов, скрылся. В конце декабря уже новый пред. церковного совета – Курзенков Илья Сергеевич обратился в Московскую патриархию за священником, откуда им 23 декабря был направлен на регистрацию протоиерей Бабкин Евгений Гаврилович. При регистрации священника было установлено, что данная церковь значится недействующей, а группа верующих ходатайствует об ее открытии»¹². Здесь мы уже имеем дело с очевидной попыткой оформить статус действующего храма по факту его состоявшегося прежде открытия, подобно тому как предполагалось поступать с храмами, открывавшимися немцами на оккупированных территориях. Схема действий местного церковного Совета практически не допускает возможности иного толкования. Кроме того, обращает на себя внимание время фактического возобновления богослужений – это вновь сентябрь 1943 г.

Отмечает в своей докладной записке А.А. Трушин и факты «прямого нарушения законов и постановлений Правительства СССР». Эти факты можно условно разделить на две категории. К первой относились разрешения местных властей на проведение богослуже-

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ В 1957 г. Высоковский район был упразднен, а его территория передана Клинскому району Московской области. См.: Справочник. С. 100.

¹² Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову от 20 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

ний в официально закрытых храмах, как это произошло, например, в селе Иванисове, где «в недействующей церкви Ногинский райисполком разрешил проводить службу в дни религиозного праздника «Рождество» 1944 г.». Такая же недопустимая поблажка была зафиксирована и в селе Язвищи Волоколамского района. Ко второй категории можно отнести нарушения иного рода, когда местные власти позволяли себе излишне открытые и деловые формы общения с верующими. Так, Виноградовский районный исполком, отклонив на законных основаниях ходатайство прихожан села Ванилова об открытии церкви, выдал представителям верующих на руки подробную выписку о своем решении. Между тем инструкции запрещали вступать в подобные отношения с верующими, следовало лишь ограничиться короткой констатацией отказа в просимом. Еще более серьезным нарушением, по мнению А.А. Трушина, являлись неоднократно зафиксированные факты предложений верующим со стороны местных властей в ответ на ходатайства об открытии храмов осуществить в церковных зданиях необходимый ремонт. Так, например, произошло в селе Плетениха Раменского района и в селе Махра¹³ Константиновского района¹⁴. Получив такое предложение, несмотря на тяжелейшее материальное положение, прихожане полностью ремонтировали храмы и на этом основании вполне законно требовали их открытия. Местные органы власти благодаря самоуправству попадали в неловкое положение, тем более что для открытия храма одного ремонта было недостаточно.

Докладную записку в качестве приложения сопровождала таблица, содержащая статистические сведения о действовавших храмах в Москве и области. Согласно этим данным, всего в регионе действовало 177 храмов, из которых 30 находилось в Москве и 147 – в области. В таблице упоминались и те три храма, которые, согласно записке, были открыты в самом начале 1944 г. Они располагались в Виноградовском (ныне – Воскресенский), Коломенском и Малинском (ныне – в основном Ступинский) районах. При этом закрытых храмов в Москве и области насчитывалось 1326, из которых 994 были заняты «для хозяйственных и культурных целей»¹⁵.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ В 1957 г. Константиновский район был упразднен, а его территория была передана Загорскому району Московской области. См.: Справочник. С. 251.

¹⁵ Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также недействующих церковных зданиях русской православной церкви по г. Москве и Московской области на 1 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13.

Начиная с апреля 1944 г. докладные записки уполномоченных Совета по делам РПЦ становятся ежеквартальными, благодаря чему можно наблюдать процессы, происходившие в сфере противостояния властей настойчивым прошениям верующих об открытии храмов.

В июльской 1944 г. докладной записке Г.Г. Карпову уполномоченный Совета по Москве и Московской области А.А. Трушин писал, что «с 1 апреля по 1 июня в Мосгорисполком и исполком Мособлсовета поступило 40 новых заявлений об открытии церквей, из коих 38 заявлений по районам Московской области и 2 – по г. Москве»¹⁶. За этот же период Советом было рассмотрено 60 заявлений (с учетом поступивших прежде), 56 из которых было отклонено. По оставшимся четырем были составлены заключения на возможное открытие. Однако согласия вышестоящих инстанций получено не было.

В отличие от второй половины 1943 г., в очередном отчетном периоде ни одного случая самовольного открытия храмов зафиксировано не было, что, несомненно, говорит о твердой позиции Совета, которая, очевидно, быстро стала понятна всем, надеявшимся на быстрое возобновление приходской жизни. Но активизация религиозной жизни продолжалась. «Наблюдаются случаи, – читаем в записке, – когда духовенство по просьбе отдельных лиц совершает религиозные обряды в общественных местах». Примечательным является список «общественных мест», где совершались обряды: в Дмитровском районе таким местом стал скотный двор в селе Орудьево, в селе Акулове Кунцевского района (ныне – территория Москвы) – поле и река.

С неудовлетворением отметил Трушин в докладной записке, что в ряде мест продолжилась практика, когда местные власти предлагали верующим отремонтировать церковные здания с целью дальнейшего открытия храмов, а также выдача самовольно создававшимся религиозным объединениям копий отказов в ходатайствах.

Статистика по ходатайствам об открытии церквей в Москве и области по состоянию на 1 июля 1944 г. выглядела так: всего за период работы Совета по делам РПЦ, т. е. с 8 октября 1943 г., в Мосгорисполком и Мособлсовет поступило 245 заявлений, причем подавляющее большинство из них – 236 – от групп верующих Московской области, и только 9 – от верующих г. Москвы¹⁷. Подобное

¹⁶ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову от 20 июля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17.

¹⁷ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении

соотношение будет сохраняться в течение длительного времени, что на первый взгляд может показаться неожиданным, так как в Москве жителей было больше, чем в области, а действующих храмов, как показано выше, – примерно в пять раз меньше. До революции церквей в Москве было также меньше, чем в Московской губернии, но соотношение было иным. По состоянию на 1913 г. в Москве насчитывалось примерно¹⁸ 450 храмов, а в губернии – 1059¹⁹. Реальная пропорция будет еще меньше, так как некоторая часть Московского уезда, учтенного как территория губернии, в период с 1913 по 1944 г. вошла в состав г. Москвы. Сделав соответствующее допущение, можно предположить, что на территории Москвы располагалось примерно в два раза меньше храмов, чем в губернии/области. Вследствие репрессивной политики советского государства число городских храмов уменьшилось не менее чем в 15 раз, а областных – «всего» в 6. Но число ходатайств об открытии храмов, поступивших из области, превышало число тех, которые поступили из Москвы, более чем в 26(!) раз. Предпринимая попытку объяснить этот феномен, можно лишь предположить, что городское (столичное) население, с одной стороны, оказалось более восприимчивым к массовой антирелигиозной пропаганде, а с другой – продемонстрировало значительную оторванность от традиционных жизненных устоев, продолжавших сохраняться и оказывать консолидирующее влияние на религиозное чувство жителей сельских районов и небольших городов, расположенных в Подмосковье.

В записке от 1 августа 1944 г. впервые появляются сведения о том, из каких именно районов поступало наибольшее число ходатайств: «Заявления верующих... поступили из 65 районов области. Наибольшее число заявлений подано из 10 районов, как-то: из Коломенского – 10; Михневского – 9; Орехово-Зуевского – 8; Талдомского – 8; Дмитровского – 7; Ленинского – 7, и т. д.»²⁰.

и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹⁸ Число приходских храмов составляло 371, но к ним необходимо прибавить монастырские (не менее 60) и 10 кафедральных соборов.

¹⁹ Список церквей Московской епархии с обозначением купленных ими в 1913 г. свеч, масла, вина на Моск. Епарх. заводе и доставленных туда же огарков // Московские церковные ведомости. 1914. № 41. С. 13–60.

²⁰ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

Выразительно интерпретирует А.А. Трушин причины, по которым, с его точки зрения, разумеется, составляются ходатайства об открытии храмов в тех или иных районах Подмоскovie: «Анализируя районы, – пишет он, – из которых поступило и поступает большое количество заявлений, сделаны выводы, которые говорят о некотором оживлении работы церковников, группирующих вокруг себя определенные группы верующих, пытающихся через них оказать давление на органы Советской власти с целью возобновления работы ранее закрытых и недействующих церквей. Так, например, проживающий в Михневском районе архитектор Бите Яков Яковлевич, в настоящее время пенсионер, в селе Кишино, Мясное и др., через бывш. церковных старост организовал группы верующих, разъяснив, чтобы последние требовали перед Советскими органами открытия их церквей, предложив им за определенную плату составить проект зданий бывш. церквей, объясняя, что при таком положении ходатайство будет полностью удовлетворено»²¹. Подобные примеры приводит А.А. Трушин и по другим районам, где выразителями позиций групп верующих выступали, например, в Коломенском районе – «быв. юрист Волков Иван Петрович», а в Ленинском и Звенигородском – «архитектор-художник... Константинов-Волков Александр Петрович». Все эти люди (об этом особо упоминается в тексте) происходили из духовного сословия, а некоторые, как, например, «священник Кедров из Ногинского района» и безьяннный дьячок из Дмитровского, продолжали оставаться служителями культа. Кроме того, большинство из названных инициаторов открытия храмов агитировали среди местных верующих небескорыстно. Таким образом, напрашивался вывод, что простых советских граждан по-прежнему отвлекают от построения коммунизма «попы и интеллигенция».

Очередная Докладная записка А.А. Трушина о положении дел на вверенной ему территории в III квартале 1944 г. фиксирует всего 138 действующих церквей, из которых 31 (вместе с единственной обновленческой) по-прежнему находилась в Москве, а в области осталось всего 107. Связано это было с очередной административно-территориальной реформой, в соответствии с которой из Московской области несколько районов было переведено в состав Калужской и Владимирской областей²².

---

²¹ Там же.

²² Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–31.

Весьма важной в смысле интерпретации автором записки представляется содержащаяся в ней информация относительно числа закрытых в период с 1918 по 1941 г. храмов, расположенных в Московской области, и причин, по которым они перестали действовать. «Из 1252 недействующих церквей Московской области, – читаем в документе, – 965 церквей закрыто решением Исполкома Мособлсовета, а остальные 237 церквей перестали функционировать из-за неимения священнослужителей, распада церковных общин и пр.»²³. Несмотря на то что указанные в записке цифры не соотносятся с дореволюционной статистикой, в том числе и потому, что, как выше отмечалось, территория Московской губернии не в полной мере соответствовала территории Московской области, отметим: приведенные сведения в документах Совета по делам РПЦ встречаются нечасто и уже поэтому представляют ценность. Но главное, что обращает на себя внимание, – это то, как чиновник Совета формулирует причину прекращения богослужений в «остальных 237 церквях», которые «перестали функционировать из-за неимения священнослужителей, распада церковных общин и пр.». Ответ на вполне естественный вопрос, почему вдруг в предвоенные годы Церковь столкнулась с «неимением священнослужителей», прост: все они были репрессированы. Общины предпринимали отчаянные попытки сохранить храм действующим, для чего обращались к священноначалию с просьбой определить к ним настоятеля, но результата это не давало. Богослужения в храмах прекращались – это правда, но общины в большинстве случаев не распадались – это ложь. В некоторых случаях местные власти оформляли соответствующее постановление лишь после нескольких лет отсутствия богослужений (так было, например, с Успенским храмом в Гжели²⁴), в некоторых – о храме не вспоминали, и он стоял запертым, причем ключи хранились в якобы распавшейся общине (пример – Покровский храм в с. Осеченки [Никонов 2019, с. 130–132]), а иногда храм использовали под зернохранилище, никак не оформляя закрытие (такое произошло, например, с Михаило-Архангельским храмом в Константинове [Никонов, Новак 2013, с. 139–142]). Понятно, что реальный механизм фактического прекращения богослужений в подмосковных храмах уполномоченным Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области А.А. Трушиным не мог быть открыт даже во внутренней секретной переписке, но этого и не требовалось, ибо адресату записки Г.Г. Карпову он, несомненно, был известен.

²³ Там же. Л. 26.

²⁴ Решение Исполнительного комитета Мособлсовета депутатов трудящихся № 27 от 16 января 1940 г. «О закрытии церкви в с. Гжель Раменского района» // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп.1. Д. 2014. Л. 109.

Из 260 заявлений об открытии храмов из Московской области и 10 из Москвы в III квартале 1944 г. Советом по делам РПЦ было рассмотрено 206, причем по семи из них было принято первичное положительное решение. «По решению Совета с последующим одобрением Совнаркома Союза СССР данные церкви открыты и в настоящее время функционируют. Вышеуказанное количество церквей открыты: в Малинском, Виноградовском, Коломенском, Ногинском, Михневском, Красно-Пахорском²⁵ и Орехово-Зуевском районах»²⁶.

Еще одним качественным изменением в деле открытия храмов в Подмосковье в III квартале 1944 г. стало массовое поступление жалоб от групп верующих²⁷ на отклонение их прежних ходатайств. Иными словами, можно констатировать образование своеобразной «обратной связи» между религиозными общинами и Советом по делам РПЦ. В дальнейшем эта переписка будет все более активизироваться, но и осенью 1944 г. она уже приняла вполне массовый характер: «К 1 октября с. г. зафиксировано около 250 шт. жалоб по 81 отклонению». Цифры показательные: число жалоб в три раза превышает число первичных ходатайств. Кроме того, просители все более активно стремятся передать свои жалобы лично, чтобы иметь отметки о вручении письма. «В сентябре месяце по количеству данных жалоб канцелярию Уполномоченного Совета посетило 120–150 чел. с просьбой об ускорении пересмотра их дел»²⁸. Таким образом, из 250 жалоб более половины были переданы в Совет через канцелярию.

---

²⁵ В 1946 г. Краснопахорский район Московской области был переименован в Калининский, а в 1957 г. – упразднен, а его территория разделена между Подольским и Ленинским районами Московской области. См: Справочник. С. 195, 270.

²⁶ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

²⁷ Мы вынуждены употреблять это характерное для внутренней переписки Совета по делам РПЦ выражение для обозначения религиозных общин, имевших место фактически, но формально, при официально закрытом храме, не существовавших.

²⁸ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

Также впервые в отчетах А.А. Трушина в октябрьской записке 1944 г. появляются относительно подробные описания некоторых групп верующих, проявлявших особенную настойчивость в своих требованиях об открытии храмов. В качестве примера приведем одно, с нашей точки зрения, наиболее типичное из шести таких описаний, имеющихся в рассматриваемом документе: «Группа верующих в количестве 60 чел. села Туголес, Кривандинского района²⁹, колхозники, преимущественно женского пола, в возрасте от 40 до 60 лет в ноябре 1943 г. возбудила ходатайство об открытии церкви, которая не функционирует с 1937 года. По заключению Райсовета о том, что здание церкви находится в аварийном состоянии, а помещение используется под овощехранилище, Исполком Мособлсовета... ходатайство отклонил. Впоследствии установлено, что здание церкви исправное и требует мелкого ремонта, помещение ничем не занято, ключи от церкви находятся у церковного совета, имущество и церковный инвентарь весь в сохранности и помещается в церкви. В районе действует одна церковь, которая от села Туголес находится в 20 км. После отказа от вышеуказанной группы поступило 5 жалоб с просьбой о пересмотре дела»³⁰. В приведенном фрагменте приводятся многие факты, характерные для того состояния, в котором находились закрытые (относительно недавно для 1944 г.) храмы Московской области. Это и хорошая сохранность здания и имущества, и наличие не просто религиозной общины, но церковного Совета, у членов которого хранились ключи от храма, и несоответствие реального положения дел изложенному в документации местных властей и пр. Кроме того, обратим внимание на дату первого ходатайства туголесовских верующих – ноябрь 1943 г., т. е. почти сразу после образования Совета по делам РПЦ, а также на то, что менее чем за год ими было направлено в Совет 5 жалоб на отказ в открытии храма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к осени 1944 г. активность верующих, ходатайствующих об открытии храмов, резко возросла. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по г. Москве и области А.А. Трушин, несомненно, понимая необходимость

---

²⁹ В 1957 г. Кривандинский район был упразднен, а его территория вошла в состав восстановленного Шатурского района Московской области. См.: Справочник. С. 275.

³⁰ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

как-то реагировать на создавшуюся ситуацию предложил Г.Г. Карпову «для разрядки потока верующих... открыть следующие церкви». Далее приводился список 21 храма в различных районах Московской области³¹.

В следующем году этот процесс продолжился, и в I квартале 1945 г. число заявлений по отклоненным ходатайствам достигло 400, причем свои жалобы заявители теперь отправляли уже не только в Совет по делам РПЦ, но и «в Президиум Верховного Совета СССР, в УК ВКП(б) и т. д., вплоть до иностранных миссий»³². В какие именно иностранные миссии обращались верующие Московской области, в документе не указывалось, но сам факт подобных обращений в СССР был явлением экстраординарным. Ситуация представлялась тем более невероятной, что государство в начале 1945 г. находилось в состоянии войны.

В этом смысле озабоченность А.А. Трушина, которую он высказывал в конце 1944 г., в апреле 1945 г. приобретает сходство с паникой: он понимает, что воздвигнутые формальные барьеры для открытия церкви на деле таковыми не являются и отказы, которые сотнями отправляются ходатаям, выглядят совершенно необидительно. «Вышеуказанное количество заявлений (жалоб), – пишет он Г.Г. Карпову 16 апреля 1945 г., – не пересмотрены потому, что для отказа нет основательных мотивов, так как ходатайства в основном возбуждаются об открытии церквей, не закрытых решениями Советских органов, а здания церквей свободны»³³. И далее идет длинный список храмов, которые соответствуют всем формальным требованиям, необходимым для того, чтобы быть открытыми. Проблема для уполномоченного Совета по делам РПЦ усугублялась еще и тем, что после состоявшегося в январе 1945 г. Собора Русской Православной Церкви [Марченко, Чумаченко 2017] произошло еще большее «оживление церковников, выражаемое в требовании открытия церквей»³⁴.

Однако несмотря на предложения А.А. Трушина, высказанные им по итогам IV квартала 1944 г., и тревожные сигналы, посланные по итогам I квартала 1945 г., в первые месяцы 1945 г. в Московской области было открыто всего 7 храмов в Высоковском, Коммунист-

³¹ Там же. Л. 31.

³² Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области в 1-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 16 апреля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–6.

³³ Там же. Л. 2 об.

³⁴ Там же. Л. 4.

тическом³⁵, Луховицком, Орехово-Зуевском, Серебряно-Прудском, Скопинском³⁶ и Чапаевском³⁷ районах³⁸.

Середина победного 1945 г. стала временем наиболее массового открытия храмов в Московской области. В период с апреля по июнь богослужения были разрешены еще в 12 храмах³⁹. И в этот же период наблюдается спад числа новых ходатайств и жалоб по прежде отклоненным. В III квартале 1945 г. было открыто еще 3 храма, а число поданных ходатайств продолжало сокращаться и составило всего 27 заявлений⁴⁰.

Таким образом, можно констатировать, что в период 1944–1945 гг. Совету по делам РПЦ путем частичных уступок удалось справиться с лавинообразно увеличившимся потоком ходатайств, повторных заявлений и жалоб от верующих.

Подводя итоги процесса открытия церквей в Московской области за время Великой Отечественной войны, следует отметить, что, несмотря на выраженную репрессивную направленность действий в этом направлении со стороны государства, можно утверждать: по данным документации Совета по делам РПЦ, в период с 1941 по 1945 г. включительно (т. е. по 31 декабря 1945 г.) в регионе были открыты 99 храмов (44⁴¹ – до образования Совета в 1943 г.

---

³⁵ В 1957 г. Коммунистический район был упразднен, а основная часть его территории вошла в состав Дмитровского района Московской области. См.: Справочник. С. 247.

³⁶ В 1946 г. Скопинский район был передан Рязанской области. См.: Справочник. С. 517.

³⁷ В 1946 г. Чапаевский район был передан Рязанской области. См.: Справочник. С. 595.

³⁸ Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях русской православной церкви по Московской области на 1 апреля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–11.

³⁹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области во II-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 7 июля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 30–33 об.

⁴⁰ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области в III-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 9 октября 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 35–38 об.

⁴¹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении

и 45⁴² – в 1944–1945 гг.), что по состоянию на 15 июня 1946 г. составляло больше половины всех 169 действовавших храмов Московской области (после перевода ряда районов в состав Владимирской, Калужской и Рязанской областей).

Литература

- Каиль 2021 – *Каиль М.В.* Православие в России 1914–1964 гг.: Опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. № 3. С. 74–86.
- Корноухова, Мосейкина 2019 – *Корноухова Г.Г., Мосейкина М.Н.* Совет по делам религиозных культов и религиозная политика СССР в среднеазиатских республиках в период позднего сталинизма: По архивным документам // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 713–725.
- Марченко, Чумаченко 2017 – *Марченко А.Н., Чумаченко Т.А.* Управление процессом религиозного возрождения в годы Великой Отечественной войны Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров СССР и его уполномоченными по Молотовской области // Ars Administrandi. 2017. № 4. С. 531–549.
- Митрофанов 2021 – *Митрофанов Г., прот.* Очерки по истории Русской Православной Церкви XX в.: Церковь в гонении. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021. 528 с.
- Никонов 2019 – *Никонов В.В.* За Христа претерпевшие: Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4: Быковская волость. Гжель: ГГУ, 2019. 816 с.
- Никонов, Новак 2013 – *Никонов В.В., Новак В., иерей.* Очерки истории Михаило-Архангельского храма села Константиново Бронницкого благочиния Московской епархии. М.: Изд-во Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2013. 192 с.
- Одинцов 2013 – *Одинцов М.И.* Патриарх Сергей. М.: Молодая гвардия, 2013. 396 с.
- Сосковец 2008 – *Сосковец Л.И.* Советы по делам религий как проводники государственной политики в отношении церкви // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 162–167.

и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–24.

⁴² Список действующих Русско-Православных церквей на территории Московской области на 15 июня 1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 39–41 об.

Чумаченко 2008 – Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х гг.: содержание, практика применения, эволюция // Вестник ЧелГУ. 2008. № 15. С. 138–149.

References

- Kail, M.V. (2021) “Orthodoxy in Russia 1914–1964. The essay on of studying and the public memory in the Discourse of repression and the search for alternative cognitive approaches”, *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 3, pp. 74–86.
- Kornoukhova, G.G. and Moseikina, M.N. (2019), “Council for Religious Cults and Religious Policy of the USSR in the Central Asian Republics during the Late Stalinism. According to archival documents “, *Vestnik arkhivista*, no. 3, pp. 713–725.
- Marchenko, A.N. and Chumachenko, T.A. (2017), “Management of the process of religious revival during the Great Patriotic War by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People’s Commissars of the USSR and its commissioners for the Molotov region”, *Ars Administrandi*, no. 4, pp. 531–549.
- Mitrofanov, G., prot. (2021), *Ocherki po istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi KhKh veka. Tserkov’ v gonanii. Tserkov’ v plenenii* [Essays on the history of the Russian Orthodox Church of the twentieth century. The Church is being persecuted. The Church in captivity], Praktika, Moscow, Russia.
- Nikonov, V.V. (2019), *Za Khrista preterpevschie. Tserkov’ i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona Moskovskoi oblasti. T. 4. Bykovskaya volost’* [Those who suffered for Christ. The Church and political repressions of the 1920s-1950s on the territory of the Ramenskoye district of the Moscow region. Vol. 4. Bykovskaya volost’], GSU, Gzhel, Russia.
- Nikonov, V.V. and Novak, V., priest. (2013), *Ocherki istorii Mikhailo-Arkhangel’skogo khrama sela Konstantinovo Bronnitskogo blagochiniya Moskovskoi eparkhii* [Essays on the history of the St. Michael the Archangel Church of the village of Konstantinovo of the Bronnitsky deanery of the Moscow Diocese], Publishing House of the Church-wide Postgraduate and Doctoral Studies. Holy Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius, Moscow, Russia.
- Odintsov, M.I. (2013), *Patriarkh Sergii* [Patriarch Sergiy], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Soskovets, L.I. (2008), “Soviets on religious affairs as guides of state policy towards the church”, *Izvestiya Tomskogo politexnicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 162–167.
- Chumachenko, T.A. (2008), “The legal basis of the state-church relations in the 1940s – the first half of the 1960s. Content, application practice, evolution”, *Vestnik ChelGU*, no. 15, pp. 138–149.

Информация об авторе

Вадим В. Никонов, кандидат педагогических наук, Гжельский государственный университет, Московская обл., Россия; 140155, Россия, Московская область, Раменский район, пос. Электроизолятор, д. 67; nikonova-box2009@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9585-564X

Information about the author

Vadim V. Nikonov, Cand. of Sci. (Pedagogics), Gzhel State University, Moscow region, Russia; bld. 67, village Electrical insulator, Ramensky district, Moscow region, Russia, 140155; nikonova-box2009@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9585-564X

Традиции исторического знания раннего Нового времени (на примере хроники Карольдо)

Дмитрий И. Гоц

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, idgots@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности хроники Джан Джакомо Карольдо и ее место в историописании Венеции. Карольдо был венецианским политиком, дипломатом и историком, жившим в XVI в. Его труд охватывает исторический период с 421 по 1382 г. В своей хронике Карольдо отражает многообразие и сложность политической жизни Венеции.

В Венеции, по мнению Ж.К. Оке, существовало два направления исторической мысли с XIV в. Представители первой группы поддерживали военную и завоевательную активность Республики. Вторые предлагали развитие торговых отношений вместо военно-политической экспансии.

Вопрос о влиянии указанных направлений на творчество Карольдо еще не поднимался в историографии. В связи с этим возникает исследовательская задача (цель), связанная с определением места хроники Карольдо в историописании Венеции. Для ее достижения был решен ряд промежуточных задач.

Было продемонстрировано, как социальные, политические и культурные особенности истории Венеции конца XV и начала XVI в. повлияли на воззрения автора. Также была исследована рукописная традиция хроники Карольдо и ее широкое распространение в области Венето. Рассмотрены особенности взглядов Карольдо на образовательную и воспитательную роль истории в формировании компетенций государственных деятелей. Проведен анализ предшествующих традиций исторической мысли (хроник Андреа Дандоло, Карезини, Энрико Дандоло, Морозини, Де' Моначи и Сабеллико), на которые хронист мог опираться в своем труде.

Автор приходит к выводу, что Карольдо, как и его знаменитые современники, Макиавелли и Гвичардини, сделали значительный шаг в фор-

мировании научных принципов исторического знания. Рационализм Карольдо, последовательность и строгость в отборе сведений способствовали созданию многих списков его хроники.

Ключевые слова: историки XVI в., Карольдо, Венеция, хронистика, региональное историописание в Италии.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Гоц Д.И. Традиции исторического знания раннего Нового времени (на примере хроники Карольдо) // История и архивы. 2022. № 4. С. 63–82. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-63-82

Traditions of historical knowledge of the early Modern period (by the example of the chronicle of Caroldo)

Dmitry I. Gots

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, idgots@gmail.com*

Abstract. The article considers the features of the chronicle by Gian Giacomo Caroldo and its place in the historiography of Venice. Caroldo was a Venetian politician, diplomat and historian who lived in the 16th century. His work covers the historical period from 421 to 1382. Caroldo's chronicle reflects the diversity and complexity of the political life of Venice.

In Venice, according to J. C. Hocquet, there were two directions of historical thought since the 14th century onwards. The first group expressed support for the active military policy of the Republic. The second proposed the development of trade advancement instead of a military-political expansion.

The influence of the above trends on the work of Caroldo has not been raised in historiography. For that reason, there is a research task (goal) to determine the place of Caroldo's chronicle in the historiography of Venice. In order to achieve it, a number of intermediate tasks were solved.

It was demonstrated how the social, political and cultural features of the Venice history in the late 15th and early 16th centuries influenced the views of the author. The manuscript tradition of the Caroldo chronicle and its widespread distribution in the Veneto region was also investigated. The article considers specifics of Caroldo's views on history as an educational tool in the formation of the competencies of statesmen. The analysis of the previous traditions of historical thought (the chronicles of Andrea Dandolo, Caresini, Enrico Dandolo, Morosini, Lorenzo de Monacis and Sabellico), on which the chronicler could rely in his work, was conducted.

The author comes to the conclusion that Caroldo, like his famous contemporaries Machiavelli and Guicciardini, made a significant step in the formation of scientific principles of historical knowledge. Caroldo's rationalism, consistency and rigour in the selection of facts contributed to the creation of many copies of his chronicle.

Keywords: historians of the 16th century, Caroldo, Venice, chronicling, regional historiography in Italy

The article was submitted 15.03.2022;

accepted for publication 10.08.2022

For citation: Gots, D.I. (2022), "Traditions of historical knowledge of the early Modern period (by the example of the chronicle of Caroldo)", *History and Archives*, no. 4, pp. 63–82, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-63-82

В конце Средних веков и начале Нового времени в Италии имелось большое разнообразие государственных образований. Каждое из них обладало своими традициями, историей и политическими институтами. Также существовали и самые разные направления исторической мысли, отражавшие региональные особенности. К примеру, в Римской академии Помпония Лета (1464–1527) в изучении прошлого использовали данные не только истории и филологии, но и памятники материальной культуры. Представители академии стремились развивать инструментарий критической археологии для изучения античного наследия Вечного города [Лиманская 2018, с. 91].

В Италии имелись и другие государства со своими традициями общественно-политического устройства и культуры, которые находили отражение в трудах их мыслителей. В частности, таким сообществом была Венецианская республика.

Из-за своего географического положения Венеция была одним из наиболее важных экономических, политических и культурных центров Италии в XIV–XV вв. Островное пространство и ограниченность морем повлияли на формирование республики, а изолированность способствовала становлению сильной центральной власти в Венеции. После IV крестового похода (1204 г.) Серениссима смогла расширить свое влияние как на Балканах, так и в бывших владениях Византии, образовав одно из первых в Европе государство с колониальными владениями¹.

Многовековой опыт Венеции в организации транзитной торговли, управлении заморскими территориями, дипломатии и уре-

---

¹ Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 5–11.

гулировании спорных вопросов во властных учреждениях сформировали уникальные культурно-социальные традиции и стратегии, воспринятые другими странами. Изучение истории Венеции позволяет глубже осмыслить и понять генезис многих политико-социальных процессов в европейской истории.

Одним из важных источников для исследования венецианской истории являются исторические хроники. К XIII в. сформировалась собственная традиция историописания в Венеции, где авторы уделяют особое внимание своему городу [Оке 2014, с. 263]. Среди знаменитых хронистов можно назвать: Мартино де Канале, Андреа Дандоло, Рафаино Карезини, Антонио Морозини, Лоренцо Де'Моначи, Джорджо Долфин, Сабеллико и многих других. Венецианские хроники не только фиксировали события прошлого, но и отражали существующие в обществе политические взгляды и борьбу между различными группами правящей элиты.

В венецианской хронистике существовало несколько направлений историописания, а именно провластное и критическое. Провластное отражало мнение правящих кругов. Критическое оспаривало главные векторы политики властей. Отличия этих направлений состояли не только в содержании хроник, но и, по мнению Ж.К. Оке, в выборе языка повествования. Провластная фракция отдавала предпочтение классическому латинскому языку, в то время как оппозиция предпочитала венецианский диалект «вольгаре» [Оке 2014, с. 263–264].

Исторические труды и хроники венецианцев не раз становились объектом исследования ученых. В частности, Э. Пасторелло издала хронику Карезини², а труд Андреа Морозини – М.П. Геццо, Р. Мелвилл-Джонс, А. Рицци³ и позднее А. Наннетти⁴, хронику Карольдо – Ш. Марин⁵. Данные публикации дополнили исследования венецианской хронистики. Вступительные статьи, как и справочный аппарат, содержали ценные сведения по вопросам создания хроник, их спискам и информации об авторах.

---

² *Caresini Rafaino. Chronica // Rerum Italicarum scriptores. Nuova edizione. T. 12. Part 2 / Ed. E. Pastorello. Bologna, 1922. P. V–XXXII.*

³ *Morosini. The Morosini Codex // Ed. M.P. Ghezzi, J.R. Melville-Jones, A. Rizzi. Vol. 1. Padova, 1999. P. IX–XXI.*

⁴ *Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) // Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. T. 1. Spoleto, 2010. P. XI–LXI.*

⁵ *Caroldo Gian Giacomo. Istorie venetiane. Vol. 1 / Ed. îngrijită de Ş.V. Marin. Bucureşti, 2008.*

Важный вклад в изучение вопроса внесли обобщающие труды о венецианской исторической мысли: Ф. Тирье⁶, Ф. Гаэты [Gaeta 1980, pp. 1–91], Г. Коцци⁷ и А. Кариле [Carile 1969, pp. 293–301]. Эти работы помогают проследить общие тенденции в развитии историописания, демонстрируя наиболее важные хроники. Современные историки показывали эволюцию взглядов авторов на социальные механизмы, их политические оценки и методы отбора материалов. Необходимо отметить, что в отечественной историографии исследованиям венецианской хронистики уделялось значительно меньше внимания, чем флорентийской. Еще в начале 60-х гг. XX в. Е.А. Косминский в курсе лекций по историографии отмечал, что исследования венецианской хронистики не являются перспективными⁸, т. е. в изучении данной темы до сих пор остается большое количество вопросов и источников, нуждающихся в исследованиях.

Одним из таких трудов является хроника XVI в. Джан Джакомо Карольдо. В XVI–XVII вв. было создано много рукописных копий этого произведения, но в настоящее время хроника Карольдо не так часто попадает в поле зрения историков. Перспективность исследования труда Карольдо отмечали Дж. Хризостомидес [Chrysostomides 1969, pp. 123–182], Э. Пасторелло⁹, Дж. Кракко [Cracco 1967, p. 356], М.Н. Бахматова [Бахматова 2009, с. 85–107].

Учитывая важность данного источника для истории Венеции, можно сформулировать исследовательскую задачу, связанную с определением места Карольдо в венецианской традиции исторической мысли. Хроника, написанная на вольгаре, содержит сведения, которые показывают противоречивость решений властей Республики. Однако в то же самое время автор не старался давать каких-либо эмоциональных оценок описываемым событиям.

Определение места хроники Карольдо в венецианской традиции историописания может внести значительный вклад в развитие исследований как в области изучения региональной исторической традиции Венеции в XVI в., так и дополнить знания об исторических концепциях, которые были распространены в Республике.

---

⁶ *Thiriet F.* Les Chroniques Vénitiennes de la Marcienne et leur importance pour l'histoire de la Romanie Gréco-Vénitienne // *Mélanges de l'école française de Rome*, T. 66. Rome, 1954. P. 241–292.

⁷ *Cozzi G.* Cultura politica e religion nella «pubblica storiografia» veneziana del' 500. Venezia: Fondazione Giorgio Cini centro di cultura e civiltà Venezia, 1963. P. 1–80.

⁸ *Косминский Е.А.* Историография Средних веков. М., 1963. С. 43–44.

⁹ *Pastorello E.* Prefazione // *Caresini Rafaino. Chronica*. RIS. Nuova edizione. Bologna, 1922. P. XXIX–XXXII.

* * *

Карольдо родился приблизительно в 1480 г [Carile 1977]. Он происходил из сословия «граждан по рождению», что позволяло ему занимать административные должности в учреждениях Республики [Trebbi 1980, p. 70]. Можно предположить, что Карольдо обучался в одной из школ, находящихся под контролем властных органов города. В данных учреждениях, помимо тонкостей бюрократии, ученикам преподавали и классические дисциплины. Изучение памятников античной литературы способствовало развитию у обучающихся интереса к истории [Logan 1980, p. 103].

Следующие двадцать лет карьера Карольдо была связана с дипломатической службой. С 1503 до 1520 гг. он посетил Стамбул, итальянские государства, Францию, Испанию и Англию [Carile 1977].

С 1494 по 1559 г. на Апеннинском полуострове бушевали Итальянские войны. Франция, Испания и Священная Римская империя (австрийские Габсбурги) боролись за влияние в регионе [Брагина 2017, с. 268–273]. Следствием постоянных противостояний стало формирование недолговечных политических союзов и возникновение многочисленных военных конфликтов, самым тяжелым из которых для Венеции стал период Камбрейской лиги (1508–1510) [Mallett 1996].

В период противостояния Венеции Камбрейской лиге Карольдо выполнял различные поручения Республики, находясь в самом центре исторических событий. Именно он, будучи послом Венеции в Милане в 1508 г., узнал о военных намерениях папы Юлия II и остальных членов лиги против Республики [Бахматова 2009, с. 88]. В 1509 г. Карольдо являлся нунцием Венеции уже в папских владениях, когда начались боевые действия, из-за чего он был арестован и провел в темнице почти год [Carile 1977].

Можно предположить, что приобретенный опыт и пережитые испытания пробудили в Карольдо интерес к более глубокому познанию истории. Вероятно, поэтому Карольдо, создавая свой труд, уделил особое внимание изучению военных кампаний Венеции, внешней и внутренней политики Республики. Возможно, он руководствовался желанием передать накопленный им опыт ведения политики с помощью исторических примеров. Предположение подтверждают слова Карольдо из введения: «...с наиболее важным и последним намерением достижения вечного Отечества, прося Господа Бога даровать мне свет своей милости, с помощью которой я мог бы написать о вещах значимых, происходивших в этом славном Городе [Венеции] после его основания, <...> чтобы любой их читал, имел такой пример и доказательство [действий]...»¹⁰.

¹⁰ Caroldo Gian Giacomo. *Istorii venețiene*. Vol. 1. P. 38.

В 20-е гг. XVI в. Карольдо уже работал секретарем Совета десяти, что он отмечал в начале хроники¹¹. Эта должность давала доступ к секретным документам и архивам венецианских органов власти [Trebbi 1980, p. 80], в связи с чем М.Н. Бахматова предположила, что Карольдо мог задействовать документы Секретной Канцелярии, регистров Сената, Коллегии и Совета Десяти, которые в настоящее время считаются утерянными [Бахматова 2009, с. 85].

М.А. Рябова отмечала, что Карольдо создал свой труд как энциклопедию по вопросам политики и учебное пособие для правящих кругов Венеции [Рябова 2013, с. 359]. Необходимо учитывать, что данный источник относится к нарративным, то есть на Карольдо оказывали влияние его интересы, происхождение, культурная и социальная среда [Гене 2002, с. 236–240].

Вопрос о публикации хроники поднимался не раз. Еще в начале XX в. Витторио Ладзарини отмечал необходимость его академического издания¹². Сложность публикации труда Карольдо состояла в том, что существовало большое количество рукописных версий данной хроники, созданных в XVI–XVII вв. [Рябова 2013, с. 358]. Как отмечала М.Н. Бахматова, в частных коллекциях до сих пор хранятся списки, неизвестные ученым [Бахматова 2009, с. 87]. Исследования Дж. Хризостомидес показали, что в библиотеке Марчиана имеются два списка хроники, принадлежавшие перу Карольдо. Более ранний список имеет обозначение *Italien VII, 803* и освещает события с 1367 по 1382 г. Второй кодекс *Italien VII, 2448* был более поздней версией хроники, переработанной Карольдо. Эта рукопись воспроизводила текст с 1259 по 1382 г. Все остальные версии хроники относились к более поздней редакции, выполнявшейся, вероятнее всего, уже без участия Карольдо [Chrysostomides 1969, pp. 145–150].

Большое количество копий демонстрировало популярность хроники Карольдо. Уже начиная со второй половины XV в. элита итальянских государств все больше нуждалась в получении специальных знаний для занятия официальных должностей [Celenza 2018, p. 134]. Такие условия сформировали интерес и к хронике Карольдо как инструменту для изучения истории Венеции. Стоит отметить отсутствие печатных версий источника. По мнению М.Н. Бахматовой, один из списков текста Карольдо мог готовиться к печати [Бахматова 2009, с. 101]. Однако пока не удалось найти таких версий.

¹¹ Ibid. P. 38.

¹² *Lazzarini V. Il testamento del cronista Gian Giacomo Caroldo: per un'edizione della sua cronaca // Scritti storici in memoria di Giovanni Monticolo. Venezia, 1915. P. 285.*

В настоящей статье используется академическое издание хроники Карольдо, выполненное Ш. Марином с 2008 по 2012 г.¹³ В рецензии на издание М.А. Рябова указывает, что оно выполнено на высоком уровне, но обращает внимание на некоторые спорные моменты публикации. Во-первых, Ш. Марин не учитывал всех существующих списков хроники. Во-вторых, для транскрипции текста Марин использовал только микрофильмы кодекса *Italien 321* и кодекса *Italien 320*. Издатель не давал объяснений, почему он выбрал именно эти списки, не учитывая опыт остальных исследователей, указывающих на приближенность к оригиналу списка *Italien VII, 128a*. В-третьих, Марин практически не проводил внешней критики представленных манускриптов [Рябова 2013, с. 360].

Карольдо во введении к хронике посвящает свой труд дожу, сенату и знатым людям Венеции¹⁴.

Рассуждая о цели своей работы, Карольдо начинал: «Является, следовательно, для человека более необходимым, нежели чем для остальных животных, иметь понимание дел»¹⁵. Иначе говоря, Карольдо полагал, что человек должен обладать знаниями, именно они помогают ему становиться лучше, исправлять свои недостатки и совершенствовать свою душу, ориентироваться в жизни¹⁶.

Далее автор отмечал недостатки человека, указывая, что самым серьезным из них является невежество: «...и среди всех прочих та болезнь, которая делает нас подобными животным, это невежество; она настолько зловредна и заразительна, что все остальные недуги духа, от которых человек беспокоен, происходят от этой единственной болезни...»¹⁷.

Следовательно, по мнению Карольдо, отсутствие знаний было одной из ключевых проблем людей, поскольку именно от невежества проистекали все остальные человеческие пороки.

Развивая эту мысль, Карольдо выделял еще один аспект проблемы невежества: «...но в благородных людях [невежество] значительно более опасно, поскольку они превосходят других в положении, богатствах и власти, которые не должны быть образцом оценки, когда их обладатель не является благородных нравов и не наделен опытом в делах...»¹⁸. По мнению Карольдо, наибольшей опасностью для общества было то, что правящие круги страдали от недуга неве-

---

¹³ *Caroldo Gian Giacomo. Istorie venetiane. Vol. 1–5 / Ed. îngrijită de Ș.V. Marin. București, 2008–2012.*

¹⁴ *Ibid.* Vol. 1. P. 37.

¹⁵ *Ibid.* P. 38.

¹⁶ *Ibid.* P. 39.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*

жества: «Они [правлящие круги] не могут иметь ни знаний, ни мудрости; не сделать никогда дела похвального ни во время мира, ни во время войны»¹⁹.

Хронист полагал, что разрешить данную проблему могло бы изучение родной истории, то есть прошлого Венецианской республики: «Как говорят мудрые, опыт – это учитель в делах, который наставляет нас в ведении дел настоящих и будущих с воспоминанием и суждением о делах прошедших»²⁰.

Можно сделать вывод, что Карольдо видел цель своей работы в преодолении невежества правящих кругов, которое могло привести к серьезным политическим проблемам, поскольку власть имущие, не изучая прошлого, не стремились к улучшениям, а только укреплялись в остальных пороках, происходивших от невежества, таких как жадность, высокомерие, стремление к личной выгоде, злонравие²¹. Изучение истории должно было помочь в первую очередь таким людям улучшить свои нравы, научить их стремиться к духовному самосовершенствованию и труду ради общего блага. Кроме того, знания о прошлом должны были послужить обучающим примером в решении задач, связанных с обеспечением нормального функционирования государства.

Для полного понимания труда Карольдо необходимо отметить еще некоторые детали. А. Кариле замечал, что в основном автор хроники описывал внешнюю политику [Carile 1977]. В центре внимания Карольдо находились: дипломатическая и военная борьба государств²², формирование политических союзов²³, замыслы и планы сторон²⁴, сведения о силах Венеции²⁵. Манера изложения хрониста и сосредоточенность на конкретных фактах дают возможность предположить, что автор подходил с большой обстоятельностью и аккуратностью к своей работе, видя во внимании к деталям основу для достоверного отражения исторических событий.

Кроме того, Карольдо при всем разнообразии рассматриваемых тем освещал их развитие через внутреннюю логику, показывая поэтапные изменения политических тенденций в венецианской истории. По мнению А. Вентуры, в преподавании знаний в области ведения государственных дел в то время основополагающими были

---

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 40.

²¹ Ibid. P. 39.

²² *Caroldo Gian Giacomo*. Istorii venețiene. Vol. 3 // Ed. îngrijită de Ș.V. Marin. București, 2010. P. 72–77.

²³ Ibid. P. 77.

²⁴ Ibid. P. 47–52.

²⁵ Ibid. P. 53.

конкретные примеры, нежели абстрактные рассуждения о политике [Ventura 2018, pp. 190–195]. Можно допустить, что Карольдо не стремился к какой-либо классификации или выделению отдельных направлений, поскольку именно так понимал политическую историю и ее поучительность, видя в подобной противоречивости и многоликости лучшую систему для обучения.

Автор старался не допускать умолчаний или смысловых разрывов, продолжая развивать выбранные тематические направления, даже несмотря на значительные отступления. Одним из примеров такого подхода является описание различных театров боевых действий во время войны Венеции, Генуи и Милана в 1350–1355 гг. Карольдо мог подробно описывать противостояние между Венецией и Миланом в Северной Италии, а потом вернуться к боевым действиям на море у берегов Греции²⁶.

Карольдо, опираясь на причинно-следственные связи, раскрывал механизмы изменения исторических событий. Автор почти не прибегал в повествовании к объяснениям, связанным со сверхъестественными силами. В частности, в описании событий войны Венеции и Венгрии в 1357 г, Карольдо отмечал упование венецианцев на помощь Бога в предстоящих битвах. Но одновременно он указывал на конкретные планы властей Республики, их намерения выступить вместе с другими государствами Италии против Венгрии²⁷, т. е. Карольдо видел именно в государственных учреждениях или отдельных людях главных субъектов истории.

Хронист обращал внимание и на отдельные личности, описывая их особое влияние на ход исторических событий. В войне между Венецией и Генуей 1350–1355 гг. он выделял командира венецианского флота Николо Пизани, который, по описаниям Карольдо, принимал стратегические решения²⁸, произносил воодушевляющие речи перед моряками²⁹ и участвовал в сражениях³⁰. Речи, вложенные хронистом в уста Пизани, были неоригинальны и однотипны, через них автор стремился передать идеалы патриотического отношения к Республике³¹. Карольдо показывал и некоторые индивидуальные черты Пизани, но изображал их схематично. Автор пытался представить Пизани героем. Хотя флотоводец мог принимать и ошибочные решения, что хронист также фиксировал³².

---

²⁶ Ibid. P. 90.

²⁷ Ibid. P. 174.

²⁸ Ibid. P. 91.

²⁹ Ibid. P. 56–57.

³⁰ Ibid. P. 57–58.

³¹ Ibid. P. 56–57.

³² Ibid. P. 91.

Однако в основном Карольдо стремился не давать прямых оценок, отстраняясь от событий, чтобы лицо, изучающее его труд, имело возможность сделать собственные выводы. Хотя он приводил свои замечания³³, но заострял внимание не на этико-моральных взглядах, а на конкретных успехах или неудачах, в зависимости от их результата [Ventura 2018, pp. 191–194]. В оценках Карольдо исходил из эффективности принимаемых решений, которые подтверждались или опровергались ходом исторических событий³⁴.

Рассмотрев основные характеристики хроники, необходимо дать анализ тех исторических трудов, которые могли повлиять на формирование представлений Карольдо на историописание.

В начале хроники Карольдо отмечал, что использовал в своей работе труд по истории, написанный дожем Андреа Дандоло (1306–1354)³⁵. Дандоло рассматривал историю в «*spopasa extensa*» от заложения Венеции до 80 гг. XIII в. В хронике дож старался показать совершенный строй правовых и гражданских институтов Республики [Marin 2015, p. 86]. Занимая высокие должности во властных учреждениях, Дандоло имел доступ ко многим документам, недоступным другим хронистам³⁶. Подобная осведомленность могла объяснить интерес Карольдо к хронике дожа-хрониста.

Историк Ф. Гаэта отмечал, что в период войны между Генуей и Венецией в 50 гг. XIV в. и далее до XVI в. правящие слои Республики начали рассматривать в качестве первостепенной проблемы – внешнюю политику. Венеция вела очень активную борьбу за сохранение и расширение своих владений, власти нуждались в обосновании своей экспансии [Gaeta 1980, pp. 12–16]. Поэтому хронистика, поддерживаемая элитой, должна была разъяснять справедливость стремлений Венеции к расширению владений и сфер влияния [Gaeta 1980, pp. 12–16].

Ряд итальянских историков фиксировал формирование и другого направления в исторической традиции Венеции, которое критиковало правительственные структуры за отход от принципов мирной торговой политики [Gaeta 1980, pp. 12–16; Arnaldi 1970, p. 134]³⁷. Противники милитаристского курса Республики создавали свои хроники на венецианском диалекте [Оке 2014, с. 264].

---

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. Vol. 1. P. 38–40.

³⁵ Ibid. P. 38.

³⁶ *Ravegnani G. Dandolo, Andrea // Dizionario Biografico degli Italiani. 1986. Vol. 32. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-de-monacis_\(DizionarioBiografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-de-monacis_(DizionarioBiografico)) (дата обращения 20.12.2021).*

³⁷ Ibid.

Политические дискуссии о выборе языка имели место не в одной Венеции. Бывшие купцы, например Флоренции, стремились занимать высшие должности в республиканских органах власти, что требовало дополнительных знаний и образования [Bouwsmā 1973, pp. 9–10, 18–22]. Необходимость приобретения знаний новыми социальными группами способствовала развитию тосканского диалекта, который был более понятен для формирующейся аристократии.

Однако во Флоренции как центре культуры Возрождения еще большее значение приобрели споры о языке, касавшиеся культурно-этических аспектов. Латынь в течение всего периода Средних веков считалась наиболее важным инструментом для передачи знаний [Celenza 2018, p. 43]. Поэтому в среде мыслителей шла острая полемика о значимости и месте классических и народных языковых норм. Дискуссии часто выходили за пределы теоретического поля, становясь объектом уже политических дебатов [Celenza 2018, pp. 71–138]. Сам выбор языка мог отражать тенденции политической борьбы. В частности, Луиджи Пульчи, поэт, писавший на тосканском диалекте, подвергался серьезной критике за свой вольный стиль и неуважение к традициям [Celenza 2018, p. 292]. Однако Пульчи покровительствовал Лоренцо Медичи, что не раз помогало поэту в противостоянии с доносчиками. В ответ благодарный поэт посвящал своему патрону стихи на народном наречии [Celenza 2018, pp. 293–294].

В XV–XVI вв. также вставал вопрос о том, какой из диалектов должен стать основой литературного итальянского языка. В конце XV и первой половине XVI в. в регионах Италии распространяется тосканский диалект. Одним из главных распространителей тенденции как в Венеции, так и во всей Италии был Пьетро Бембо, который создал в 20-х гг. XVI в. знаменитый труд о литературном народном языке [Celenza 2018, pp. 384–387]. М.Н. Бахматова предполагала, что новой языковой традиции придерживался и Карольдо [Бахматова 2009, с. 91].

В Венеции разделение на латинские и диалектные хроники, начавшееся в XIV в., продолжилось и в XVI в., только теперь авторы чаще выбирали формирующийся литературный письменный язык. Относительно трудов, где авторы уделяли первостепенное значение изысканному латинскому для прославления Венеции, Карольдо говорил следующее: «Те, кто написал историю Венецианской Республики на латинском, со стилем изящным и утонченнейшим, известны тем, что очевидно были сподвигнуты прославлением Республики и своей собственной славы; они за свою исключительную эрудицию и отличный порядок, сохраненный в их историях, действительно заслуживают значительных

почестей»³⁸. Далее Карольдо продолжает рассуждения, отмечая, что свой труд он создавал только для блага отечества и упражнения в добродетелях³⁹.

Можно предположить, что Карольдо противопоставлял трудам, исключительно прославлявшим Венецию, свою хронику, говоря о ней в ироничном тоне как о написанной простым языком, без излишней эрудиции, не имеющей безукоризненной логики повествования, не лишенной противоречий, т. е. автор представлял ее как инструмент для познания истории города, а не текст, целью создания которого было прославление Венеции или самого себя. Поэтому в словах Карольдо можно увидеть некоторое подтверждение идеи, высказанной Ж. Оке, о языковом делении венецианских хроник.

Противоречия историописания на латинском языке и венецианском диалекте были впервые отражены в хрониках, созданных в 1360–1380 гг. Труд, который в исторической традиции именуется хроникой Энрико Дандоло, созданный на вольгаре, содержал серьезную критику в адрес власти⁴⁰. Хроника Рафаино Карезини не стремился показывать самые проблемные аспекты в жизни Венеции, выражая свои мысли на латыни⁴¹. Можно предположить, что Карольдо скорее заимствовал сведения из хроники на диалекте, но по стилистике и манере оценок текст Карольдо ближе к хронике Карезини.

В 1420–1430 гг. выразителем идей аристократической среды был Лоренцо де Моначи⁴². Его хроника освещала события от ранней истории Венеции до 50-х гг. XIV в. де Моначи прославлял Республику, описывая в возвышенных тонах ее историю на латинском языке. Данный труд имел широкое разнообразие тематических направлений [Gaeta 1980, p. 17]. Карольдо также стремился к рассмотрению большого спектра различных сюжетов истории Венеции.

Современником де Моначи был Антонио Морозини. Морозини интересовал период венецианской истории с XI по XV в. Стилистика хроники напоминала дневниковые записи, к описаниям которых добавлялись оценки происходивших событий⁴³. Создавая историю

³⁸ Ibid. P. 40.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) // A cura di R. Pesce. Venezia, 2010. P. 139.

⁴¹ Caresini Rafaino. Chronica. P. 6–11.

⁴² Ravagnani G. De Monacis, Lorenzo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1990. Vol. 38. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-demonacis_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-demonacis_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения 20.12.2021).

⁴³ Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. T. 1. Spoleto, 2010. P. XI–XV.

на народном языке, автор выражал идеи и суждения, противоречащие официальным, например, в рассуждениях о природе заговора Марина Фальера. Острые замечания, касавшиеся отрицательных сторон политического устройства Венеции, вызвали негативную реакцию властей, которые вынудили Морозини отказаться от своего сочинения [Оке 2014, с. 263–264].

В середине XV в. власти Республики стремились вести еще более целенаправленную политику в области идеологии. Флавио Бьондо, специально приглашенный в Венецию, создал работу «De origine et gestis Venetorum». Основной целью данного труда было освещение истории Венеции в контексте ее восточной политики [Gaeta 1980, pp. 32–33]. Как отмечал А. Кариле, вероятно, Карольдо для описания событий Четвертого крестового похода использовал труды Бьондо [Carile 1969, p. 202].

В Венеции в середине XV в. жил и писал Джорджо Дольфин, автор хроники, опирающийся на труд Морозини⁴⁴. Данная работа охватывает всю историю города. Он затрагивала многие проблемы внешней и внутренней политики Венеции. Дольфин оставал внимание, в частности, на длительной борьбе Венеции и Генуи, противостоянии Республики с Венгрией⁴⁵. Темы войны Венеции с соседями также подробно освещались в хронике Карольдо.

На Карольдо оказал влияние и труд Бернардо Джустиниани о первых веках истории Венеции⁴⁶. Джустиниани (1408–1489) родился в знатной семье и занимал важные должности во властных учреждениях Венеции. Значимость данного текста для Венецианской традиции историописания состояла в том, что Джустиниани, выбирая источники для труда, проводил очень тщательную проверку и критику материалов [Pertusi 1970, pp. 315–316]. Также Джустиниани старался показать многоаспектность исторического развития, демонстрируя как истоки событий, так и их следствия. Карольдо, создавая хронику, учитывал принципы и методы, которым следовал Джустиниани⁴⁷.

---

⁴⁴ *Nanetti A.* Introduzione // *Il codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433)*. Т. 1. Spoleto, 2010. P. XI.

⁴⁵ *Zannoni M.* Giorgio Dolfin cronista veneziano del sec. XV // *Estratto delle Memorie della R. Accademia di Scienze Lettere ed Arti in Padova*. Vol. 58. Padova, 1942. P. 17–18.

⁴⁶ *Pistilli G.* Giustiniani, Bernardo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2001. Vol. 57. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardogiustinian_ (Dizionario-Biografico) (дата обращения 20.12.2021).

⁴⁷ *Marin S.* Studiu introductiv // *Caroldo Gian Giacomo. Istorie venetiene*. Vol. 1. P. 12.

Несмотря на все заслуги Джустиниани, в 1480 г. должность официального хрониста Республики получил Сабеллико⁴⁸. Власти Венеции назначили ему денежное жалование⁴⁹. Правящие круги высоко ценили изысканность латинского языка Сабеллико. Виртуозное владение словом позволило ему показать Венецию как образцовое государство со славной историей и Республику, полную свобод, где не было отрицательных проявлений политического устройства. Хроника Сабеллико должна была превозносить достоинства Венеции для собственного населения и соседних государств⁵⁰. Можно предположить, что именно против подобного восхваления выступал Карольдо, отмечая первостепенную важность содержания перед формой изложения⁵¹.

Заключение

Делая вывод об определении места Карольдо в венецианской традиции исторической мысли, нельзя не обратиться к опыту историографии, посвященной изучению историописания Флоренции в XVI в.

Традиция историописания Флоренции изучена в большей степени, нежели венецианская. В частности, в 2020 г. под редакцией М.А. Юсима вышел коллективный труд «Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени». В статьях М.А. Юсима, О.Ф. Кудрявцева и Л.М. Брагиной выделялись критерии, по которым модели познания истории Макиавелли и Гвиччардини могли считаться новаторскими для своего времени.

М.А. Юсим отмечал, что известные историки XVI в. внесли значительный вклад в область знания о прошлом. Они одними из первых взглянули на исторический процесс с рационалистических позиций в Новое время [Юсим 2020, с. 45], отказались от приоритета старины над современными событиями, то есть рассматривали свое время как равноценное Античности [Юсим 2020, с. 46]. Макиавелли и Гвиччардини полагали, что исторические знания должны иметь прагматическую пользу, а именно обучать искусству политики [Юсим 2020, с. 47]. Их исторические труды по своей манере повествования представляли «аналитический рассказ о прошлом» [Юсим 2020, с. 48], где последовательно рассматривались изменения событий.

---

⁴⁸ *Cozzi G.* Cultura politica e religion nella «pubblica storiografia» veneziana del' 500. P. 7.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Ibid.*

⁵¹ *Caroldo Gian Giacomo.* Istorie venetiane. Vol. 1. P. 40.

Также в историописании, особенно Гвиччардини, уделял большое внимание отбору и критике источников, чтобы создавать более достоверные работы [Юсим 2020, с. 49]. В выборе тем Макиавелли и Гвиччардини предпочитали политические сюжеты, связанные с ранними национальными монархиями или Флорентийской республикой [Юсим 2020, с. 50].

По мнению О.Ф. Кудрявцева и Л.М. Брагиной, объяснения исторических изменений, связанных с ролью высших сил, больше не являлись актуальными [Кудрявцев 2020, с. 63–78; Брагина 2020, с. 79]. В то же время роль коллектива или великих личностей возрастала в интерпретации общественных процессов.

Хроника Карольдо во многом схожа с передовыми для своего времени трудами в области исторического знания. Венецианский автор также строго подходил к отбору сведений и их оценкам, стремясь извлекать практическую пользу из повествования. Хотя его предшественники часто не старались так тщательно анализировать материалы, используя свои нарративы для политических или личных целей. Хроника Карольдо превосходила их по своим целям и реализации, так как автор стремился непредвзято описывать события, избегая умолчаний или смысловых разрывов. По этой причине он использовал и провластное, и критическое направления историописания, выбирая из каждого наиболее прогрессивные идеи.

В манере аналитики и рационализма Карольдо стремился показать развитие истории. В его описаниях первостепенное место имели именно люди и их действия. Также можно увидеть и его внимание к отдельным личностям.

Хроника Карольдо занимает важное место в венецианской традиции историописания. Ее автор превзошел многих предшественников, приблизившись к принципам научного познания истории⁵². Он был одним из первых, кто стремился к объективному и беспристрастному рассмотрению реалий прошлого, не смотря на их противоречивость. Работа хрониста закладывала основы для развития более строгих принципов создания будущих трудов по истории Венеции. Возможно, именно ригоризм и подробность позволили Карольдо остаться в народной памяти, которая увековечила его хронику многими списками.

---

⁵² *Pastorello E. Prefazione // Caresini Rafaino. Chronica. P. XXX.*

Литература

- Бахматова 2009 – *Бахматова М.Н.* Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне // Море и берега: К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников / Отв. ред. Р.М. Шукуров. М.: Индрик, 2009. С. 85–107.
- Брагина 2017 – *Брагина Л.М.* Италия в Средние века и раннее Новое время: V–XVII вв. М.: РГГУ, 2017. 448 с.
- Брагина 2020 – *Брагина Л.М.* Гвиччардини о роли личности в политической истории Флоренции последних десятилетий XV в. // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2020. С. 79–89.
- Гене 2002 – *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Кудрявцев 2020 – *Кудрявцев О.Ф.* Некоторые особенности средневековой хронографии в их соотношении с историографией эпохи Возрождения // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2020. С. 63–79.
- Лиманская 2018 – *Лиманская Л.Ю.* Пирро Лигорио и развитие европейской археологической мысли XVI в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 89–101.
- Оке 2014 – *Оке Ж.* Средневековая Венеция / Пер. с фр. М.А. Черепихина. М.: Вече, 2014. 384 с.
- Рябова 2013 – *Рябова М.А.* Рецензия: Giovanni Giacomo Caroldo. Istorie venetiane. Vol. 1–4 / Ed. îngrijită de Ș.V. Marin. București, 2008–2011 // Средние века. 2013. Т. 74. № 1–2. С. 357–360.
- Юсим 2020 – *Юсим М.А.* Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2020. С. 43–53.
- Arnaldi 1970 – *Arnaldi G.* Andrea Dandolo Doge-Cronista // La storiografia veneziana fino al secolo XVI / Ed. A. Pertusi. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1970. P. 127–269.
- Bouwmsma 1973 – *Bouwmsma W.* The culture of Renaissance Humanism // American Historical Association. Pamphlets (401). Richmond: The William Byrd Press, 1973. P. 3–40.
- Carile 1969 – *Carile A.* La cronachistica veneziana (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1969. 586 p.
- Carile 1977 – *Carile A.* Caroldo, Gian Giacomo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1977. Vol. 20. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomocaroldo_](https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomocaroldo_(Dizionario-Biografico)) (Dizionario-Biografico) (дата обращения 20.12.2021).
- Celenza 2018 – *Celenza C.* The intellectual world of the Italian Renaissance. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. 438 p.
- Chrysostomides 1969 – *Chrysostomides J.* Studies on the Chronicle of Caroldo, with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377 // Orientalia Christiana Periodica. T. 35. Roma, 1969. P. 123–182.

- Cracco 1967 – *Cracco G.* Società e Stato nel medioevo veneziano (secoli XII–XIV). Firenze: Leo S. Olschki editore, 1967. 491 p.
- Gaeta 1980 – *Gaeta F.* Storiografia, coscienza nazionale e politica culturale nella Venezia del Rinascimento. Vicenza: Neri Pozza Editore, 1980. 91 p.
- Logan 1980 – *Logan O.* Venezia cultura e società 1470–1790. Roma: Il Veltrò editrice, 1980. 482 p.
- Mallett 1996 – *Mallett M.* Venezia e la politica italiana: 1454–1530 // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/veneziana-e-la-politica-italiana-1454-1530_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения 20.12.2021).
- Marin 2015 – *Marin Ş.* A double pathfinder's condition: Andrea Dandolo and his chronicles // Annuario dell'Istituto Romeno di cultura e ricerca umanistica di Venezia. Vol. XII–XIII, 2010–2011. Bucarest: Editura Academiei Române, 2015. P. 41–123.
- Pertusi 1970 – *Pertusi A.* Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI / Ed. A. Pertusi. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1970. P. 269–333.
- Trebbi 1980 – *Trebbi G.* La cancelleria veneta nei secoli XVI e XVII // Annali della fondazione Luigi Einaudi. Vol. 14. Torino, 1980. P. 65–125.
- Ventura 2018 – *Ventura A.* Scritti di storia veneziana. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2018. 408 p.

Referenses

- Arnaldi, G. (1970), “Andrea Dandolo Doge-Chronicler”, in Pertusi, A. (ed.), *Venetian historiography up to the 16th century*, Leo S. Olschki editore, Firenze, Italy, pp. 127–269.
- Bakhmatova, M.N. (2009), “The manuscript of J. Giacomo Caroldo in Verona”, in Shukurov, R.M. (ed.), *More i berega. K 60-letiyu S.P. Karpova ot kolleg i uchenikov* [The sea and the shores. Dedicated to the 60th anniversary of S.P. Karpov from colleagues and students], Indrik, Moscow, Russia, pp. 85–107.
- Bouwsma, W. (1973), “The culture of Renaissance Humanism”, in *American Historical Association*, pamphlets no. 401, The William Byrd Press, Richmond, USA, pp. 3–40.
- Bragina, L.M. (2017), *Italiya v Srednie veka i rannee Novoe vremya V–XVII vv.* [Italy in the Middle Ages and Early Modern Times 5th – 17th centuries], RGGU, Moscow, Russia.
- Bragina, L.M. (2020), “Guicciardini on the role of personality in the political history of Florence in the last decades of the 15th century”, in Youssim, M.A. (ed.), *Gvichcardini i Machiavelli u istokov istoricheskoy nauki Novogo vremeni* [Guicciardini and Machiavelli at the origins of the historical knowledge of Modern history], Institut vseobshchei istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 79–89.
- Carile, A. (1969), *La cronachistica veneziana (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204*, Leo S. Olschki Publishing House, Florence, Italy.

- Carile, A. (1977), “Caroldo, Gian Giacomo”, in *Dizionario Biografico degli Italiani*, 1977, vol. 20, available at: https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomocaroldo_ (Dizionario-Biografico) (Accessed 20 Dec. 2021).
- Celenza, C. (2018), *The intellectual world of the Italian Renaissance*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Chrysostomides, J. (1969), “Studies on the Chronicle of Caroldo, with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377”, *Orientalia Christiana Periodica*, vol. 35, Roma, Italy, pp. 123–182.
- Cracco, G. (1967), *Società e Stato nel medioevo veneziano (secoli XII–XIV)*, Leo S. Olschki Publishing House, Florence, Italy.
- Gaeta, F. (1980), *Storiografia, coscienza nazionale e politica culturale nella Venezia del Rinascimento*, Neri Pozza Publisher, Vicenza, Italy.
- Guenee, B. (2002), *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the Medieval West], LRC Publishing House, Moscow, Russia.
- Hocquet, J. (2014), *Srednevekovaya Venetsiya* [Medieval Venice], Veche, Moscow, Russia.
- Kudriavtsev, O.F. (2020), “Some features of Medieval Chronography in comparison with Renaissance historiography”, in Youssim, M.A. (ed.), *Gvichardini i Makiavelli u istokov istoricheskoi nauki Novogo vremeni* [Guicciardini and Machiavelli at the origins of the historical knowledge of Modern history], Institut vseobshchei istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 63–79.
- Limanskaya, L.Yu. (2018), “Pirro Ligorio and the development of the European archaeological thought in the 16th century”, in *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, vol. 12, no. 2, pp. 89–101.
- Logan, O. (1980), *Venezia cultura e società 1470–1790*, Il Veltro publishing, Rome, Italy.
- Mallett, M. (1996), “Venezia e la politica italiana: 1454–1530”, in *Storia di Venezia*, available at: https://www.treccani.it/enciclopedia/venezia-e-la-politica-italiana-1454-1530_%28Storia-di-Venezia%29/ (Accessed 20 Dec. 2021).
- Marin, Ș. (2015), “A double pathfinder’s condition: Andrea Dandolo and his chronicles”, in *Yearbook of the Romanian Institute of Culture and Humanistic Research of Venice*, vol. 12th – 13th, 2010–2011, National Archives of Romania, Bucharest, Romania.
- Pertusi, A. (1970), “Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento”, in Pertusi, A. (ed.), *La storiografia veneziana fino al secolo XVI*, Leo S. Olschki editore, Firenze, Italy, pp. 269–333.
- Ryabova, M.A. (2013), “Book Review: Giovanni Giacomo Caroldo, *Istorie veneziene*, vol. I–IV, București, 2008–2011”, *Srednie veka* [Middle Ages], vol. 74, no. 1–2, pp. 357–360.
- Trebbi, G. (1980), “La cancelleria veneta nei secoli XVI e XVII”, in *Annali della fondazione Luigi Einaudi*, vol. 14, Turin, Italy, pp. 65–125.
- Ventura, A. (2018), *Scritti di storia veneziana*, Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, Venice, Italy.
- Youssim, M.A. (2020), “The great Florentines and the evolution of historical knowledge in Europe”, in Youssim, M.A. (ed.), *Gvichardini i Makiavelli u*

istokov istoricheskoy nauki Novogo vremeni [Guicciardini and Machiavelli at the origins of the historical knowledge of Modern history], Institut vseobshchei istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 43–53.

Информация об авторе

Дмитрий И. Гоц, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; idgots@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-4357>

Information about the author

Dmitry I. Gots, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; idgots@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-4357>

Персональная история

УДК 930.1(470.41)

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-83-95

Хайри Гимади: штрихи к портрету: К 110-летию со дня рождения татарского историка (1912–1961)

Алина Т. Галимзянова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
Казань, Россия, alisabitva@mail.ru*

Аннотация. Представленная статья является первой исследовательской работой, посвященной биографии Хайри Гимади, одного из ярких представителей советской школы историков, деятельность которого проходила в период ужесточения идеологического прессинга на интеллигенцию. Труды Х. Гимади по истории Татарской АССР создавались в условиях развернувшихся кампаний по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом», языковедческой и политэкономической дискуссий. Будучи верным коммунистом, зачастую ему приходилось жертвовать научной принципиальностью, что в конечном счете привело к разочарованию в сложившейся системе и кончине историка.

В статье используется метод устной истории (глубинное интервью), сыгравший важную роль в выстраивании целостной картины о жизни Х. Гимади. Впервые в научный оборот вводится личное дело историка, документы из которого позволяют проследить педагогическую, научную, общественно-политическую деятельность ученого. Наибольшую ценность представляют воспоминания и письма Х. Гимади. Эти записи хранятся в личном архиве его детей и отражают детство и юность будущего историка: подробно описывают годы массового голода в Поволжье, беспризорность, работу Деткомиссий и детских домов. Материалы статьи могут быть полезными для исследователей, изучающих развитие гуманитарной науки в период позднего сталинизма, повседневной жизни советских детей 1920-х гг. и интеллигенции 1940–1950-х гг.

Ключевые слова: Хайри Гимади, история Татарской АССР, личное дело, исследователи Золотой Орды, Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал АН СССР, голод в Поволжье

© Галимзянова А.Т., 2022

Статья поступила в редакцию 10 марта 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Галимзянова А.Т. Хайри Гимади: штрихи к портрету: К 110-летию со дня рождения татарского историка (1912–1961) // История и архивы. 2022. № 4. С. 83–95. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-83-95

Khairi Gimadi. A portrait sketch.
Dedicated to the 110th anniversary
of the Tatar historian's birth
(1912–1961)

Alina T. Galimzyanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia, alisabitva@mail.ru*

Abstract. The article is the first research work on the biography of Khairi Gimadi, who was a bright representative of the Soviet school of historians, whose activities took place at the time of tighter ideological pressure on the Tatar intelligentsia. Kh. Gimadi's works on the history of the Tatar ASSR were created in the context of the ongoing campaigns against “bourgeois objectivism” and “cosmopolitanism”, linguistic and political economic discussions. Being a loyal communist, he often had to sacrifice his scientific principles, and it ultimately led to the disillusionment with the current system and the tragic death of the historian.

The article uses the method of oral history (in-depth interview), which played an important role in building a holistic picture of the life of Kh. Gimadi. For the first time, the personal file of the historian is introduced into a scientific circulation, the documents from which allow us to trace the pedagogical, scientific, and socio-political activities of the scholar. The most valuable are the memoirs and letters of Kh. Gimadi. These records are kept in his children's personal archives and reflect the childhood and adolescence of the future historian: they describe in detail the years of mass famine in the Volga region, children homelessness, the work of the Children's commissions and orphanages. The materials of the article may be useful for the researchers studying the development of the Humanities during the period of late Stalinism, the daily life of the Soviet children of the 1920s and the intelligentsia of the 1940s and 1950s.

Keywords: Khairi Gimadi, history of the Tatar ASSR, personal file, researchers of the Golden Horde, Institute of Language, Literature and History; Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, famine in the Volga region

The article was submitted 10.03.2022;

accepted for publication 10.08.2022

For citation: Galimzyanova, A.T. (2022), “Khairi Gimadi. A portrait sketch. Dedicated to the 110th anniversary of the Tatar historian’s birth (1912–1961)”, *History and Archives*, no. 4. pp. 83–95, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-83-95

Введение

Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», о котором не раз говорилось в отечественной историографии [Галлямова 2019, с. 788, 792; Gallyamova, Kabirova, Khanirova 2021, pp. 195–197], имело сильное влияние не только на развитие национальной культуры, но и на судьбы людей, посвятивших ей свою жизнь. Одной из центральных фигур, подвергнутых тогда разгромной критике со стороны Татарского обкома ВКП(б), был Гимадутдинов Хайрутдин Гимадиевич (Хайри Гимади).

Х. Гимади стоял у истоков изучения советской истории татарского народа, и сегодня часто ссылаются на его труды при описании политико-идеологической конъюнктуры сталинской эпохи. При этом специальных исследований по изучению биографии самого Х. Гимади до сих пор не произведено.

В поисках информации о Хайрутдине Гимадиевиче мы прежде всего обратились в архив Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (ЦПМН ИЯЛИ), где долгое время работал историк. Здесь нам удалось обнаружить личное дело Хайри Гимади, которое долгое время считалось утерянным.

В деле сохранилось два экземпляра личных листов по учету кадров (от 23 мая 1946 г., 4 июня 1949 г.) и три автобиографии (от 6 июня 1941 г, 24 мая 1946 г. и 4 июня 1949 г.). Эти источники заполнены Х. Гимади собственноручно и завизированы. Они дают информацию о социальном происхождении историка, его образовании, карьере, отношении к воинской обязанности, партийности. Среди прочих документов большой интерес представляют свидетельства и удостоверения о прохождении обучения в Казанском государственном педагогическом институте (КГПИ), которые любопытны тем, что содержат сведения о программе обучения в советских вузах в 1930-е гг. Имеющиеся в деле характеристики (всего их 8) отражают путь становления Х. Гимади как ученого.

Кроме того, нам удалось отыскать сына Х. Гимади – Эдуарда Хайрутдиновича, который сейчас проживает в Новосибирске

и является доктором физико-математических наук, профессором, ведущим научным сотрудником Института математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения РАН. Он вместе со своими сестрами поделился воспоминаниями об отце. Помимо материалов устной истории, в данной статье использованы источники личного происхождения, которые все больше привлекают внимание исследователей [Пушкарева, Богдашина 2021, с. 93–104; Белова 2022, с. 229–241; Батшев, Трифонова 2021, с. 46–55; Володина 2020; Успенский 2019]. Сохраненные у детей записи Х. Гимади довольно подробно описывают его детство и юность. Заметки сделаны на 12-страничной школьной тетради и озаглавлены «Воспоминания. Важнейшие вехи моей жизни».

Детские и юношеские годы будущего историка

Гимадутдинов Хайри Гимадиевич родился 1 сентября 1912 г. в деревне Молвино Нурлатского района ТАССР (по административному делению досоветского времени: д. Молвино Косяковской волости Свияжского уезда Казанской губернии). Он был третьим ребенком в семье, где всего росло шестеро детей: старший брат Шараф (сын отца от первого брака), сестра Хадича и три сестренки. Родители Гимади были бедными крестьянами и всю жизнь занимались хлебопашеством. Средств на пропитание всегда не хватало, поэтому главе семейства приходилось ежегодно уезжать на заработки в Симбирскую губернию¹.

Полуголодная жизнь и тяжелая работа очень скоро подорвали здоровье его отца. В 1920 г. он скончался. Шестеро маленьких детей остались на попечении матери. На тот момент брату восьмилетнего Хайри было 15 лет, сестре 13 лет, а сестренкам 6, 4 и 2 года². Х. Гимади пишет в воспоминаниях, как они с братом с утра до вечера, надев сумку, «ходили по миру» и попрошайничали, а потом шли домой обрадовать свою мать³. Но продолжалось это недолго: в Поволжье начался период массового голода. Чтобы хоть как-то спасти своих детей, летом 1921 г. мать отправила сыновей в город на поиски пропитания.

Хайри с братом пешком добрались до железнодорожной станции Свияжска, который находился в 18 км от их деревни, и на товарном поезде отправились в Москву. Поезд шел больше двух недель. В город они прибыли в сентябре, но в октябре дети оказались в одном из детских распределителей. Несмотря на то, что там

¹ Гимади Х. Воспоминания: Важнейшие вехи моей жизни: Неопубликованные воспоминания // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск. Л. 1, 5.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 7.

их чисто одели и хорошо кормили, братья сбежали и направились в сторону г. Ярославль. Не доехав до указанного пункта, они остановились в г. Ростов, а затем направились за озеро Неро. Здесь их приютил один из зажиточных угодических крестьян, у которых Шараф батрачил, а в свободное время дети ходили попрошайничать. Как вспоминает Х. Гимади, в течение 6 месяцев они собрали 3 мешка хлеба.

В мае 1922 г., собрав достаточно на пропитание, Хайри и Шараф вернулись в родную деревню, где соседка сообщила, что их мать умерла три месяца назад, а сестры живут у родственников. В воспоминаниях, описывающих эти события, Х. Гимади указал, что у родственников находились шестилетняя Халима и двухлетняя Зайнаб⁴. О старшей сестре и четырехлетней он ничего не говорит. Можно лишь предположить, что девочки, как и их мать, не смогли пережить голодную зиму.

После того, как дети остались без попечителей, старший брат решает отвезти младшую из сестер в г. Казань и отдает ее в детскую приемную. А сам, вместе с Хайри и Халимой, в августе того же года отправляется на поиски хорошей жизни. Но осенью того же года Х. Гимади направили в детский дом № 1 в г. Ростов. О некоторых эпизодах жизни в приюте мы узнаем из письма историка своему другу юности Мингалееву Габдульвали Минвалиевичу:

Ваше последнее письмо получил. За все благодарю. Хорошо, что в момент получения письма в Ростове находилась Мария Федоровна. У нас, воспитанников детского дома она оставила самое лучшее впечатление. Очевидно, она напишет.

Благодарю вас и за карту Ростова. Я приблизительно помню, хотя и уехал, когда мне было 13 лет. (прошло же более 30 лет!!!) На карте нет нашего Д/дома (быв[ший]. дом фабриканта Селиванова)... Этот дом находился недалеко от озера Неро, на ул. Свердлова (тогда она называлась Окружной). Недалеко также находились городской сад и электростанция, где, кстати, я впервые услышал песню «Кирпичики» («где-то в городе, на окраине, я в рабочей семье родилась...»). Дальше уже не помню, но тогда она была популярной).

Уехал из Ростова я весной 1926 г. Помню, провожала нас (меня, еще одну девочку – крещеную татарочку – забыл ее имя и фамилию, а также одного парнишку). Доехали до Москвы, а там пешком до кремля, к Мавзолею Ленина. Здание мавзолея было деревянным. Никаких метро, автобусов, троллейбусов еще не было. Несмотря на это, по сравнению с Ростовым, Москва оставила неизгладимое впечатление. Я здесь уже был не раз. Первый раз в 1921 г. беспризорником

---

⁴ Там же. Л. 10.

(«Зайчиком») меня поймали в 1921 г. Но мы бежали. В Ярославле я оказался в распределителе. (Сейчас не знаю, а раньше, говорят, там было здание Кадетского корпуса.) Вот отсюда я и попал в г. Ростов-Ярославский.

Если моя родина Татария, но своим первоначальным образованием и воспитанием я обязан Ростову, Д/Дому № 1, М.Ф. Чернобуровой, школе № 1 и всем, с кем я общался в прекрасном Д/Д. № 1. А самое главное ведь нас приютила Родина, во главе которой стоял тогда В.И. Ленин.

Сейчас помню, как сегодня, день смерти В.И. Ленина.

9 января 1924 г. у нас шло собрание, посвященное кровавому воскресенью, когда Николай II расстрелял перед Зимним рабочих.

Вдруг вбегает рабочий цикорной фабрики и что-то говорит Марье Федоровне. Она зарыдала. А мы малыши и ребята за ней. Она заменяла мать нам всем. Мар. Федоровна разъяснила, что умер самый великий человек, наш отец В.И. Ленин.

Помните ли Вы как мы на собрании Пашу Морозову за то, что она хорошо декламировала стихи, прозвали «Лениной». Кажется, потом она это почетное имя «не оправдала».

В дни ленинского приема в партии в 1924 г. в мае нас приняли в пионеры (в клубе рабочих цикорной фабрики). Хорошие дни были эти, а лагеря вместе с красноармейцами 54 стрелкового полка около Борисоглебской слободы!!!

Вот так пролетели года. И не даром. Об этом я уже писал. Много пришлось пережить. Но хорошее всегда берет верх. Лично я очень доволен своей жизнью, хотя и были трудные дни, но когда их преодолешь, на душе становится лучше⁵.

В Ростове Хайри Гимадиевич прожил до 1926 г., затем в возрасте 13 лет его перевели в детский дом г. Свяжска [Галимзянова 2022, с. 74–91]. В 1927 г. он устроился работать наборщиком в типографию Свяжского Райисполкома и одновременно учился в средней школе. В том же году Х. Гимади вступил в комсомол, а в 1929 г. был избран членом бюро Свяжского РК ВЛКСМ, откуда выбыл в 1930 г., поскольку по разверстке ЦК ВЛКСМ был в счет «1000» направлен на учебу в Восточный педагогический институт г. Казани⁶.

---

⁵ Там же. Л. 14–15.

⁶ Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (ЦПМН ИЯЛИ). Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 16.

*Педагогическая карьера.
Годы Великой Отечественной войны*

В 1933 г. Гимади окончил историческую секцию историко-экономического отделения Педагогического института и получил квалификацию «педагога по историко-экономическим дисциплинам в рабфаках, техникумах и школах повышенного типа»⁷. В копии свидетельства об окончании вуза указано, что студенты обучались как теоретическим, так и практическим дисциплинам, среди которых педолого-педагогические, общественно-политические (политическая экономия, диалектический и исторический материализм, экономполитика, история ВКП (б) и ленинизм), дисциплины политехнического цикла (технология материалов), военные дисциплины, практика (производственная педагогическая, сельскохозяйственная и индустриальная), специальные дисциплины историко-экономического отделения. Кроме того, в вузе обучали татарскому и иностранному языкам⁸. К слову, в личном листке Гимадуддинов отметил, что слабо владеет немецким, турецким и французским языками и хорошо – татарским и русским⁹.

С сентября 1933 г. Х. Гимади поступил в аспирантуру на кафедру истории СССР КГПИ. За время прохождения здесь обучения (до июля 1936 г.) он сдал все обязательные испытания по кандидатскому минимуму, получив оценки «хорошо» по предметам диалектический и исторический материализм, педагогика, немецкий язык, история ВКП(б), источниковедение, история СССР и эпоха империализма; по предмету «политэкономия» у Х. Гимади было «удовлетворительно». При этом работа над кандидатской диссертацией им не была завершена вовремя. Скорее всего это было связано с чрезмерной загруженностью молодого аспиранта: одновременно с учебой он преподавал в родном вузе, где в период 1933–1942 гг. прошел путь от ассистента и старшего преподавателя до исполняющего обязанности доцента кафедры истории СССР, а затем декана исторического факультета КГПИ. Кроме Педагогического института, Хайри Гимадиевич вел лекции в Институте марксизма-ленинизма и областной партшколе.

К этому времени Х. Гимади был уже женат. Его супруга М.А. Шайдуллина в браке взяла фамилию мужа и стала Гимадиевой. Познакомились они, будучи студентами рабфака. После окончания вуза Марьям Абдрахмановна работала учителем начальных классов

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2.

в татарской школе¹⁰. В браке у них было четверо детей: Рудольф (5.08.1934 г. р.), Эдуард (4.01.1937 г. р.), Асия (11.01.1942 г. р.), Галя (23.02.1954 г. р.)¹¹.

С началом войны многие научно-педагогические сотрудники и студенты Педагогического института ушли на передовую. Из-за плохого зрения Х. Гимади не призвали на фронт. В личном листке по учету кадров он отмечает, что не служил в армии и участия в военных действиях во время гражданской и Великой Отечественной войн не принимал. При этом в одной из автобиографий историк кратко пишет: «В армии не был, но проводил военные сборы (1940 г., а затем в НКВД в качестве ст. оперуполномоченного»¹². Столь краткое упоминание о службе не позволяет с уверенностью говорить о роли научно-педагогического сотрудника в работе органов. Возможно, работа Х. Гимади в этой структуре как-то была связана со службой его жены, которой в годы войны пришлось отказаться от основной профессии, поскольку ее призвали в Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР). Здесь она прошла специальное обучение и занималась контролем гражданской переписки. В 1944 г. М.А. Гимадиева получила звание старшего сержанта спецслужб, а в 1947 г. – младшего лейтенанта. Однако можно точно сказать, что Х. Гимади являлся активным тружеником тыла. Будучи в 1941–1942 гг. деканом истфака, он возглавил работу студентов и научных работников по строительству оборонительных сооружений (28.10.1941 – 4.02.1942¹³). В одной из своих статей Гимади написал: «Весь коллектив исторического факультета, оставшийся в Казани, три тяжелых зимних месяца работал на строительстве военных укреплений»¹⁴. Задание было выполнено досрочно, а за самоотверженный труд «командование занесло бригаду факультета на доску почета и премировало денежной премией»¹⁵.

Вернувшись домой к семье, Х. Гимади недолго пробыл в Казани. В мае 1942 г. его командировали в г. Куйбышев (ныне г. Самара).

---

¹⁰ Интервью с Э.Х. Гимади, сыном Х. Гимади, записано 5.05.2021 // Архив автора.

¹¹ Там же.

¹² ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 5.

¹³ ОРРК НБЛ. Ф. 8. Ед. хр. 29. Л. 11. Комсомольская организация Казанского Государственного Педагогического института в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1949–1950 гг.

¹⁴ Крашенинникова Т.П. «Истфак продолжал работать... Только мало было студентов» // Музейный вестник ТГГПУ. Вып. 6. Казань, 2009. С. 139.

¹⁵ Там же.

Т.П. Крашенинниковой удалось обнаружить письмо Хайрутдина Гимадиевича Е.И. Устюжанину, отправленное 29 декабря 1942 г. В письме адресанта указан адрес: г. Куйбышев ул. Галактионовская д. 141¹⁶, где в период с 1941 по 1943 г. располагался Народный комиссариат иностранных дел (НКВД)¹⁷. В самом письме Х. Гимади написал: «Очевидно, тебе известно, что я сейчас работаю там, где в свое время работал Георгий Федорович. Кстати он скоро приедет, тоже будет работать у нас»¹⁸. Говоря о работе, возможно, Х. Гимади имел в виду преподавание истории. Но с октября 1942 г. по январь 1943 г., как указано в автобиографиях, он сам проходил обучение в Высшей дипломатической школе НКВД и был «освобожден по личной просьбе»¹⁹. По воспоминаниям детей, его готовили к дипломатической работе по турецкому направлению, но такая необходимость отпала в связи со сменой военно-политической обстановки и стратегических направлений советского правительства. Всех, кто проходил обучение в дипломатической школе, попросили написать прошение об освобождении от службы²⁰.

Научно-исследовательская и общественная деятельность

Всю оставшуюся жизнь Х. Гимади посвятил науке. Сохранилось письмо от 30 марта 1943 г. секретаря ОК ВКП(б) по пропаганде Гафарова директору Татарского Научно-исследовательского Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Х.Х. Ярмухаметову, где сказано, что Татарский обком ВКП(б) направляет в их институт для работы в качестве научного сотрудника сектора истории Х. Гимадудинова²¹. Так с 1943 г. Х. Гимади начал работать в долж-

¹⁶ Крашенинникова Т.П. Указ. соч. С. 138.

¹⁷ Об открытии в Самаре мемориальной доски НКВД // События мероприятия, 7.11.2020. URL: https://samara.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_otkrytii_v_samare_memorialnoy_doski_nkid/ (дата обращения 19.05.2021).

¹⁸ Крашенинникова Т.П. Указ. соч. С. 136. По предположению Т.П. Крашенинниковой, речь шла о Г.Ф. Юдине. Г.Ф. Юдин в 1934–1935 гг. работал ассистентом в КГПИ, в период 1935–1939 гг. исполнял обязанности доцента и заведующего кафедрой всеобщей истории и являлся деканом истфака.

¹⁹ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 1.

²⁰ Интервью с Э.Х. Гимади, сыном Х. Гимади, записано 5.05.2021 // Архив автора.

²¹ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 10.

ности старшего научного сотрудника ИЯЛИ при СМ ТАССР²², а с 15 декабря 1945 – старшего научного сотрудника ИЯЛИ Казанского Филиала АН СССР (КФАН СССР), где с января 1946 г. возглавил работу сектора истории²³.

Институт языка, литературы и истории стал основным местом работы Х. Гимадудинова. Здесь началась его плодотворная научно-исследовательская работа по изучению истории Татарии. В 1949 г. под руководством академика Б.Д. Грекова ему удалось завершить работу по написанию кандидатской диссертации по теме «Народы Булгарии под игом Золотой Орды (в связи с этногенезом казанских татар)». Защита прошла в Институте истории АН СССР 23 мая того же года и получила высокую оценку Ученого совета²⁴. После получения ученой степени, 1 декабря 1950 г. решением Президиума АН СССР ему было присвоено звание старшего научного сотрудника АН СССР по специальности «История Татарии»²⁵.

Последующие годы Х. Гимади работал над докторской диссертацией «Присоединение Татарии к русскому государству и ее историческое значение», написание которой историк планировал закончить к концу 1959 г. Диссертация не была завершена вовремя. В 1959 г. он оставил должность заведующего, при этом продолжал работать в институте.

Коллеги отмечали, что Х. Гимади показал себя хорошим руководителем коллектива, способным организатором и научным сотрудником²⁶. Директор ИЯЛИ М.Х. Гайнуллин характеризовал его как наиболее авторитетного руководителя сектора истории, всегда серьезно и глубоко подходившего к поставленным задачам и весьма успешно их решавший. Х. Гимади имел большую эрудицию в области истории края и являлся основным составителем проспекта «Очерков истории Татарии», высоко оцененного со стороны ряда крупнейших историков г. Москвы²⁷. В научных кругах Хайрутдин Гимадиевич был известен как главный редактор первого учебника по истории Татарской республики – двухтомной «Истории ТАССР». Его исследования были посвящены этногенезу казанских татар, борьбе народов Среднего Поволжья против монгольского ига, изучению роли татарского народа в Отечественной войне 1812 г.,

²² Там же. Л. 97.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Там же. Л. 58; Диплом кандидата наук № 00928. Москва 19.02.1950 // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск.

²⁵ Аттестат старшего научного сотрудника № 08619. Москва. 26.02.1951 // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск.

²⁶ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 63.

²⁷ Там же. Л. 17.

истории Татарии в годы Великой Отечественной войны, в годы советской власти. Ему принадлежат десятки научных и публицистических статей в областных и всесоюзных периодических изданиях. Кроме того, в 1950–1958 гг. историк работал членом редакционной коллегии журнала «Совет эдэбияте» («Советская литература»), являвшегося органом Союза писателей Татарии. Х. Гимади принимал активное участие во многих научных сессиях и конференциях, им самостоятельно был разработан для студентов казанских вузов курс по истории Татарии.

Научную и педагогическую деятельность Х. Гимади сочетал с большой общественно-политической работой. Как уже говорилось, вступив в комсомол еще в 1927 г., в 1929 г. он был избран членом бюро Свияжского РК ВЛКСМ, благодаря чему и был направлен на обучение в педагогический институт. В Казани в период 1933–1937 гг. Х. Гимади являлся секретарем комитета ВЛКСМ КГПИ, затем секретарем Парторганизации ИЯЛИ (1943–1946 гг.). При этом он уже в 1939 г. был избран депутатом Молотовского Райсовета г. Казани. В партию Х. Гимади был включен в 1940 г., с 1941-го являлся членом ВКП(б).

За время пребывания в комсомоле и партии Х. Гимади вел активную агитационно-массовую работу среди населения. В 1936 г. он был назначен инструктором ОК ВЛКСМ, с 1943 г. являлся внештатным лектором ОК ВКП(б). В период выборов в Верховный совет СССР, РСФСР, ТАССР (1937, 1938, 1946 гг.) Хайри Гимадиевич был поставлен доверенным по избирательному участку. После того, как в 1948 г. в Казани основали Татарское отделение Общества по распространению политических и научных знаний²⁸, он был включен в число его действительных членов. А в конце 1950-х гг. являлся консультантом группы лиц, самостоятельно изучающих теорию марксизма-ленинизма.

Заключение

Научно-педагогическая, общественно-политическая деятельность Х.Г. Гимадутдинова была высоко оценена Советским правительством. В 1945 г. президиумом Верховного Совета СССР он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1950 г. – Орденом Трудового Красного Знамени.

Следует отметить, что Х. Гимади был одним из первых представителей национальной научной интеллигенции, занимавшийся изучением истории Татарской АССР, где после борьбы с «национал-уклонизмом» еще долго не могли взрастить собственные кадры

---

²⁸ Там же.

историков. Будучи советским историком, призванным создавать марксистские труды по истории Татарской республики, ему зачастую приходилось жертвовать научной принципиальностью. Возможно, внутренние противоречия, порождаемые, с одной стороны, искренней верой в коммунистическую идеологию, с другой – пониманием несправедливости политики, в особенности в области развития национальной культуры, и явились причиной кончины Гимадутдинова Хайри Гимадиевича, жизнь которого оборвалась 11 октября 1961 г., когда ему было всего 49 лет²⁹.

Литература

- Батшев, Трифонова 2021 – *Батшев М.В., Трифонова С.А.* История бытования одного источника: «Дневник князя Дмитрия Михайловича Волконского» в фонде Архива РАН // История и архивы. 2021. № 4. С. 46–55. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-46-55
- Белова 2022 – *Белова И.Б.* «Людские волны»: дневниковые записи Ф.А. Кудринского о беженцах Первой мировой войны, 1915 г. // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 229–241. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241
- Володина 2020 – *Володина Т.А.* Иван Петрович Сахаров: Тульский «посадский человек» в российской науке // Новый исторический вестник. 2020. № 2(64). С. 110–130.
- Галимзянова 2022 – *Галимзянова А.Т.* Воспоминания Хайри Гимади // История и архивы. 2022. № 1. С. 74–91. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91
- Галлямова 2019 – *Галлямова А.Г.* «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797. URL: <http://goldhorde.ru/RU/stati2019-4-11/> (дата обращения 19.05.2021).
- Gallyamova, Kabirova, Khanipova 2021 – *Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I.* The decree of the central committee of the All-Union Communist party of bolsheviks in August 1944 and the Tatar intelligentsia // Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199. URL: <http://goldhorde.ru/en/stati2020-1-10/> (дата обращения 19.05.2021).
- Пушкарева, Богдашина 2021 – *Пушкарева Н.Л., Богдашина И. В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93–104. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-93-104
- Успенский 2019 – *Успенский В.Л.* Жизнь и труды академика Василия Павловича Васильева: размышления по поводу 200-летнего юбилея // Новый исторический вестник. 2019. № 2(60). С. 108–120.

---

²⁹ Некролог // Советская Татария. 1961. 13 окт. С. 4.

References

- Belova, I.B. (2022), “ ‘The Human Waves’. F.A. Kudrinsky’s diary entries about the refugees of the First World War (1915), *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist], no. 1, pp. 229–241, DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241
- Batshev, M.V. and Trifonova, S.A. (2021), “The history of the existence of one source. ‘The Diary of Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky’ in the Archive Fund of the Russian Academy of Sciences”, *History and Archives*, no. 4, pp. 46–55, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-46-55
- Galimzyanova, A.T. (2022), “Memories of Khairi Gimadi”, *History and Archives*, no. 1, pp. 74–91, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91
- Gallyamova, A.G. (2019), “ ‘Reprisal’ against the Golden Horde” in the middle of the 20th century. Ideological discourse in the Tatar medieval studies in the light of the August Decree of 1944”, *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 7, no. 4, pp. 784–797, DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797
- Gallyamova, A.G., Kabirova, A.Sh. and Khanipova, I.I. (2021), “The decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar intelligentsia”, *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 8, no. 1, pp. 185–199, DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199.
- Pushkareva, N.L. and Bogdashina, I.V. (2021), Personal provenance sources on the history of the provincial daily life of Soviet women in the 1950–1960s, *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist], no. 1, pp. 93–104, DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-93-104
- Volodina, T.A. (2020), “Ivan Sakharov. Tula’s townsman (‘Posadskii chelovek’), *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 64, no. 2, pp. 110–130.
- Uspensky, V.L. (2019), “The life and works of academician Vasilii Pavlovich Vasilyev. Reflections on the occasion of his 200th jubilee”, *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 60, no. 2, pp. 108–120.

Информация об авторе

Алина Т. Галимзянова, кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, д. 7А; alisabitva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1988-9522

Information about the author

Alina T. Galimzyanova, Cand. of Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; bld. 7A, Baturin St., Kazan, Russia, 420111; alisabitva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1988-9522

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 005.92

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-96-105

Междисциплинарный подход в документоведении

Наталья Г. Суровцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, survtseva.n@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается развитие научной дисциплины «документоведение». Автор обращает внимание на значительное влияние междисциплинарного подхода на формирование объекта и предмета документоведения. Данная тенденция развития документоведения была заложена еще его основателем К.Г. Митяевым и получила поддержку в работах отечественных ученых. Документоведение развивается в особенно тесной связи с архивоведением, источниковедением и другими дисциплинами исторического цикла, объектом изучения которых является документ. Наиболее существенным вопросом в междисциплинарных исследованиях в кругу данных дисциплин являются вопросы классификации документов. Широкий подход к документу как объекту исследования в условиях междисциплинарности приводил к попыткам расширить область исследования документоведения за счет включения в нее книги и создания «общей теории документа». Эти попытки, предпринятые в 1960-е гг. и в начале XXI в., не увенчались успехом, однако дальнейшее развитие документоведения в условиях междисциплинарности может создать угрозу размывания предметного поля данной научной дисциплины. Поэтому на современном этапе документоведение нуждается в углублении собственной специализации.

Ключевые слова: документоведение, междисциплинарный подход, объект и предмет документоведения, документ, «общая теория документа»

Статья поступила в редакцию 11 июля 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Суровцева Н.Г. Междисциплинарный подход в документоведении // История и архивы. 2022. № 4. С. 96–105. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-96-105

© Суровцева Н.Г., 2022

Interdisciplinary approach in Records Management

Nataliya G. Surovtseva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, surovtsseva.n@rggu.ru*

Abstract. The article discusses the development of Records Management. The author draws attention to the significant influence of the interdisciplinary approach on the formation of the object and subject in Records Management. Such a trend in the development of Records Management was laid down by its founder, K.G. Mityaev, and was supported in the works of Russian scholars. Records Management develops in particularly close connection with Archival Studies, Source Studies and other disciplines of the historical cycle, where a record (document) is the object of study. The most significant issue in interdisciplinary research in the range of those disciplines is the classification of documents. A broad approach to the document as an object of research, in the conditions of interdisciplinarity, led to the attempts of expanding the field of research in Records Management by including a book in it and creating a “general theory of the document”. Such attempts, made in the 1960s and at the beginning of the 21st century, were unsuccessful. However, the further development of Records Management in the context of interdisciplinarity may pose a threat of blurring the subject field of this scientific discipline. Therefore, at the present stage, Records Management needs to deepen its own specialization.

Keywords: Records Management, interdisciplinary approach, object and subject of Records Management, document, “general theory of the document”

The article was submitted 11.07.2022;
accepted for publication 10.08.2022

For citation: Surovtseva, N.G. (2022), “Interdisciplinary approach in Records Management”, *History and Archives*, no. 4, pp. 96–105, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-96-105

Документоведение как научная дисциплина, возникнув в середине прошлого века, свое развитие проходит в достаточно непростых условиях. Одним из таких условий является постоянное воздействие смежных научных дисциплин, объектом изучения которых также является документ. В свое время К.Г. Митяев рассматривал документоведение как составную часть архивоведения. Достаточно вспомнить, что сама идея создания документоведения зародилась у К.Г. Митяева из практических задач архивного дела. Для качественного отбора документов на постоянное архивное

хранение необходимо было разработать наиболее полную классификацию документов, которая стала бы методическим инструментом этого отбора. Однако, выделившись в самостоятельную научную дисциплину, документоведение должно было определить свой предмет исследования. Именно он формирует круг вопросов, теоретических проблем и практических задач, которые решает данная научная дисциплина.

Формирование предмета осуществлялось под влиянием понимания места документоведения в системе научного знания о документе как науки, изучающей документ во всех проявлениях и в самом широком его понимании. Этот подход был заложен еще К.Г. Митяевым. Его безусловной заслугой является постановка проблемы необходимости комплексного изучения документа. Он видит междисциплинарный характер новой дисциплины, определяя в качестве одной из задач документоведения «прокладывание пути научным дисциплинам, относящимся к документированию, документам, определение их задач, границ»¹. В дальнейшем этот подход получил развитие в работах ученых МГИАИ², которые считали, что документоведение должно заниматься всем многообразием документируемой человеческой деятельности, поэтому его предмет будет постоянно расширяться.

В немалой степени закреплению междисциплинарного подхода в документоведении способствовала его тесная связь с дисциплинами исторического цикла, такими как архивоведение и источниковедение.

Документоведение на протяжении всего периода своего существования остается в тесной взаимосвязи с архивоведением. А.Н. Сокова, например, считала, что по объекту и предмету исследования документоведение симметрично архивоведению. Если объектом первого является действующая документация, то второго – ретроспективная. Если задача, предмет первого – обеспечить высокое качество в момент их создания, то второго – сохранить высокий информационный потенциал ретроспективных документов³. Учитывая многообразие форм и методов документирования, фиксации информации в условиях внедрения информационных технологий, А.Н. Сокова считала, что документоведение обладает значительным интеграционным потенциалом для объединения

---

¹ Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.

² Илюшенко М.П., Кузнецова Т.В., Лившиц Я.З. Документоведение: документ и системы документации: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1977. 83 с.

³ Сокова А.Н. Документоведение: теория и практика: избр. труды. М., 2009. С. 184–185.

целого ряда научных дисциплин исторического цикла в «общее документоведение» или дисциплину с другим названием, которая сможет объединить отрасли знания, существующие по настоящее время самостоятельно⁴.

Б.С. Илизаров считал, что можно определить эту область знания как «документология». В данном случае он сознательно использовал термин, который был ранее предложен югославским исследователем Д. Исаковичем, однако подчеркнул, что объединяет им не «конгломерат научных дисциплин, связанными с информационными процессами», а использует сам термин для определения области исследований, в которой формируется общая теория документа [Илизаров 1984, с. 34]. В основу этой общей теории Б.С. Илизаров предложил положить социальные функции документа, вопрос о которых он рассматривает как один из наиболее важных.

Сторонником междисциплинарного подхода в изучении документа выступает и В.П. Козлов. Его междисциплинарное пространство образуют документоведение и архивоведение, археографии и историческое источниковедение, объектом изучения которых является документ в различных аспектах пространственно-временной протяженности своего бытования. В.П. Козлов удачно сочетает теорию жизненного цикла документа с общей теорией документа. Три жизни документа – это его жизни в делопроизводстве, в архиве и в исторических исследованиях, в каждой из которых документ выполняет определенную функцию, каждой из которых занимается соответствующая научная дисциплина. Предметная область документоведения связывается автором со стадией собственно оперативного бытования в жизненном цикле документа [Козлов 2017, с. 110]. Сегодня В.П. Козлов предлагает облечь, объединенную жизненным циклом, «общую теорию документа», в «историческую документологию» – науку о документе как одном из инструментов регулирования человеческой жизнедеятельности и носителя документальной исторической памяти об этой жизнедеятельности. Ее создание предполагается на основе документоведческого, архивоведческого, документально-эдиционного (археографического) и источниковедческого знания [Козлов 2022].

В меньшей степени, чем с архивоведением, документоведение соприкасалось с источниковедением. Тем не менее именно источниковедением были сформулированы весьма важные положения, которые раскрывают социальную сущность документа.

Источниковедение традиционно занимается классифицированием исторических источников, в том числе документальных. Задача классифицирования документов в источниковедении еще

---

⁴ Там же. С. 207.

раньше, чем в архивоведении и документоведении породила понятие «вид документа». При этом вид документа рассматривается как проявление его социальной функции. Илизаров Б.С. считает «важным достижением советского источниковедения осознание того факта, что виды документальных исторических источников соотносятся с формами социальной жизнедеятельности общества и отражают их» [Илизаров 1984, с. 37]. В основе создания документа лежит его целевое назначение. Однако значительное разнообразие целей ведет к значительному разнообразию видов источников, поэтому и возникла необходимость в формировании классификации видов исторических документальных источников на основе целей их создания, обусловленных типовыми социальными отношениями. Связь социально-экономических и социально-политических процессов с появлением и функционированием отдельных видов документов была уверенно обозначена отечественным источниковедением.

С нашей точки зрения, это очень важное положение, которое может быть положено в основу разработки концепции вида документа в документоведении. Неслучайно В.П. Козлов считает, что именно единая классификация функций документов может стать ядром междисциплинарного сближения комплекса дисциплин, изучающих документ на разных этапах жизни: документоведения, архивоведения, археографии, источниковедения [Козлов 2013, с. 24].

О значительном импульсе междисциплинарного воздействия источниковедения для наук исторического цикла говорила и О.М. Медушевская, поскольку именно источниковедение разрабатывает познавательные модели и выявляет типологию исторических источников, как продуктов интеллектуальной деятельности. Цели создания документа, условия его возникновения и функционирования формируют видовые свойства, а также сходства и различия документов как части системного целого, как общечеловеческой универсалии фундаментального характера ⁵.

И в источниковедческих, и в архивоведческих, и в документоведческих исследованиях мы постоянно обнаруживаем новые возможности для формирования междисциплинарных теоретических и эпистемологических представлений о документе как реальном объекте, познаваемом с помощью методов этих научных дисциплин. Однако сформированное в документоведении достаточно широкое

---

⁵ Медушевская О.М. Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1999 г. М.: РГГУ, 1999. С. 15–23.

понимание документа как информации, зафиксированной на носителе, привлекло внимание к изучению его теоретических вопросов специалистов в области научно-технической информации, в результате чего в его предметную область стремились включить и книгу.

Первая попытка со стороны специалистов в области научно-технической информации включить в предметную область документоведения книгу была предпринята еще в 1960-е гг.⁶ Именно тогда впервые отечественные ученые однозначно отмежевались от такого подхода⁷. Однако в начале XXI в. уже в новых условиях вновь оказался актуальным вопрос о формировании документоведения в качестве интеграционной научной дисциплины, когда к теоретическим вопросам документоведения обратился широкий спектр специалистов различной специализации.

Следует отметить, что мнения наиболее значимых участников этой дискуссии, развернувшейся в начале XXI в., были подвергнуты достаточно глубокому и содержательному анализу А.К. Воскресенским [Воскресенский 2012] и Г.А. Двоеносовой [Двоеносова 2019]. Некоторые положения сторонников «общей теории документа», касающиеся объекта и предмета документоведения были рассмотрены нами ранее [Суровцева 2015].

Междисциплинарный подход в изучении документа оказался весьма привлекательным, вызвал значительный отклик в среде специалистов, занимающихся проблемами изучения документа, он во многом соответствует той методологической парадигме социальных исследований, которая сегодня является наиболее актуальной [Суровцева 2016]. Однако этот подход до сих пор не нашел своего практического воплощения. Вместе с тем идея поднять документоведение до статуса науки, способной обобщить и интегрировать знания других научных дисциплин, объектом которых также является документ, привлекла историков, книговедов, социологов, юристов и лингвистов к обсуждению вопросов, связанных с документом как социокультурным феноменом.

Ситуация, которая сложилась на рубеже XX–XXI вв. вокруг определения объекта и предмета документоведения, была обусловлена попытками интеграции в рамках междисциплинарного подхода со стороны российского библиотечного сообщества, однако вновь осталась незавершенной. Отечественное документоведение

---

⁶ Рудельсон К.И. Современные документальные системы. М.: Наука, 1973. С. 23.

⁷ Митяев К.Г. К методологии классификации и экспертизы документов // Труды МГИАИ. Т. 25. М., 1967. С. 124; Автократов В.Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. Т. 6. Ч. 1. М., 1976. С. 22–25.

на заре своего становления уже испытывало такое интеграционное давление, когда информационный подход только формировался. И в прошлом веке, и сегодня документоведение сохранило свою предметную уникальность, поскольку глубже и многогранней понимало социальную сущность документа, поскольку изначально позиционировалось не столько в контексте теории информации, сколько рассматривалось как комплексная интегрированная прикладная научная дисциплина, которая входит в цикл наук об управлении общественными процессами и находится на стыке теории информации, архивоведения и источниковедения⁸, поскольку, как справедливо отмечал Б.С. Илизаров, с информационной точки зрения провести разграничения между книгой и документом трудно [Илизаров 1984, с. 30].

Следует признать, что формирование современной ситуации вокруг документоведения как науки во многом определяется методологической парадигмой к определению объекта и предмета исследования, сформулированной еще И.Д. Ковальченко: объектом познания является определенная объективная реальность, а предмет составляют аспекты, черты и характеристики, которые охвачены изучением⁹. Соответственно, чем шире будет понимание объекта, тем большее количество характеристик, аспектов, вопросов изучения будет включать в себя предмет познания. В условиях фактически постоянно расширяющегося предмета неизбежным становится появление комплексной, интегральной науки, каковой и является, по мнению ученого, история. Он отмечает, что в рамках социально-гуманитарных наук сформировались конкретные науки, объектом познания которых являются качественно определенные целостные компоненты общественного развития. Это социально-экономические, политические, правовые, общественно-идеологические, художественно-культурные, нравственно-этические, социально-психологические и другие явления общественной жизни, изучающие прежде всего современность, то время, как объектом познания исторической науки является вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества.

Классическую реализацию этого подхода мы наблюдаем в рамках документоведения: максимально широкое понимание документа, как объекта познания привело к многоаспектности его изучения

---

⁸ *Автократов В.Н., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н.* Основные направления развития документоведения // Тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару «Теоретические проблемы документоведения» (март 1975). М.: ВНИИДАД, 1975. С. 35.

⁹ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 439 с.

и появлению идеи о необходимости развития документоведения как комплексной науки, о формировании документологии, общего документоведения и пр.

Общее документоведение с нашей точки зрения может рассматриваться только с пропедевтической точки зрения, только как некий вводный учебный курс, позволяющий получить общее представление о документе в его родовом понятии, а дальше каждая научная дисциплина рассматривает его в своем предметном ракурсе. Характерным признаком построения такого учебного универсума можно считать развернутую систематизацию определений документа, которые мы видели у Г.Н. Швецово-Водки¹⁰. Это напоминает предпринятую А. Кребером и К. Клакхоном в 1952 г. классификацию определений понятия «культура». Однако насколько сложно себе представить сейчас «общую теорию культуры», настолько противоречивой является и «общая теория документа». Документоведение должно развиваться в сторону большей специализации в кооперации с другими дисциплинами.

Для документоведения ситуация дифференциации объекта и предмета в рамках учебной и научной дисциплины на самом деле не является уникальной. Будучи прикладной отраслью научного знания, оно в значительной степени испытывает на себе влияние чрезвычайно многообразной практической деятельности, в которой тесно переплетаются различные способы документирования информации, виды документов и документированной информации.

Несмотря на то что дискуссия относительно «общей теории документа», возникшая в начале XXI в. не завершилась созданием интегрированной научной дисциплины о документе, она оказала определенное влияние на более четкое определение предмета документоведения как научной дисциплины и способствовала осознанию необходимости изучения целого ряда вопросов, связанных со статусом документа в обществе. Очевидно, обратиться к этим вопросам заставит и расширение сферы применения электронного документа, поскольку изменение типа носителя позволит наиболее четко выделить те признаки документа, которые остались неизменными и те, которые начали претерпевать трансформации в цифровой среде.

Более того, использование разными научными дисциплинами одного и того же термина не является достаточным основанием для объединения научных дисциплин, а лишь способствует развитию междисциплинарного подхода в исследованиях. Однако еще раз обратим внимание, несмотря на то, что основой исследований

---

¹⁰ *Швецова-Водка Г.Н.* Общая теория документа и книги: Учеб. пособие. М.: Рыбари; Киев: Знання, 2009. С. 14–41.

документа с методологических позиций должен стать междисциплинарный подход, этот подход тем не менее не является условием расширения предметной области документоведения. Он лишь позволяет изучать документ в системе общественных отношений с позиции различных теорий и подходов. По словам О.М. Медушевской¹¹, междисциплинарность не заключается также в суммировании методов или использовании методов «другой» науки, но предполагает выход на более высокий эпистемологический уровень изучения общего объекта методами разных научных дисциплин. Только в этом случае можно говорить об эффективности междисциплинарного подхода.

Литература

- Воскресенский 2012 – *Воскресенский А.К.* Информация и документ: гносеологические и онтологические аспекты. Ч. 1: Аналитический обзор // *Философия: Реферативный журнал.* 2012. № 4. С. 5–61.
- Двоеносова 2019 – *Двоеносова Г.А.* Теория документа в парадигме междисциплинарного знания. М.: РГГУ, 2019. 450 с.
- Илизаров 1984 – *Илизаров Б.С.* Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1984. 107 с.
- Козлов 2013 – *Козлов В.П.* Жизнь документа // *Делопроизводство.* 2013. № 1. С. 11–17.
- Козлов 2017 – *Козлов В.П.* Документальная память в архивоведческом знании. М.: Архив РАН; Древлехранилище, 2017. С. 103.
- Козлов 2022 – *Козлов В.П.* Архивоведение, археография, источниковедение как научные дисциплины: размышления о прошлом, настоящем, будущем // *Отечественные архивы.* 2022. № 1. С. 24–38.
- Суровцева 2015 – *Суровцева Н.Г.* Объект и предмет документоведения: историография определения (1960–2000-е гг.) // *Отечественные архивы.* 2015. № 5. С. 9–17.
- Суровцева 2016 – *Суровцева Н.Г.* Влияние междисциплинарного подхода на формирование терминсистем документоведения и смежных научных дисциплин // *Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Информационная безопасность и защита информации».* 2016. № 2. С. 62–70.

---

¹¹ *Медушевская О.М.* Теория исторического познания: Избр. произведения. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 44.

References

- Voskresenskii, A.K. (2012), "Information and document. Epistemological and ontological aspects". Part1. Analytical review", *Philosophy*, no. 4, pp. 5–61.
- Dvoenosova, G.A. (2019), *Teoriya dokumenta v paradigme mezhdistitsiplinarnogo znaniya* [Document theory in the paradigm of interdisciplinary knowledge], RGGU, Moscow, Russia.
- Ilizarov, B.S. (1984), *Aktual'nye teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovetskogo arkhivovedeniya: uchebnoe posobie* [Relevant theoretical and methodological issues of Soviet archival science], MGIAI, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.P. (2013), "Document Life", *Deloproizvodstvo*, no. 3, pp. 11–17.
- Kozlov, V.P. (2017), *Dokumental'naya pamyat' v arkhivovedcheskom znanii* [Documentary memory in archival knowledge], Drevlekhranilishche Press, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.P. (2022), "Archival studies, archeography, source studies as scientific disciplines: reflections on the past, present, and future", *Otechestvennye arhivy*, no. 3, pp. 24–38.
- Surovtseva, N.G. (2015), "Object and subject of Records Management: Historiography of Definition (1960–2000s)", *Otechestvennye arhivy*, no. 5, pp. 9–17.
- Surovtseva, N.G. (2016), "The influence of an interdisciplinary approach on the formation of the term system of Records Management and related scientific disciplines", *RGGU/RSUH Bulletin. "Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" Series*, no. 2, pp. 62–70.

Информация об авторе

Наталья Г. Суrowцева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; surovtsseva.n@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-2942-8372

Information about the author

Nataliya G. Surovtseva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; surovtsseva.n@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-2942-8372

Основные проблемы развития теории архивоведения и архивного дела в конце XX – начале XXI в.

Нина И. Хими́на

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nin.khimina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы архивоведения и архивного дела, которые стали наиболее актуальными в конце XX – начале XXI в. В конце 1980-х гг. начался новый этап в развитии архивоведения, которому свойственны не только развитие и укрепление его теоретической связи с источниковедением и историей государственных учреждений, освоение междисциплинарных научных подходов. Этот период связан с именем В.Н. Автократова, применением им впервые антропологического подхода в изучении истории архивного дела, обращением к истокам разработки теории архивоведения через раскрытие жизни и деятельности конкретных людей и специалистов конца XIX – начала XX в. с переосмыслением прежних достигнутых научных результатов. В связи с новыми веяниями в жизни государства, формированием нового исторического сознания общества перед отечественным архивоведением встали новые задачи, требующие научного и методического решения. Архивисты смогли методически обеспечить вхождение отечественного архивного дела в новые условия, было принято законодательство Российской Федерации в области архивного дела, обеспечена сохранность Архивного фонда страны, его обогащение за счет документов КПСС и части документов бывшего КГБ и их органическое включение в систему государственных архивов России. В начале XXI в., после принятия ФЗ № 125 от 22 октября 2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации», была научно обоснована необходимость разработки новой научно-методической базы отечественного архивного дела и проделана огромная работа по созданию новых правил работы государственных и муниципальных архивов, сохранивших оправданные жизнью традиционные принципы работы архивов. Были подготовлены методические пособия и рекомендации по основным направлениям деятельности архивных учреждений. Этот период характерен активно развивающимися новыми технологиями и интенсивной работой с электронными документами на всех стадиях их бытования.

Ключевые слова: архивоведение, теория, практика, законодательство, нормативно-методическое обеспечение деятельности архивных учреждений, государственные и негосударственные учреждения и организации, комплектование документов, уникальные и особо ценные документы, государственный учет документов, использование архивных документов, Архивный фонд Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 10 июня 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Хими́на Н.И. Основные проблемы развития теории архивоведения и архивного дела в конце XX – начале XXI в. // История и архивы. 2022. № 4. С. 106–121. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-106-121

The main issues of the development of the theory of archival studies and archival affairs at the end of the 20th – beginning of the 21st century

Nina I. Khimina

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, nin.khimina@mail.ru*

Abstract. The article deals with the main issues of archival studies and archival affairs, which became most relevant at the end of the 20th – beginning of the 21st century.

At the end of the 1980-s a new stage in the development of archival science began, characterized not only by the development and strengthening of its theoretical connection with the source studies and the history of state institutions, development of interdisciplinary scientific approaches.

This period is associated with the name of V.N. Autocratov and his first application of the anthropological approach to the studying of the history of the archival affairs, as well as his appeal to the origins of the development of the theory for archival studies through disclosure of the life and activities of specific people and specialists of the late 19th – early 20th century, along with a rethinking of the previous scientific results achieved.

Due to the new trends in the life of the state and the formation of a new historical consciousness of the society, the national archival studies faced new tasks that require scientific and methodological solutions. Archivists managed to ensure methodically the adaptation of the national archival business to the new conditions. The legislation of the Russian Federation in the field of archival affairs was adopted and the preservation of the Archival Fund of the country was ensured. The Archival Fund was enriched by the documents of the Communist

Party of the USSR and part of the documents of the former KGB and their organic inclusion in the system of state archives of Russia.

At the beginning of the 21st century, after the adoption of Federal Law no. 125 of October 22, 2004 “On Archival Affairs in the Russian Federation”, the need for the development of a new scientific and methodological base for national archival work was scientifically substantiated. A lot of work was done to create new rules for the work of state and municipal archives that preserved the traditional principles of archives justified by life. Methodological manuals and recommendations on the main activities of archival institutions were prepared. That period is characterized by actively developing new technologies and intensive work with electronic documents at all stages of their existence.

Keywords: archival studies, theory, practice, legislation, regulatory and methodological support for the activities of archival institutions, state and non-state institutions and organizations, document acquisition, unique and especially valuable documents, state accounting of documents, use of archival documents, Archival Fund of the Russian Federation

The article was submitted 10.06.2022;

accepted for publication 10.08.2022

For citation: Khimina, N.I. (2022), “The main issues of the development of the theory of archival studies and archival affairs at the end of the 20th – beginning of the 21st century, *History and Archives*, no. 4, pp. 106–121, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-106-121

За годы советского архивного строительства архивоведение прошло большой и сложный путь теоретических исканий, и к 1980-м гг. стало самостоятельной исторической научной дисциплиной с развитой проблемной структурой, богатым понятийным аппаратом и многообразным арсеналом методов – исследовательских и непосредственно применяющихся в научной практике архивного дела [Автократов 1973; Автократов 1978; Автократов 1986]. К концу 1980-х гг. в целом были решены все основные задачи, связанные с научно-методическим обеспечением работ государственных и ведомственных архивов с архивными документами [Безбородов, Хорхордина 2018, с. 70–72]. Особое место в исследовании актуальных научных проблем составляли фундаментальные работы В.Н. Автократа [Автократов 1973; Автократов 1978; Автократов 1986], посвященные развитию теоретической мысли в области экспертизы ценности документов, фондирования и учета документов, научного описания и эффективности использования документов и др., ставшие основой развития архивоведения,

В.Н. Автократов в своей докторской диссертации «Теоретические проблемы советского архивоведения (1960–1970-е гг.)»,

защищенной в 1982 г., проанализировал объект и предмет архивоведения, рассмотрел его связи с другими областями научного знания с точки зрения их вклада в теорию и методологию архивоведения, теоретическое содержание общенаучных подходов, используемых архивоведением, – источниковедческого, информационного, функционального и вероятностного; основной понятийный аппарат архивоведения. Основные направления архивоведения были квалифицированы как его общая и частные теории, а именно: теория экспертизы ценности документов; теория фондирования; теоретические вопросы описания и поиска документной ретроспективной информации; теоретические вопросы использования документной ретроспективной информации. «Частные архивоведческие теории, решая вопросы научного обеспечения реализации практических функций архивного дела, имеют одну конечную цель – обеспечение общества, его институтов и отдельных представителей необходимой ретроспективной информацией» [Автократов 1982, с. 41].

В конце 1980-х гг. начался новый этап в развитии архивоведения, которому свойственны не только укрепление его теоретической связи с источниковедением и историей государственных учреждений, освоение междисциплинарных научных подходов, но и переосмысление прежних научных результатов, изменение тематики научных исследований, а также обращение к истокам разработки теоретических основ архивоведения через раскрытие жизни и деятельности конкретных специалистов ведомственных архивов России конца XIX – начала XX в. В связи с новыми веяниями в жизни государства, формированием нового исторического сознания общества отечественное архивоведение вошло в новый этап своего развития, в связи с чем изучение роли архивного дела и эволюции архивоведческой мысли в этом процессе приобрели особую актуальность.

Известный архивист, директор одного из крупнейших государственных архивов В.В. Цаплин, говоря о необходимости обновления архивоведения в новых исторических условиях, упрекнул отечественное архивоведение в «его основной особенности – хронической неспособности идти впереди практики, прокладывая пути в будущее», которая была заложена, по его мнению, уже в первые годы Советской власти: «обновленная теория архивоведения должна отразить и специфику архивного дела и его взаимосвязь с управленческими, историческими, культуроведческими науками и научными дисциплинами...», в качестве одной из первоочередных задач архивоведения названа разработка архивного права, которое бы вобрало в себя все лучшее из мировой и отечественной истории [Цаплин 1992, с. 31–33].

В это же время еще один известный ученый А.В. Елпатьевский, отчасти подтверждая мысли В.В. Цаплина, после проведения сравнительного анализа показателей долгосрочного перспективного плана развития архивного дела на 1976–1990 гг. с фактическими результатами отметил, что именно в области научной и научно-информационной деятельности «научное предвидение» архивистов оказалось наиболее беспомощным и наиболее далеким от жизни – планируемая тематика НИР не могла предусмотреть проблемы рассекречивания документов, обращения общества к истории белогвардейского движения, эмиграции, массовых репрессий, раскулачивания, военнопленных и т. д.; повышение значимости архивов в общественном сознании обусловлено перестроечными процессами и никак не связано с архивной наукой, которая, как и другие общественные науки, ничего подобного не могла предвидеть. Те прогрессивные изменения в работе архивов, начавшиеся в конце 1980-х гг. в отношении доступа к документам, их публикации, – также не являются результатом архивоведческой и археографической науки [Елпатьевский 1992, с. 34–42].

Приступая в конце 1980-х гг. по заданию Главархива СССР к подготовке «Истории архивного дела в СССР: Краткие очерки»¹, авторский коллектив ВНИИДАД поставил перед собой задачу написать объективную конкретно-историческую работу, основанную на большом круге неизвестных ранее источников, стремясь при этом осветить все этапы, важнейшие события и явления в истории архивного дела советского периода с 1918 по 1980 г. При этом главное внимание уделялось вопросам создания и совершенствования состава и структуры ГАФ, развития архивоведческой мысли, взаимоотношений архивов с музеями и библиотеками, подготовке кадров новых архивистов. Авторы стремились к объективному изложению истории архивного дела, проявили глубокое уважение к своим предшественникам-архивистам, работавшим подчас в тяжелой материальной и политической обстановке, неоднократно подвергавшиеся гонениям и репрессиям.

Исследователи впервые стали анализировать значительный пласт малоизученных документальных источников по истории разработки законодательных документов в области архивного дела начала XX в., направления деятельности созданного академиком А.С. Лаппо-Данилевским Союза российских архивных деятелей, общественной организации, которая, по его мнению, могла бы

---

¹ История архивного дела в СССР: Краткие очерки / Сост. В.Н. Автократов (науч. рук.), Д.А. Беляев, И.А. Курникова, А.Г. Сергеева, Н.И. Хими́на, А.П. Пшеничный. М., 1991. Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу. 05.02.92. № 92–92.

в дальнейшем стать государственным органом по управлению архивами. Главное, при написании «Очерков...» был определен новый подход к определению круга лиц, готовивших реформы в области архивного дела в России в пред- и послереволюционный периоды, возвращению имен историков, архивистов и др. специалистов, способствовавших развитию архивоведческой мысли, разработке архивной терминологии, создание отделений ЕГАФ. Впервые были рассмотрены документы РГИА, освещающие деятельность терминологической комиссии в Петрограде, сотрудников отделений секций ЕГАФ, в том числе деятельность И.В. Пузино, А.И. Макарова и др.² по разработке таких важнейших терминов, как «архивный фонд», «единый государственный архивный фонд» и др. Архивные документы позволили проследить изменение отношения советской власти к работающим в архивах высококвалифицированных сотрудников, их увольнению, как подчеркивал В.Н. Автократов [Автократов 1990], так называемых «бывших», которые в труднейших условиях заложили основы ЕГАФ.

Всесторонне изученные документы фонда архива – ЦГИА СССР (РГИА. Ф. 6900) смогли раскрыть реализацию идеи централизации архивного дела, создание первого органа управления архивным делом в России, секций и отделений ЕГАФ и колоссальную работу по собиранию архивных документов упраздненных революцией государственных органов и учреждений, возникновение и деятельность терминологических комиссий в Москве и Петрограде и т. д. Особое внимание было уделено также изучению документов личных фондов историков, архивистов, сотрудников Петроградского отделения ГУАД – С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, А.Н. Макарова, Г.А. Князева, А.С. Николаева, Г.С. Габаева и многих других хранящихся в Архиве РАН, Национальной публичной библиотеке М.Е. Салтыкова-Щедрина, ГБЛ, ГАРФ, РГАДА и других хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Эти документы раскрыли неизвестные факты, конкретные события, взаимоотношения между определенными сотрудниками ГУАД в Москве и Петрограде при обсуждении важнейших проблем, стоявших перед ними. Обращение к этим архивным документам позволило в ином свете показать вклад конкретных специалистов в решение важнейших проблем, вернуть незаслуженно забытые имена, открыть новые, ранее неизвестные имена историков, специалистов, разрабатывавших теорию архивоведения. В процессе кропотливой работы авторы «Очерков...» проанализировали и ввели в научный оборот новый

---

² РГИА. Ф. 6900. Оп. 3. Д. 32; Д. 190. Л. 14; *Химина Н.И.* Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX вв. // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 9–16.

пласт документальных источников, которые в дальнейшем стали использоваться исследователями. «Очерки...» стали серьезным научно-исследовательским трудом и важнейшим этапом в изучении истории архивного дела в самые важные годы разработки и реализации архивных реформ в начале XX в.

После защиты докторской диссертации, ставшей важнейшим этапом развития теории архивоведения, В.Н. Автократов обратился к раскрытию «белых пятен» в истории архивного дела и архивоведения. В.Н. Автократов первым внедрил антропологический подход в изучении истории архивного дела, стал рассматривать вклад конкретных ученых, историков, специалистов в развитие теории архивоведения и создание ЕГАФ. Он обратился к истории открытия понятия «фондообразователь» и того содержания, которое вкладывал в него военный историк Г.С. Габаев, приглашенный в Петроградское отделение ГУАД. Статья основана на обширном архивном материале, изучении документов личного фонда военного историка, находящегося на хранении в Национальной библиотеке РФ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В статье рассмотрена жизнь и деятельность Г.С. Габаева, ставшего автором фундаментального понятия «фондообразователь», который получил в дальнейшем всеобщее нормативное значение. Этот термин глубоко внедрился в «научное мышление архивистов, перешел к историкам, став необходимым элементом их источниковедческой культуры» [Автократов 1990, с. 72]. Благодаря этой серьезной научной работе впервые была изучена жизнь и направления научных интересов Г.С. Габаева, раскрыт его вклад в теорию архивоведения, и в создание 1-го Петроградского отделения III секции ЕГАФ, просуществовавшего под разными названиями до 1955 г. и присоединенного позднее к ЦГВИА (РГВИА).

Кардинальные политические и экономические преобразования, новые явления общественной жизни в начале 1990-х гг., непосредственно затрагивающие работу архивов, вызвали потребность в их осмыслении, оценке, поиске наиболее оптимальных решений возникающих проблем, а также более глубокого осознания сущности и задач своей науки – архивоведения. Именно в этот период последней серьезной аналитической работой В.Н. Автократова стала его незаконченная статья, посвященная истории централизации архивного дела в России в 1917–1918 гг. [Автократов 1993, с. 3–27], основанная на огромном массиве использованных архивных документов, раскрывающих общую политическую ситуацию в государстве и попытки проведения видными историками и архивистами реформ в области архивного дела.

Несколько позже авторы обзора личного фонда В.Н. Автократова попытались коротко раскрыть существо последней по времени

написания рукописи ученого, которую они называют его «научным завещанием», где он попытался «в общих контурах очертить содержание теоретических задач архивоведения». По их мнению, важнейшей из проблем В.Н. Автократов назвал необходимость отказаться от влияния «прагматической презумпции», смысл которой состоял в том, чтобы ограничить деятельность теоретиков обеспечением архивных учреждений «нормативными и методическими разработками...». Ученый считал, что в новых условиях главной задачей архивоведов должно стать способствование подъему историко-архивной культуры работников отрасли, повышение их профессионального научного мышления. Проблемой научного анализа номер один он называл архивы и общество – «вечную проблему архивоведения», которую следует рассматривать комплексно «с применением социологического, психологического подходов, исторического анализа» и в «культурологическом аспекте». Подчеркивая «порочность толкования госархивов как политических институтов», В.Н. Автократов наметил пути их осмысления в широком контексте понятий «философского и историко-методологического звучания» [Зелов, Хорхордина 1995, с. 14].

Российские ученые в 1990-е гг. достаточно активно пытались анализировать историю архивного дела, опыт прошлого как в отношении общих вопросов, так и в части развития и оценки сделанного в отдельных направлениях научного и методического обеспечения архивного дела. Глубокий анализ истории централизации архивного дела, проведенный в вышеназванной работе В.Н. Автократова явился основой для дальнейших исследований, посвященных истории, методологии и терминологии архивоведения. В это время над новыми проблемами задумывался доктор исторических наук, профессор К.Б. Гельман-Виноградов [Гельман-Виноградов 1991, с. 63]: «Перспективным направлением развития архивоведения являются углубленные исследования проблем всеобщности и целостности мировой архивной источниковой базы истории, проблем использования этой базы в качестве информационного (явного и виртуального) ресурса познания исторических мегаявлений, всестороннего проникновения в ретроспективу ноосферы».

Следует назвать вышедшие в этот период интересные статьи исследователей [Старостин и Хорхордина 1991; Корнеев и Копылова 1993; Цаплин 1993; Химица 1998; Хорхордина 1994; Сорина 1996]. В них рассмотрены значение декрета 1 июня 1918 г., роль архивов на службе тоталитарного государства, конференция архивистов 1943 г., вопросы развития архивного дела в первые послеволюционные годы, история архивного дела в российской глубинке и т. д.

Среди важнейших работ этого периода необходимо назвать общетеоретические труды В.П. Козлова [Козлов 1994; Козлов 1995],

А.Н. Артизова [Артизов 1996] об архивном законодательстве, В.Д. Банасюкевича, А.В. Елпатьевского, М.В. Ларина [Банасюкевич, Елпатьевский, Ларин 1999], Т.И. Хорхординой [Хорхордина 1996] о теоретических основах советского и российского законодательства и др.

Несмотря на большие сложности и проблемы, в 1990-е гг. архивисты смогли методически обеспечить вхождение отечественного архивного дела в новые условия, были приняты «Основы законодательства Российской Федерации. Об архивном фонде Российской Федерации и архивах» 7 июля 1993 г., обеспечена сохранность Архивного фонда страны, его обогащение за счет документов КПСС и части документов бывшего КГБ и их интеграция в систему государственных архивов России; началась разработка новой научно-методической базы отечественного архивного дела, в том числе с электронными документами на всех стадиях их бытования. Теоретические и практические проблемы комплектования архивов в новых условиях и вопросы экспертизы ценности документов, в том числе электронных, вопросы совершенствования документационного обеспечения управления нашли отражение в статьях В.А. Еремченко [Еремченко 1996], М.П. Жуковой [Жукова 1994], М.В. Ларина [Ларин 2001] и других.

Отдельная статья посвящена проблемным вопросам научно-справочного аппарата архивов и интеграции документов бывших партийных архивов в систему государственных архивов [Белянина, Ларина, Хими́на 1994].

Параллельно с совершенствованием порядка учета документов в государственных архивах велась теоретическая разработка вопросов создания государственного реестра уникальных документов и критериев их выявления. Вместе с этим возникла необходимость уточнения критериев определения особо ценных документов, хранящихся в государственных и муниципальных архивах [Елпатьевский, Хими́на 2004]. В результате проведенной работы были подготовлены «Методические рекомендации о работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации» (ВНИИДАД. М., 2005).

Осмысление фундаментальных проблем зарубежной архивной россики, значения историко-документального наследия российской эмиграции нашли отражение в работах Е.В. Старостина [Старостин 1994], В.П. Козлова [Козлов 1993], А.В. Попова [Попов 1998], И.В. Сабенниковой [Сабенникова 2000] и других авторов. Очень важные проблемы похищенных из архивов СССР документов рассмотрены в глубокой аналитической статье В.В. Цаплина [Цаплин 1997].

Важнейшие научные результаты деятельности работы по обеспечению сохранности документов в современных условиях нашли отражение в трудах В.Ф. Привалова [Привалов 2010], Ю.Ю. Юмашевой [Юмашева 2012; Юмашева 2013] об основных проблемах оцифрования документов и управлении полученным информационным массивом.

В результате проведенной в 1990-е гг. работы были подготовлены новые «Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации» 2002 г., сохранившие оправданные жизнью традиционные принципы деятельности архивов с учетом новых общественно-политических и экономических условий. В эти годы стремительное развитие получили автоматизированные информационные технологии, было подготовлено новое поколение качественных путеводителей и справочников, в том числе в электронном виде, объективно и полно отражающих состав и содержание архивных фондов архивов, началась разработка проблем, связанных с электронными документами, организацией их хранения как на стадии делопроизводства, так и в архивах организаций, государственных и муниципальных архивов.

Вместе с тем в конце 1990 – начале 2000-х гг. стало необходимым продолжить разработку ряда проблем отечественного архивного дела, требующих нового научного и методического решения. Это развитие современного законодательства и терминологии; проблема информатизации архивного дела, заключающаяся как в вопросах внедрения компьютерной техники в управление отдельными видами архивных работ, так и в совершенствовании научно-справочного аппарата; проблемы зарубежной архивной россики и др. Принятые в 1990-е гг. основные нормативно-методические документы по экспертизе ценности документов в связи с изменением форм собственности не отвечали современному состоянию архивного дела и после принятия Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» началась разработка новых подходов к вопросам комплектования документами государственных архивов, в том числе с источниками комплектования государственной и негосударственной части АФ РФ [Жукова 2005; Артизов 2005]. В дальнейшем были разработаны перечни и методические рекомендации, которые создали необходимую и достаточную базу для практического осуществления деятельности по данному направлению, в том числе, комплектование архивов электронными документами. После подготовки и выхода в свет «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях

Российской академии наук» (М., 2007) стала продолжаться работа по изменению подходов к фондированию документов современного периода [Елпатьевский, Хими́на 2005] и были подготовлены «Методические рекомендации по фондированию документов в государственных архивах Российской Федерации (ВНИИДАД, 2005). В эти годы активно продолжалась разработка проблемы электронных документов и приема их на государственное хранение [Ларин 2008]. В последующие годы после выхода «Правил...» 2007 г. продолжилась работа по совершенствованию основных методических вопросов обеспечения деятельности государственных и муниципальных архивов.

Литература

- Автократов 1973 – *Автократов В.Н.* Архивоведение в кругу других областей знаний // Советские архивы. 1973. № 2. С. 39–51.
- Автократов 1978 – *Автократов В.Н.* Фондирование и учет документов (о двух частных теориях архивоведения) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. Ч. 1. С. 8–71.
- Автократов 1986 – *Автократов В.Н.* Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 42–61.
- Автократов 1990 – *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева // Советские архивы. 1990. № 2. С. 61–78.
- Автократов 1982 – Автократов В.Н.* Теоретические проблемы советского архивоведения (1960–1970-е гг): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 46 с.
- Автократов 1993 – *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России: 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 9–35; № 4. С. 3–27.
- Артизов 1996 – *Артизов А.Н.* Архивное законодательство России: система, проблемы и перспективы (к постановке вопроса) // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 3–8.
- Артизов 2005 – *Артизов А.Н.* О реализации Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 28–32.
- Банасюкевич, Елпатьевский, Ларин 1999 – *Банасюкевич В.Д., Елпатьевский А.В., Ларин М.В.* Российское и советское архивоведение: попытка сравнительного анализа // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции, 25–26 февраля 1999 г. / ВНИИДАД. М., 1999. С. 8–19.
- Безбородов, Хорхордина 2018 – *Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И.* Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании историческо-

- го сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 57. С. 59–78.
- Белянина, Ларина, Хими́на 1994 – *Белянина Л.И., Ларина В.Г., Хими́на Н.И.* Научно-справочный аппарат в бывших партийных архивах состояние и перспективы развития // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 3–10.
- Гельман-Виноградов 1991 – *Гельман-Виноградов К.Б.* Перспективные направления развития архивоведения // Вестник архивиста. 1991. № 5. С. 60–65.
- Елпатьевский 1992 – *Елпатьевский А.В.* Через 17 лет... (размышления архивиста о перспективном планировании) // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 34–43.
- Елпатьевский, Хими́на 2004 – *Елпатьевский А.В., Хими́на Н.И.* К вопросу о состоянии работы с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации // Отечественные архивы. 2004. № 3. С. 16–24.
- Елпатьевский, Хими́на 2005 – *Елпатьевский А.В., Хими́на Н.И.* Фондирование документов современных организаций в государственных архивах России // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 35–43.
- Еремченко 1996 – *Еремченко В.А.* Основные проблемы формирования Архивного фонда Российской Федерации в современных условиях // Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 10–20.
- Жукова 1994 – *Жукова М.П.* Экспертиза ценности документов современных учреждений, предприятий, организаций // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 10–13.
- Жукова 2005 – *Жукова М.П.* Теоретико-методические аспекты отбора документов на постоянное хранение в свете нового законодательства // Вестник архивиста. 2005. № 5–6 (89–90). С. 7–19.
- Зелов, Хорхордина 1995 – *Зелов Н.С., Хорхордина Т.И.* Классик отечественного архивоведения (обзор личного фонда В.Н. Автократова) // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 10–19.
- Козлов 1994 – *Козлов В.П.* Архивная реформа: вопросы научного и методического обеспечения // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 7–13.
- Козлов 1993 – *Козлов В.П.* Выявление и возвращение зарубежной архивной россики: опыт и перспективы // Вестник архивиста. 1993. № 6. С. 11–24.
- Козлов 1995 – *Козлов В.П.* О некоторых современных теоретико-методических проблемах архивоведения и источниковедения // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 5–9.
- Корнеев, Копылова 1993 – *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920–1930-е гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 29–42.
- Ларин 2001 – *Ларин М.В.* К вопросу о разработке концепции федерального закона о документационном обеспечении управления // Делопроизводство. 2001. № 2. С. 3–8.
- Ларин 2008 – *Ларин М.В.* Электронные документы: нормативно-методическое обеспечение // Вестник архивиста. 2008. № 4 (104). С. 106–124.
- Попов 1998 – *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы: Документы российской эмиграции в архивах Москвы – проблемы выявления, комплектования, описания использования. М., 1998. 386 с.

- Привалов 2010 – *Привалов В.Ф.* Обеспечение сохранности архивных документов: избр. труды / ВНИИДАД. М., 2010. 364 с.
- Сабенникова 2000 – *Сабенникова И.В.* Культурное наследие российской эмиграции // Вестник архивиста. 2000. № 1. С. 228–232.
- Сорина 1996 – *Сорина Л.М.* О комплектовании архивов Тверской области документами негосударственных структур // Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 97–102.
- Старостин 1994 – *Старостин Е.В.* История России в зарубежных архивах: Учебное пособие. М., 1994. 77 с.
- Старостин, Хорхордина 1991 – *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Декрет об архивном деле 1918 г. // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 41–53.
- Хими́на 1998 – *Хими́на Н.И.* Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX вв. // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 9–16.
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М., 1994. 360 с.
- Хорхордина 1996 – *Хорхордина Т.И.* От архивоведения к архивософии? (К постановке проблемы) // Труды Историко-архивного института. Т. 33. М.: РГУ, 1996. С. 177–192.
- Цаплин 1992 – *Цаплин В.В.* За обновление архивоведения в условиях суверенитета республик // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 34–43.
- Цаплин 1993 – *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 42–55.
- Цаплин 1997 – *Цаплин В.В.* О розыске документов, похищенных в годы войны из хранилищ СССР // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 6–25; № 6. С. 12–28.
- Юмашева 2012 – *Юмашева Ю.Ю.* Электронные копии документов Архивного фонда РФ: источниковедческие проблемы // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2012. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 151–177.
- Юмашева 2013 – *Юмашева Ю.Ю.* Нормативно-методическое регулирование процессов оцифровки – обязательная составляющая цифровизации культурного наследия // Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. № 7. С. 4.

References

- Avtokratov, V.N. (1973), “Archival studies in the circle of other fields of knowledge”, *Sovetskie arhivy*, no. 4, pp. 39–51.
- Avtokratov, V.N. (1978), “Funding and recording of documents (on two particular theories of archival studies)”, *Trudy VNIIDAD* [Works of the All-Union Research Institute of Documentation and Archival Studies], vol. 8, part 1, pp. 8–71.
- Avtokratov, V.N. (1986), “The concept of ‘archival fund’ in Soviet archival studies of the 1920s” in *Arheograficheskii ezhegodnik 1984* [Archaeographic Yearbook for 1984], Moscow, Russia, pp. 42–61.

- Avtokratov, V.N. (1990), "The life and work of G.S. Gabaev, military historian and archivist", *Sovetskie arkhivy*, no. 2, pp. 61–78.
- Avtokratov, V.N. (1982), "*Theoretical issues of Soviet archival studies (1960–1970s)*", Abstract of D. Sc. Dissertation (History), Moscow, Russia.
- Avtokratov, V.N. (1993), "From the history of centralization. Archival affairs in Russia: 1917–1919", *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 9–35; no. 4, pp. 3–27.
- Artizov, A.N. (1996), "Archival legislation of Russia. System, issues and prospects (on raising the question)", *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 3–8.
- Artizov, A.N. (2005), "On the implementation of the Federal Law 'On Archival Affairs in the Russian Federation', *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 28–32.
- Banasyukevich, V.D., Elpat'evskij, A.V. and Larin, M.V. (1999), "Russian and Soviet Archival Studies. An attempt at comparative analysis" in *Arhivovedenie i istochnikovedenie otechestvennoj istorii. Problemy vzaimodejstviya na sovremennom etape* [Archival studies and source studies of national history. Issues of interaction at the present stage], Moscow, Russia, pp. 8–19.
- Bezborodov, A.B. and Khorkhordina, T.I. (2018), "Archives and Power. The State Archival Service in the Formation of Historical Consciousness and Russian Socio-Cultural Identity", *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 57, pp. 59–78.
- Belyanina, L.I., Larina, V.G. and Khimina, N.I. (1994), "Scientific reference apparatus in the former party archives. State and prospects of development", *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 3–10.
- Gelman-Vinogradov, K.B. (1991), "Promising directions for the development of archival studies", *Vestnik arhivista*, no. 5, pp. 60–65.
- Elpatevskii, A.V. (1992), "After 17 years... (archivist's reflections on long-term planning)", *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 34–43.
- Elpatevskii, A.V. and Khimina, N.I. (2004), "On the state of work with especially valuable documents in state archives of the Russian Federation", *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 16–24.
- Elpatevskii, A.V. and Khimina, N.I. (2005), "Funding of documents of modern organizations in the state archives of Russia", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 35–43.
- Eremchenko, V.A. (1996), "The main issues of the formation of the Archival Fund of the Russian Federation in modern conditions", *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 10–20.
- Zhukova, M.P. (1994), "Examination of the value of documents of modern institutions, enterprises, organizations", *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 10–13.
- Zhukova, M.P. (2005), "Theoretical and methodological aspects of the documents selection for permanent storage in the light of new legislation", *Vestnik arhivista*, no. 5, pp. 7–19; no. 6, pp. 89–90.
- Zelov, N.S., Khorhordina, T.I. (1995), "Classic of Russian archival studies (review of V.N. Avtokratov's personal fund)", *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 10–19.
- Khimina, N.I. (1998), "Russian archival construction. The idea of centralization at the turn of the 19th – 20th centuries", *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 9–16.

- Khorkhordina, T.I. (1994), *Istoriya Otechestva i arkhivy (1917–1980-e gg.* [History of the Fatherland and archives. 1917–1980], RGGU, Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (1996), “From archival science to archivology? (To the formulation of the problem)”, *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Institute for History and Archives], vol. 33, RSUH, Moscow, Russia, pp. 177–192.
- Kozlov, V.P. (1994), “Archival reform. Issues of scientific and methodological support”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 7–13.
- Kozlov, V.P. (1993), “Identification and return of foreign archival Rossika. Experience and prospects”, *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], no. 6, pp. 11–24.
- Kozlov, V.P. (1995), “On some modern theoretical and methodological issues of archiving and source studies”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 5–9.
- Korneev, V.E. and Kopylova, O.N. (1993), “An archivist in a totalitarian society. The struggle for the ‘purity’ of archival stuff (1920–1930s)”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 29–42.
- Larin, M.V. (2001), “On the issue of developing the concept of the Federal law on documentary support of management”, *Deloproizvodstvo*, no. 2, pp. 3–8.
- Larin, M.V. (2008), “Providing of Normatives and methodology for Digital documents”, *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], no. 4, pp. 106–124.
- Popov, A.V. (1998), *Russkoe zarubezh'e i arkhivy. Dokumenty rossiiskoi emigratsii v arkhivakh Moskvy: problemy vyyavleniya, komplektovaniya, opisaniya, ispol'zovaniya* [The Russian abroad and archives. Documents of the Russian emigration in the Moscow archives. Issues of identification, compilation, description, use], Moscow, Russia.
- Privalov, V.F. (2010), *Obespechenie sohrannosti arkhivnykh dokumentov: izbrannye trudy* [Preservation of archival documents. Selected works], VNIIDAD, Moscow, Russia.
- Sabennikova, I.V. (2000), “Cultural heritage of Russian emigration”, *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], no. 1, pp. 228–232.
- Sorina, L.M. (1996), “On completing the archives of the Tver region with documents of non-state structures”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 97–102.
- Starostin, E.V. (1994), *Istoriya Rossii v zarubezhnykh arhivakh: Uchebnoe posobie* [The History of Russia in foreign archives. A textbook], Moscow, Russia.
- Starostin, E.V. and Khorkhordina, T.I. (1991), “Decree on archival business 1918”, *Voprosy istorii*, no. 7–8, pp. 41–52.
- Tsaplin, V.V. (1992), “For the renewal of archival studies in the conditions of the sovereignty of the republics”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 34–43.
- Tsaplin, V.V. (1993), “Conference of the historians and archivists of the USSR, June 1–3, 1943”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 42–55.
- Tsaplin, V.V. (1997), “On the search of the documents that were stolen from the USSR repositories in the years of war”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 6–25; no. 6, pp. 12–28.
- Yumasheva, Yu.Yu. (2012), “Electronic copies of the archives collections of the Russian Federation. Source studies issues”, *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of the Moscow State University. Ser. 8 History], no. 5, pp. 151–177.

Yumasheva, Yu.Yu. (2013), "Normative and methodological regulation of digitization processes is a mandatory component of digitalization of cultural heritage, in *Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kul'tury* [Directory of the head of the cultural institution], no. 7, p. 4–14.

Информация об авторе

Нина И. Хими́на, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Миусская пл., д. 6; nin.khimina@mail.ru
ORCID ID: 0000 - 0002-8042 -9872

Information about the author

Nina I. Khimina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nin.khimina@mail.ru
ORCID ID: 0000 - 0002-8042 -9872

Оцифровка архивных документов: решенная задача или задача будущего

Ирина А. Дегтярева

*Всероссийский научно-исследовательский
институт документоведения и архивного дела, Москва, Россия,
degtyareva@vniidad.ru*

Аннотация. В работе рассматривается история и нынешнее состояние процесса оцифровки аналоговых документов в Российской Федерации. Проводится сопоставительный анализ актуальных проблем оцифровки аналоговых документов в зарубежных странах и в России. Основой для анализа служат статьи отечественных и зарубежных специалистов, в которых освещается опыт архивов по оцифровке аналоговых документов.

Автор приходит к выводу о необходимости проведения широкомасштабного обсуждения архивистами федеральных государственных архивов и архивов субъектов Российской Федерации современных проблем процесса оцифровки аналоговых документов. Накопленный опыт оцифровки аналоговых документов в России показывает, что наиболее важными для активизации процесса качественной оцифровки аналоговых документов, напрямую связанного с возможностью их последующего использования, являются вопросы, касающиеся создания единой государственной программы оцифровки, среди задач которой можно назвать необходимость подведения итогов проделанной в этом направлении в регионах работы, определения «болевых точек» (в частности, необходимости создания единой нормативно-методической базы), рассмотрения вопросов финансирования, позволяющего обеспечить архивы квалифицированными IT-специалистами, соответствующей задачам техникой, возможностью заключения договоров со сторонними организациями, которые бы несли ответственность за порученную им оцифровку и т. д.

Архивы в массе своей еще не столкнулись с проблемами принятия на государственное хранение изначально цифровых документов. Необходимо использовать существующую ситуацию для решения на общероссийском уровне уже накопленных проблем оцифровки, требующих обсуждения. Ведь до настоящего времени в архивах оцифровано в среднем около 5% нуждающихся в оцифровке документов.

Таким образом, если исходить из указанного региональными архивами количества оцифрованных аналоговых документов, проблемы оцифровки не потеряли своей актуальности.

Ключевые слова: оцифровка аналоговых документов, нормативно-методическая база, архивы субъектов Российской Федерации, анализ архивной периодики по вопросам оцифровки, единая программа сохранения культурного наследия, финансирование

Статья поступила в редакцию 10 мая 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Дегтярева И.А. Оцифровка архивных документов: решенная задача или задача будущего // История и архивы. 2022. № 4. С. 122–135. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-122-135

Digitization of archival records. A solved task or a task of the future

Irina A. Degtyareva

*Institute of Records Management and Archives Administration,
Moscow, Russia, degtyareva@vniidat.ru*

Abstract. The paper considers the history and current state of the process of digitization of analog documents in the Russian Federation. A comparative analysis of the current issues of digitization of analog documents in foreign countries and in Russia is carried out. The basis for the research is composed by the articles of Russian and foreign experts, which highlight the experience of archives in digitizing analog documents.

The author comes to the conclusion that it is necessary to conduct a large-scale discussion by the archivists of federal state archives and the archives of the subjects of the Russian Federation of the current issues connected with the process of digitization of analog documents. The accumulated experience of digitizing analog documents in Russia shows that the most important issues for activating the process of high-quality digitization of analog documents, directly related to the possibility of their subsequent use, are the issues related to the creation of a unified state digitization program, among the tasks of which there can be: the need to summarize the work done in that direction in the regions; the identification of the “pain points” (in particular, the need to create a unified regulatory and methodological framework); the consideration of financing issues that will allow the archives to be provided with qualified IT specialists and the necessary equipment; the possibility of concluding contracts with the third-party organizations that might be responsible for the digitization entrusted to them; etc.

Archives for the most part have not yet faced the issues of accepting initially digital documents for state storage. It is necessary to use the existing

situation to resolve the accumulated difficulties with digitization that require the discussion at the all-Russia level. After all, until now, an average of about 5% of documents in need of digitization have only been digitized in the archives.

Thus, if one proceeds from the number of digitized analog documents indicated by the regional archives, the challenges of digitization have not lost their relevance.

Keywords: digitization of analog documents, regulatory and methodological framework, archives of the subjects of the Russian Federation, analysis of archival periodicals on digitization, unified program for the preservation of cultural heritage, financing

The article was submitted 10.05.2022;

accepted for publication 10.08.2022

For citation: Degtyareva, I.A. (2022), "Digitization of archival records. A solved task or a task of the future"? *History and Archives*, no. 4, pp. 122–135, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-122-135

Введение. Об оцифровке аналоговых документов в зарубежных архивах

Знакомство с зарубежным документоведческим и архивоведческим опытом позволяет выявить проблемы и их решения, актуальные для документоведов и архивистов зарубежных стран. Так, одной из наиболее актуальных тем для зарубежных архивистов остается оцифровка аналоговых документов. Обсуждение этой темы зарубежными коллегами на сайтах, страницах журналов и в выступлениях позволила выделить наиболее острые вопросы:

- содержат ли действующие нормативные и методические документы ответы на основные вопросы, связанные с созданием и реализацией программ оцифровки объектов культурного наследия;
- что входит в понятие «объект культурного наследия»? «Выгодно» ли для процесса оцифровки архивных документов включение их в «объекты культурного наследия» наряду с книгами, архитектурными памятниками и др.;
- позволяет ли формирование единой программы сохранения европейского культурного наследия и, как результат – единой общеевропейской политики оцифровки архивных документов, учитывать национальные особенности каждой страны, входящей в программу;
- взгляд на оцифровку через накопленный опыт = взгляд без «розовых очков»: существует ли необходимость в дифференцированном подходе к методам оцифровки в зависимости от

особенностей документа: физическое состояние документа, носитель информации, время создания (например, современные документы или средневековые рукописи)¹;

- оправданно ли использование в процессе оцифровки сторонних организаций;
- как обеспечить стабильное финансирование, влияющее на масштабы оцифровки, уровень используемой техники и квалификацию специалистов.

Знакомство с зарубежным опытом вызвало вопрос: как обстоит дело с оцифровкой в России в настоящее время?

Предыстория знакомства с оцифровкой

Десять лет назад автор статьи присутствовала на конференции в Нижнем Новгороде, на которой, в частности, обсуждалась тогда очень актуальная тема – оцифровка аналоговых документов. Выступали представители разных регионов и делились своим опытом.

Трудности, обсуждаемые тогда, были очень созвучны тому, о чем говорят и пишут зарубежные специалисты: отсутствие кадров, необходимой техники, а сейчас можно добавить – и опыта: все только начиналось.

Современное состояние процесса оцифровки

Поставив целью познакомиться с современным состоянием оцифровки аналоговых архивных документов в РФ, автор статьи решил обратиться к опыту архивов, поскольку кто лучше них знает реальную ситуацию. Было интересно узнать, какой опыт накопили архивы, занимаясь оцифровкой, и насколько этот опыт похож на опыт зарубежных стран.

Для достижения этой цели были просмотрены номера научных журналов, отражающих работу специалистов в сфере документоведения и архивоведения, хорошо известных, легкодоступных и востребованных архивистами: «Отечественные архивы», «Вестник архивиста» за 2012–2021 гг. и «Вестник ВНИИДАД» с 2018 г. (год создания) по 2021 гг.² Чтобы узнать, какими документами

---

¹ Prescott A., Hughes L. Why do we digitize? The case for slow digitization // Archive Journal. 2018. September. URL: <https://www.archivejournal.net/essays/why-do-we-digitize-the-case-for-slow-digitization/> (дата обращения 22.12.2021).

² Выбор источников для сбора информации был сделан неслучайно. Основными критериями были именно общеизвестность и доступность,

Росархива руководствуются архивы регионов – приказы Росархива за 2001–20021 гг., и методические документы, вывешенные на официальном сайте.

Выводы: оцифровка аналоговых архивных документов сопровождается методическими документами Росархива и нормативно-методическими документами, разработанными в регионах³. В статьях региональных архивистов по оцифровке эти методические документы, если и называются, то никак не оцениваются. И возникает предположение: или архивисты об этих документах не знают, или эти документы не используются в их работе. Статьи, где оцифровка не просто упоминается, но анализируется опыт ее проведения, автор нашла только в номерах «Отечественных архивов» и, в основном, это изложение опыта конкретного архив без анализа ситуации в целом. Последнее возможно вызвано отсутствием информации о том, как этот процесс происходит в других архивах и какие могут быть выработаны пути его совершенствования⁴.

«Отечественные архивы» – преемник журнала «Архивное дело», существовавшего с 1923 г. – основной, базовый журнал в архивной сфере. Годы для просмотра, с 2011 г. по 2021 г. включительно, были выбраны неслучайно. Начальная дата связана с тем, что в план НИР

которая позволяет каждому архивисту познакомиться с их содержанием и опубликовать в них опыт своего архива. Опыт показывает, что далеко не каждый архивист, занимаясь темой, будет просматривать материалы зональных совещаний и выступления на конференциях. К слову, в выступлениях архивистов на состоявшейся осенью 2021 г. традиционной конференции, подготовленной ВНИИДАД, посвященных использованию электронных документов, процесс оцифровки рассматривался как что-то само собой разумеющееся, без анализа ситуации.

³ Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Ю.Ю. Юмашева. М.: ВНИИДАД, 2012. 125 с. URL: https://archives.gov.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml (дата обращения 22.12.2021). См. также: Технические требования к оцифровке архивных документов, научно-справочного аппарата (НСА) к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации: Приложение к Отчету о научно-исследовательской работе «Проведение научных исследований в области комплектования, хранения, учета и использования архивных документов» / Росархив, ООО «БизнесСкан». М., 2018. 98 с., прил. URL: <https://archives.gov.ru/documents/methodics/2018-nir-tt-digitization.shtml> (дата обращения 22.12.2021).

⁴ Необходимо учитывать, что статьи и выступления часто носят отчетный характер, и в них информация дается в сжатом виде.

ВНИИДАД 2012 г. была включена тема, касающаяся оцифровки архивных документов. Можно было предположить, что включению такой темы в план института предшествовало ее активное обсуждение на страницах профильного журнала. Но статей по такой тематике в 2011 г. автор не нашел. Их вообще оказалось на удивление мало.

Поэтому особый интерес представляет № 2 журнала за 2012 г. В нем опубликованы несколько статей, посвященных проблеме оцифровки.

Статья Г.З. Залаева «Актуальные вопросы создания и хранения цифровых копий архивных документов», содержит теоретические и практические положения, в других – излагается работа конкретных архивов, решающих проблему оцифровки, исходя из их возможностей [Залаев 2012, с. 55–59].

Г.З. Залаев формулирует 4 этапа процесса сканирования архивных документов, отмечает важность определения формата записи цифровой копии, от которого зависит качество цифровой копии, что очень важно – дает характеристику используемых форматов, подчеркивает важность правильного выбора формата в зависимости от носителя аналогового документа, поскольку правильный выбор позволяет избежать потери информации при оцифровке. (Именно о потере информации при поточном методе оцифровки, не учитывающем время происхождения документа, носитель информации и в среднем, рассчитанном на документы XIX в., стали в последнее время писать зарубежные специалисты-медиевисты, сетуя, как много невосполнимой информации, позволяющей узнать историю древней рукописи, пропадает при ее валовой оцифровке⁵.) Автор, описывая разные марки оптических дисков, указывая проявления закономерного их старения, способы тестирования их качества, отмечает большие перспективы хранения цифровой информации в сервисных системах и необходимость постепенного перехода к ним.

Статьи Р.Г. Шихарева «Оцифровка документов Архивного фонда Удмуртской Республики» [Шихарев 2012, с. 59–62], С.В. Ширмановой «Состояние работ по оцифровке документов в госархивах Нижегородской области» [Ширманова 2012, с. 62–64], В.Н. Плотникова «Создание, учет, хранение и использование цифровых копий документов в Центральном архиве Нижегородской области» [Плотников 2012, с. 64–65], Р.Ф. Пантюхиной «Оцифровка документов Архивного фонда Самарской области

---

⁵ См.: Prescott A., Hughes L. Why do we digitize? The case for slow digitization // Archive Journal. 2018. September. URL: <https://www.archivejournal.net/essays/why-do-we-digitize-the-case-for-slow-digitization/> (дата обращения 22.12.2021).

и создание автоматизированной информационно-поисковой системы» [Пантюхина 2012, с. 65–67] позволяют выявить закономерности и особенности этого процесса в российских регионах.

Из трех регионов, которым посвящены статьи, в Удмуртии, как написал автор, «самостоятельная оцифровка» началась с середины 1990-х гг., в Нижегородской области – на 10 лет позднее. Приблизительно в этот же период в середине 10-х гг. XXI в. активизировался вопрос работы с электронными документами в Самарской области, когда в 2007 г. постановлением Правительства области была утверждена «Концепция развития информационного общества в регионе».

Нормативные и методические документы, которыми руководствовались в тот период регионы, часто были разработаны самостоятельно. В Удмуртии это были: «Инструкция по созданию электронных копий фонда пользования особо ценных и уникальных документов Центрального государственного архива Удмуртской республики» (Ижевск, 2004) и «Памятка по созданию электронных копий дел в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики» (Ижевск, 2006). Автор, правда, не указывает, использовались ли эти документы другими архивами Республики.

С.В. Ширманова отмечает в своей статье, что в 2011 г. Комитет по делам архивов Нижегородской области провел анализ работы государственных архивов региона по оцифровке аналоговых документов. Суммируя приведенные по региону данные, можно говорить о том, что в государственных архивах региона отсутствовал единый нормативный и даже методический документ, регулирующий процесс создания, хранения и использования цифровых копий. В результате архивы использовали разные форматы (и соответственно возникали сложности при создании единого массива электронных документов области), разные технические средства от сканеров до фотоаппаратов: в одних архивах были сканеры и фотоаппараты, в других – только фотоаппараты, что не могло не влиять на качество цифровых копий (используемая техника во многом зависела от финансирования процесса). Автор отмечает, что контроль состояния электронных носителей упорядочен только в Государственном архиве аудиовизуальной документации Нижегородской области. Установленный порядок базируется на подготовленных ВНИИДАД методических рекомендациях «Разработка нормативных, методических и технологических основ создания, хранения и использования архивных электронных информационных ресурсов» и «Методических рекомендациях по организации хранения, комплектования, учета и использования электронных документов в государственных архивах». (Больше эти методические рекомендации никем не упоминаются.) Автор пишет о том, что

использовалось разное программное обеспечение для учета и описания оцифрованных документов.

В Самарской области, благодаря принятию Концепции развития электронного правительства, были выделены средства на создание в Центральном государственном архиве региона электронного читального зала, а позднее на формирование электронного фонда пользования документов Архивного фонда области.

Состав фондов и виды документов, и в первую очередь – описи, определенные государственными архивами для оцифровки, обсуждались на совместных заседаниях коллеги. На совещаниях, как можно судить из текста статьи, формировалась и общая методика: было принято решение о создании рабочих групп в каждом государственном архиве для выемки и подкладки дел, определялись лица, отвечающие за учет выдачи дел из архивохранилищ, контроль над их возвратом, качеством подшивки, реставрацией дел после их сканирования. Несомненно, дальновидным шагом было приобретение единого программного обеспечения для всех государственных архивов области.

Проблемы, сформулированные в статьях:

- отсутствие необходимой координации действий государственных архивов в одном регионе и в стране в целом;
- отсутствие опыта и новизна проекта для архивистов привели к тому, что первоначально сформулированные объемы работ, на деле оказались существенно большими (при подсчетах не были учтены оборотные стороны письменных документов, НСА описей, дополнительные обложки дел и описей, их заверительные листы);
- сканирование нерасшитых дел теми техническими средствами, которые были в распоряжении архива, приводило к искажению информации на сгибах;
- низкое качество позитивной пленки требовало сканирования непосредственно дел;
- следствием недостаточного финансирования стало использование для оцифровки техники, не отвечающей поставленной задаче (фотоаппаратами).

Пожелание: необходимость создания актуальной нормативной и методической базы и использование при ее разработке уже накопленного опыта регионов.

Обобщая приведенную в статьях информацию, можно говорить о том, что отсутствие единой программы оцифровки, единого финансирования и единого нормативно-методического документа, с одной стороны, стало стимулом творческого поиска регионов, с другой – приводило к тому, что разные возможности (финансовые, кадровые и др.) сказывались на уровне оцифрованных копий,

масштабах оцифрованных документов, возможности объединения оцифрованных копий не только разных регионов, но и разных архивов одного субъекта Российской Федерации в единую поисковую базу и в конечном итоге – на уровень использования архивных документов.

Казалось, продолжающейся процесс оцифровки и появление методических документов должно было вызвать отклики регионов, но вплоть до 2018 г. в «Отечественных архивах» статьи, посвященные оцифровке, не появились.

Опыт региона, в данном случае – Московской области, был опубликован в № 2 за 2018 г.⁶ Сообщение П.М. Петрова посвящено, по сути, работе корпорации ЭЛАР по оцифровке архивных документов, хранящихся в ЦАМО. К сожалению, в нем отсутствует информация, позволяющая узнать, как проходил отбор фондов для оцифровки, помимо традиционных слов о «повышенном спросе» к отдельным фондам, есть ли какие-нибудь сложности при оцифровке архивных документов и т. д.

Статьи, касающиеся оцифровки в регионах, были опубликованы в 2019 г.: «Создание фонда пользования архивных документов как способ обеспечения их сохранности в госархивах Санкт-Петербурга» А.В. Тихоцкой [Тихоцкая 2019, с. 20–23] и «Работа по оцифровке документов и созданию фонда пользования в Государственном архиве Республики Крым» Е.В. Латышевой [Латышева 2019, с. 44–47].

Суммируя информацию, можно отметить следующее:

Критерии отбора документов для сканирования во многом совпадают:

- единые для обоих архивов: наибольшая востребованность пользователями; уникальные и особо ценные документы, документы, находящиеся в плохом физическом состоянии. (В Крыму в 2016 г. при подготовке плана первоочередной оцифровки архивных документов объединили эти критерии: были отобраны 6 фондов, наиболее часто используемых и нуждающихся в проведении работ по обеспечению их сохранности);
- использованные в архивах Санкт-Петербурга: объем единицы хранения (более 500 листов). Петербургские архивисты считают этот критерий одним из наиболее важных для обеспечения сохранности единицы хранения. А.В. Тихоцкая отмечает, что поскольку объемные дела особенно быстро травмируются при выдаче пользователю (пролистываются при выдаче, использовании и возврате), они сканировались в первую очередь. Это были, в частности, метрические книги, исповедные ведомости,

---

⁶ См.: *Петров П.М.* Как оцифровывают Архивный фонд Московской области // *Отечественные архивы.* 2018. № 2. С. 38–40.

книги записи актов гражданского состояния, списки налогоплательщиков;

- оцифровка начала проводится почти в одно и то же время: в архивах Санкт-Петербурга – в самом конце 1990-х гг., в Крыму – в самом начале 2000 х. гг.

Кроме того:

- в обеих статьях оцифровка рассматривается в рамках проблемы создания фонда пользования;
- проводилась целевая оцифровка (целевое сканирование) и оцифровка по заказам пользователей (архивисты называют это «попутным сканированием»);
- на начальном этапе в обоих регионах проходил только процесс накопления цифровых копий аналоговых документов, доступ к ним пользователей был затруднен из-за отсутствия в читальных залах компьютеров. В итоге отсканированные образы документов были доступны только сотрудникам архивов;
- копии документов, оцифрованных в конце 2000-х начале 2010-х гг., часто были плохого качества и недолговечны, поскольку изготовлялись фотоаппаратами: вследствие недостаточного оснащения как результат недофинансирования;
- квалифицированных кадров и оборудования необходимого уровня не хватало и для оцифровки были привлечены сторонние организации. Их роль архивисты оценивают по-разному. Так, А.В. Тихоцкая оценивает работу сторонних организаций положительно, а Е.В. Латышева отмечает плохое качество изготовленных цифровых копий: косо расположенные листы, руки фотографов на копиях и т. д. Большую помощь крымским архивистам в процессе оцифровки оказала республиканская государственная программа «Развитие культуры, архивного дела и сохранения объектов культурного наследия Республики Крым на 2017–2020 гг.». В ее развитие была принята специальная подпрограмма «Обеспечение деятельности по комплектованию, учету, хранению и использованию архивных документов, находящихся в государственной собственности Республики Крым», и это позволило оцифровать к 2019 г. все описи дел.

Многое при оцифровке складывалось как результат анализа накопленного опыта. Так, петербургские архивисты считают, что сформулированные ими критерии благополучно прошли испытания и оправдали себя. Согласно информации о работе петербургских архивов, в несколько раз увеличилось количество выданных пользователями электронных копий документов (и это – безусловная победа архивистов), но они составляют только 5% от архивных документов, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга. В Крыму, как пишет автор статьи, несмотря на все усилия архи-

вистов, закупленное в конце 2015 г. оборудование, на 1 сентября 2019 г. (более поздней информацией автор не располагает) было оцифровано 1,6% от общего количества архивных документов Государственного архива Республики Крым.

Общение с архивистами других регионов свидетельствует, что такая ситуация типична:

- сложные отношения со сторонними организациями, занимающимися оцифровкой. В частности, представители организаций заявляют, что им невыгодно оцифровывать архивные документы, находящиеся в неудовлетворительном состоянии, поскольку такие документы требуют особенно бережного к себе отношения, и это влияет на «выработку» оператора (а именно такими документами часто являются метрические книги, очень востребованные пользователями);
- финансирование не позволяет покупать оборудование, адекватное поставленной задаче. Например, обычный сканер не позволяет качественно оцифровать большеформатные документы. При оцифровке их обыкновенным сканером теряется информация о мелко написанных названиях объектов, сел, деревень;
- возникают у архивов проблемы с правовым статусом документа, у которого восстановление затухающего текста была проведена во время цифровой обработки. Документы, прошедшие цифровую реставрацию, хранятся вместе с копией фонда пользования в папке «обработанный документ». Эта ситуация может обостриться при исполнении социально-правовых запросов, когда особенно важен правовой статус документа;
- процент оцифрованных документов в архивах аналогичен указанному в статьях – часто составляет 5% или чуть более.

Если исходить из указанного региональными архивами количества оцифрованных аналоговых документов, проблемы оцифровки не потеряли своей актуальности. В то же время в Научном докладе, подготовленном ВНИИДАД «Документоведческие и архивоведческие аспекты проблемы электронных документов» (2018 г.), в разделе, посвященном комплектованию, хранению и использованию ЭД, отсутствуют данные, связанные с оцифровкой. Правда, справедливо указано, что архивы занимаются оцифровкой активно⁷.

Однако приведенные в статьях цифры о количестве оцифрованных документов говорят о другом. Как уже отмечалось, по сравнению с комплектованием архива изначально существующими ЭД,

---

⁷ Документоведческие и архивоведческие аспекты проблемы электронных документов: отчет о НИР по теме 2.2.1 плана НИОКР на 2018 г. М., 2018. 458 с. Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу 01.07.2019. № 273.

проблема оцифровки аналоговых документов – это проблема даже не сегодняшнего, а вчерашнего дня. Поэтому представляется важным обсуждение архивистами, особенно архивистами-практиками, столкнувшимися со всеми сложностями оцифровки аналоговых архивных документов, накопленного опыта (ошибок и удачных решений); путей дальнейшей реализации этой задачи [Ларин, Суровцева 2019; Суровцева 2019]. С начала процесса оцифровки в некоторых архивах прошло больше 20 лет и уже можно подводить определенные итоги, анализируя успехи и ошибки.

Представляется, что одними из главных проблем являются:

- отсутствие единой программы оцифровки аналоговых документов для архивов всей страны (для сравнения – Программа оцифровки культурного наследия Европы⁸);
- как следствие – отсутствие единой нормативно-методической базы (каждый архив проводит этот процесс, используя свои методические документы, приводящие к тому, что в архивах используются разные критерии отбора документов для оцифровки, разное программное обеспечение, что создает трудности для объединения цифровой информации в единую базу);
- отсутствие централизованного государственного финансирования: каждый регион исходит из своих финансовых возможностей, которые зависят от понимания властями региона задач архивов (в этом отношении интересен опыт Германии, которая прошла долгий путь от оцифровки на пожертвования частных фондов до государственного финансирования в своих землях и на уровне федерального правительства⁹);

---

⁸ См.: Time Machine Manifesto. Big data of the past for the future of Europe. P. 3 // Time Machine. URL: <https://www.timemachine.eu/wp-content/uploads/2019/06/Time-Machine-Manifesto.pdf> (дата обращения 26.07.2021); Исследование и анализ зарубежной периодической литературы, материалов официальных интернет-сайтов, конференций, международных научных проектов по проблемам электронного документооборота и электронных документов: Аналитический обзор «Зарубежный опыт управления электронными документами: основные направления и тенденции развития» / ВНИИДАД. М., 2021.

⁹ *Kappelhoff B., Knoche M.* Infrastrukturen für den Prozess der Überlieferung. Vorgeschichte und Folgen der Denkschrift «Zukunft bewahren» der Allianz Schriftliches Kulturgut Erhalten // *Archivar*. 2019. Н. 4. S. 310–322; *Кappelъхофф Б., Кноше М.* Процесс консервации и оцифровки письменного культурного наследия и знаний; результаты деятельности меморандума «Сохраняйте будущее» / Реф. подгот. Е.Р. Симоновой // *Документоведение и архивное дело за рубежом: информ. сб. ст., справок, реф., сокр. пер. и аннот.* / ВНИИДАД, ОЦНТИ. 2020. № 1 (52). С. 55–63.

– отсутствие финансирования сказывается и на квалификации кадров: необходимо повышать квалификацию сотрудникам архивов, чему способствовали бы курсы повышения квалификации, которые в свое время вела во ВНИИДАД Ю.Ю. Юмашева, и нанимать высокопрофессиональных IT специалистов.

Необходима площадка для обмена опытом и выработки единой программы оцифровки аналоговых документов АФ РФ. Такой площадкой может стать профессиональный научный журнал.

Поскольку это задача общенациональная, ее решение и финансирование тоже должно стать общенациональной задачей [Юмашева 2012a; Юмашева 2012b].

Литература

- Залаев 2012 – *Залаев Г.З.* Актуальные вопросы создания и хранения цифровых копий архивных документов // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 55–59.
- Ларин, Суровцева 2019 – *Ларин М.В., Суровцева Н.Г.* Некоторые теоретические вопросы архивного хранения электронных документов // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 809–824. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-809-824
- Латышева 2019 – *Латышева Е.В.* Работа по оцифровке документов и созданию фонда пользования в Государственном архиве Республики Крым // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 44–47.
- Пантюхина 2012 – *Пантюхина Р.Ф.* Оцифровка документов Архивного фонда Самарской области и создание автоматизированной информационно-поисковой системы // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 65–67.
- Плотников 2012 – *Плотников В.Н.* Создание, учет, хранение и использование цифровых копий документов в Центральном архиве Нижегородской области // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 64–65.
- Суровцева 2019 – *Суровцева Н.Г.* Требования к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов: проблемы и решения // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 102–113.
- Тихоцкая 2019 – *Тихоцкая А.В.* Создание фонда пользования архивных документов как способ обеспечения их сохранности в госархивах Санкт-Петербурга // Отечественные архивы. 2019. № 4. С. 20–23.
- Ширманова 2012 – *Ширманова С.В.* Состояние работ по оцифровке документов в госархивах Нижегородской области // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 62–64.
- Шихарев 2012 – *Шихарев Р.Г.* Оцифровка документов Архивного фонда Удмуртской Республики // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 59–62.
- Юмашева 2012a – *Юмашева Ю.Ю.* Электронные копии исторических источников: зарубежный и отечественный опыт // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 120–126.
- Юмашева 2012b – *Юмашева Ю.Ю.* Электронные копии документов Архивного фонда Российской Федерации: источниковедческие проблемы // Справочник руководителя учреждений культуры. 2012. № 9–10. С. 71–80.

References

- Zalaev, G.Z. (2012), "Current issues of creation and storage of digital copies of archival documents", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2. pp. 55–59.
- Larin, M.V. and Surovtseva, N.G. (2019), "Some theoretical issues of archival storage of electronic documents", *Vestnik arkhivista*, no. 3. pp. 809–824.
- Latysheva, E.V. (2019), "Work on digitizing documents and creating a fund for use in the State Archiv of the Republic of Crimea", *Otechestvennye arkhivy*, no. 6. pp. 44–47.
- Pantyukhina, R.F. (2012), "Digitization of documents of the Samara region Archival Fund and the creation of an automated information retrieval system", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2. pp. 65–67.
- Plotnikov, V.N. (2012), "Creation, recording, storage and use of digital copies of documents in the Central Archives of the Nizhny Novgorod region", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2. pp. 64–65.
- Tikhotskaya, A.V. (2019), "Creation of a fund for the use of archival documents as a way to ensure their safety in the State Archives of St. Petersburg", *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 20–23.
- Shirmanova, S.V. (2012), "The state of work on the digitization of documents in the State Archives of the Nizhny Novgorod region", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 62–64.
- Shikharev, R.G. (2012), "Digitization of documents of the Archival Fund of the Udmurt Republic", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 59–62.
- Surovtseva, N.G. (2019), "Requirements for the electronic records management systems and electronic document storage systems. Issues and solutions", *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 102–113.
- Yumasheva, Yu.Yu. (2012), "Electronic copies of historical sources. Foreign and Russian experience", *Ural Historical Journal*, vol. 36, no. 3, pp. 120–126.
- Yumasheva, Yu.Yu. (2012), "Electronic copies of the Archive Fund of the Russian Federation. Source study issues", in *Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniy kul'tury* [A guide for managers of cultural institutions], no. 9–10, pp. 71–80.

Информация об авторе

Ирина А. Дегтярева, кандидат исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Москва, Россия; Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82, 117393; degtyareva@vniidad.ru.

ORCID ID: 0000-0002-9285-4067

Information about the author

Irina A. Degtyareva, Cand. of Sci. (History), All-Russian Scientific Research Institute of Records Management and Archives Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117393; degtyareva@vniidad.ru.

ORCID ID: 0000-0002-9285-4067

Образовательная деятельность по направлению «Документоведение и архивоведение»

УДК 005.92+930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-136-155

Современные профессиональные и образовательные стандарты документоведов и архивистов: перспективы использования

Людмила Н. Варламова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Lvarlam@yandex.ru*

Аннотация. Несмотря на то что профессиональные стандарты все активнее внедряются в практику работы организаций, смысл их существования не всем до конца ясен. Во многом это связано с недопониманием цели их создания и взаимосвязи с образовательными стандартами. В этой связи важно подчеркнуть суть разграничения функций университетов, осуществляющих подготовку по образовательным стандартам, и советов по профессиональным квалификациям, разрабатывающим профессиональные стандарты, на основе которых осуществляется оценка квалификации персонала. На современном этапе это взаимосвязанные процессы, направленные на оценку квалификации сотрудников организаций (их знаний, умений и навыков), которыми являются в том числе и выпускники университетов. Профессиональные стандарты, не являясь ни альтернативой, ни конкурентом образовательных стандартов, играют важнейшую роль на рынке труда и в образовательном процессе. Ввиду того, что практика внедрения профессиональных стандартов основана на государственном регулировании и приобретает черты обязательного применения, университеты не смогут их игнорировать в своем образовательном процессе. История создания профессиональных стандартов, нормативное обеспечение, специфика их использования и другие вопросы представлены в данном исследовании с акцентом на взаимосвязь с образовательными стандартами РФ. В статье представлена вариативность совместного использования вышеназванных стандартов и роль образовательного сообщества в этом процессе.

Ключевые слова: делопроизводство, архивное дело, профессиональный стандарт, образовательный стандарт, уровень квалификации специалиста, уровень образования работника

Статья поступила в редакцию 1 июля 2022 г.;

принята к публикации 10 августа 2022 г.

Для цитирования: Варламова Л.Н. Современные профессиональные и образовательные стандарты документоведов и архивистов: перспективы использования // История и архивы. 2022. № 4. С. 136–155. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-136-155

Modern professional and educational standards for record keepers and archivists. Prospects for use

Liudmila N. Varlamova

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Moscow, Russia, Lvarlam@yandex.ru

Abstract. Although professional standards are increasingly introduced into the practice of organizations, their significance is not completely clear to everyone. It is largely due to a misunderstanding of the purpose of their creation and their relationship with educational standards. Therefore, it is important to emphasize the essence of distinction between the functions of the universities that provide the training according to educational standards, and the councils for professional qualifications that develop professional standards which serve as the basis for the assessment of staff's qualification. At the present stage, these are interrelated processes aimed at assessing the qualifications of the personnel of organizations (which include university graduates), their knowledge, skills and abilities. Professional standards, being neither an alternative nor a competitor to educational standards, play a crucial role in the labor market and in the education process. Due to the fact that the practice of implementing professional standards is based on state regulation and acquires the features of the mandatory in its application, universities will not be able to ignore them in their education process. The history of professional standards creation, regulatory support, specifics of their use and other issues are discussed in the article with an emphasis on their relationship with the educational standards of the Russian Federation. The paper presents the variability of the joint use of the above-mentioned standards and the role of the education community in this process.

Keywords: record management, archives, professional standard, educational standard, level of experts' qualification, level of staff's education

The article was submitted 1.07.2022;

accepted for publication 10.08.2022

For citation: Varlamova, L.N. (2022), “Modern professional and educational standards for record keepers and archivists. Prospects for use”, *History and Archives*, no. 4, pp. 136–155, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-136-155

Введение

Вопросам подготовки специалистов в целом, документоведов и архивистов в частности, с каждым годом уделяют все большее внимание и учебные заведения, и работодатели. Эти вопросы не раз обсуждались на национальных и международных конференциях, в том числе проводимых в Российском государственном гуманитарном университете и иных научных площадках¹. Особое внимание в дискуссиях было приковано к роли профессиональных стандартов и их месту в образовательном процессе в период их внедрения и разработки ФГОС ВО 3++. Ввиду отказа от Болонской системы и прогнозируемого пересмотра ФГОС ВО, вопросы их взаимодействия с ПС неизбежно будут подняты на новом уровне. Для исключения ранее допущенных ошибок стоит изучить уже имеющийся опыт и применить его при разработке/актуализации обоих видов стандартов. Среди наиболее значимых публикаций, посвященных вопросам применения профессиональных стандартов документоведов и архивистов, можно выделить работы экспертов СПК С.В. Дрокова и Л.П. Хлюсневой [Дроков, Хлюснева 2019], разработчиков ФГОС ВО и ПС для документоведов Т.А. Быковой [Быкова 2015], С.А. Глотовой [Глотова 2017], Ю.М. Кукариной [Кукарина 2015] и Л.Н. Варламовой [Варламова 2015; Варламова 2018; Варламова 2019 а, б], а также Г.Н. Ланского, акцентирующего внимание на ПС архивистов [Ланской 2021]. При анализе этих публикаций можно

---

¹ Среди наиболее значимых научных форумов, на которых обсуждаются вопросы обучения документоведов и архивистов, являются: Международная научно-практическая конференция РГГУ «Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее», посвященная памяти Т.В. Кузнецовой, – Москва; Международная научно-практическая конференция РГГУ «Документ. Архив. Информационное общество» – Москва; Международная научно-практическая конференция ВНИИДАД «Документация в информационном обществе» – Москва; Всероссийская научно-практической конференция с международным участием «Документ. Архив. История. Современность» – Екатеринбург; Международная научно-практическая конференция Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения» – Гурзуф.

заметить существенное расхождение позиций авторов в оценке роли профессиональных стандартов (далее ПС) и их влияния на образовательный процесс, реализуемый в вузах страны. Во многом это обусловлено расхождением в их понимании итоговых результатов подготовки, к которым должны прийти выпускники учебных заведений различных уровней, включая набор знаний, умений и навыков, которыми последние должны обладать. Вместе с тем у многих представителей вузовской среды возникает ряд вопросов и опасений, что ПС нивелируют значение диплома о высшем образовании, а советы по профессиональным квалификациям (далее СПК) составят конкуренцию вузам. Целью исследования является выявление точек соприкосновения образовательных и профессиональных стандартов и путей взаимодействия СПК и вузов в процессе подготовки специалистов и оценке их квалификации. Для достижения данной цели в рамках данной статьи (с учетом ограниченности ее объема) мы рассмотрим аспекты современной подготовки документоведов и архивистов уровня высшего образования (далее ВО) на основе федеральных образовательных стандартов (далее ФГОС ВО) и требования рынка труда к их квалификационным характеристикам на основе профессиональных стандартов и предложим пути интеграции их усилий.

*ФГОС ВО по направлению подготовки
«Документоведение и архивоведение»
и их взаимосвязь с профессиональными стандартами
для документоведов и архивистов*

На сегодняшний день подготовка документоведов и архивистов уровня высшего образования осуществляется на основе ФГОС ВО 46.03.02 «Документоведение и архивоведение» (бакалавриат)² и ФГОС ВО 46.03.04 «Документоведение и архивоведение» (магистратура)³. Важно отметить, что Историко-архивный институт

² Приказ Минобрнауки от 29.10.2020 № 1343 «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.02 “Документоведение и архивоведение”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.11.2020 (дата обращения 25.08.2022).

³ Приказ Минобрнауки от 29.10.2020 № 1345 «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 46.04.02 “Документоведение и архивоведение”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.11.2020 (дата обращения 25.08.2022).

Российского государственного гуманитарного университета (далее ИАИ РГГУ), имея огромный опыт подготовки документоведов и архивистов, являлся активным участником разработки обоих образовательных стандартов и учел в них практически все нюансы их подготовки (включая материально-технические и кадровые аспекты). На основе положений этих стандартов в результате подготовки выпускники должны обладать следующими общепрофессиональными компетенциями.

1. Бакалавры (ФГОС ВО 46.03.02, п. 3.3):

ОПК-1. Способен применять на базовом уровне знания исторических наук при решении задач в сфере своей профессиональной деятельности;

ОПК-2. Способен находить организационно-управленческие решения при решении задач в сфере своей профессиональной деятельности;

ОПК-3. Способен применять теоретические знания для решения поставленных задач в области документоведения и архивоведения;

ОПК-4. Способен использовать базовые знания в области информационно-коммуникационных технологий в сфере своей профессиональной деятельности;

ОПК-5. Способен самостоятельно работать с различными источниками информации и применять основы информационно-аналитической деятельности при решении профессиональных задач.

2. Магистры (ФГОС ВО 46.04.02, п. 3.3):

ОПК-1. Способен применять фундаментальные знания, полученные при освоении программы магистратуры, при разработке и осуществлении социально значимых проектов;

ОПК-2. Способен самостоятельно работать с источниками информации, непрерывно совершенствовать уровень профессиональной подготовки;

ОПК-3. Способен использовать знания в области гуманитарных, социальных и экономических наук при осуществлении экспертных и аналитических, научно-исследовательских работ;

ОПК-4. Способен использовать специальные профессиональные знания в области информационных технологий, применяемых в профессиональной деятельности;

ОПК-5. Способен осуществлять инновационную деятельность, формулировать и решать научно-исследовательские и прикладные задачи в области документоведения и архивоведения;

ОПК-6. Способен применять современные методические подходы и образовательные стратегии в сфере реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ.

Согласно положениям обоих ФГОС ВО, профессиональные компетенции определяются вузами самостоятельно, но на основе ПС, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, если таковые имеются⁴. Вместе с тем при определении профессиональных компетенций на основе ПС вузы осуществляют их выбор самостоятельно из числа ПС, указанных в приложении к ФГОС ВО и (или) иных ПС, перечисленных в Реестре профессиональных стандартов (перечня видов профессиональной деятельности), размещенном на специализированном сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Профессиональные стандарты» (<http://profstandart.rosmintrud.ru>) (ФГОС ВО 46.03.02, п. 3.4; ФГОС ВО 46.04.02, п. 3.4).

Оба образовательных стандарта при перечислении областей профессиональной деятельности, в которой выпускники могут работать (ФГОС ВО 46.03.02, п. 1.11; ФГОС ВО 46.04.02, п. 1.11), содержат отсылку к «административно-хозяйственной и офисной деятельности», а через нее – к СПК «Офисных специалистов и вспомогательных административных работников», уполномоченному разрабатывать профессиональные стандарты для этой сферы деятельности общества и государства.

ПС для документоведов и архивистов и их взаимосвязь во ФГОС ВО по направлению подготовки «Документоведение и архивоведение»

На сегодняшний день СПК разработал и даже актуализировал следующие ПС, используемые в сфере делопроизводства и архивного дела⁵:

---

⁴ Таблица приложения к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)» с изменением от 9 марта 2017 г. № 254н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.10.2014 (дата обращения 25.08.2022).

⁵ Перечень профессиональных стандартов, разработанных для документоведов и архивистов: «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией», утвержден приказом Минтруда России от 15.06.2020 № 333н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 16.07.2020 (дата обращения 25.08.2022); «Специалист по управлению документацией организации», утвержден приказом Минтруда России от 10.05.2017 № 416н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 16.07.2020 (дата обращения 25.08.2022).

1. «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией»;
2. «Специалист по управлению документацией организации»;
3. «Специалист по формированию электронного архива»;
4. «Специалист архива»;
5. «Специалист цифровой трансформации документированных сфер деятельности организации».

Первые два адресованы делопроизводителям (уровень образования – СПО), документоведам (уровень образования – ВО бакалавриат), управляющим документацией (уровень образования – ВО магистратура). Третий и четвертый адресованы архивистам (уровень образования – СПО и ВО бакалавриат). Пятый был задуман как «мостик» между документоведами и архивистами будущего, работающими исключительно в цифровом пространстве и по большому счету, мало реализуемый на практике.

В контексте данной работы для нас представляют интерес первые четыре ПС. Следует отметить, что здесь и далее понятия «документоведы» и «архивисты» носят собирательный характер и включают всю номенклатуру должностей этих специалистов, работающих в сфере делопроизводства и архивного дела.

При изучении профессиональных стандартов можно увидеть серьезную разницу между ПС, разработанными для документоведов, и ПС для архивистов, продиктованную следующими аспектами:

1. ПС документоведов четко выстроены по иерархии должностей и вытекающих отсюда: уровня образования (от СПО к аспирантуре), уровня ответственности, компетенций, знаний, умений и навыков.

---

www.pravo.gov.ru, 01.06.2017 (дата обращения 25.08.2022); «Специалист по дистанционному информационно-справочному обслуживанию», утвержден приказом Минтруда России от 19.03.2018 № 163н (в ред. приказа Минтруда России от 27.06.2018 № 426н) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.04.2018 (дата обращения 25.08.2022); «Специалист по формированию электронного архива», утвержден приказом Минтруда России от 19.04.2018 № 266н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.05.2018 (дата обращения 25.08.2022); «Специалист административно-хозяйственной деятельности», утвержден приказом Минтруда России № 49н от 02.02.2018 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 13.04.2018 (дата обращения 25.08.2022); «Специалист архива», утвержден приказом Минтруда России № 140н от 18.03.2021 г., зарегистрирован Минюстом № 63193 от 21.04.21 г. (Рег. № 1418 от 31.03.2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 21.04.2021 (дата обращения 25.08.2022).

Во многом это связано с тем, что ПС сообща разрабатывали представители рынка труда и образовательных структур (т. е. теоретики и практики) с учетом современных реалий и с пониманием специфики существующих образовательных стандартов, возможностей вузов, требований Минобра и Минтруда. Во многом это заслуга вузовского профессионального сообщества документоведов, активно включившегося в процесс разработке ПС на безвозмездной основе и на этапе их разработки устранившее все недопонимания с Минтрудом и представителями рынка труда;

2. ПС архивистов разрабатывались с привлечением всех заинтересованных сторон, но людьми, в большинстве своем не понимающими специфику работы вузов, требований Росархива и Минобра. Во многом эта вина самих «государственных» архивистов и представителей вузов (теоретиков и практиков), которые не стремились к участию в разработке ПС и уж точно не предполагали, что эти документы станут играть столь значимую роль. В той ситуации коммерческие архивы, заинтересованные в ПС, сыграли роль «первой скрипки» и не учли многие аспекты подготовки архивистов и специфики их деятельности в государственных и муниципальных архивах, а также специфику подготовки архивистов в вузах (не учтя их материально-техническое оснащение и программы подготовки и запросов госархивов);

3. Еще одним важным аспектом, повлиявшим на качество разработки ПС документоведов и архивистов, стала специфика профессиональной деятельности обеих групп специалистов. Дело в том, что при всем многообразии функционала документоведов он (функционал) четко структурирован в привязке рабочему процессу, уровню квалификации и должности вне зависимости от организационно-правовой формы и формы собственности организации – их работодателя. Эта структурированность позволяет выделить четкий перечень компетенций, знаний, умений и навыков, затребованных рынком труда и связать их с компетенциями, заложенными в ФГОС вне зависимости от того в какой организации работает документовед (коммерческой или государственной). Специфика деятельности, равно как и набор необходимых компетенций, знаний, умений и навыков архивистов в государственном, ведомственном, коммерческом и частном архивах сильно различается, ввиду чего довольно сложно построить единую модель ПС, удовлетворяющую запросам всех участников этого процесса. Именно поэтому так важна была коллективная работа по построению разветвленной модели ПС (с иерархически-фасетной структурой), ибо требования Минтруда не позволяют делать отдельный стандарт для коммерческих и государственных организаций (в данном случае архивов). ПС должен быть один для всех, но их может быть несколько.

Совместное распоряжение Минобра и Минтруда об ориентировании образовательных стандартов на требования ПС и включение последних во ФГОС застало врасплох всех, кто заблаговременно не позаботился о разработке ПС, ориентированных на их профессиональную область. В какой-то момент в Национальном агентстве по профессиональным квалификациям при Президенте РФ (далее НСПК) поднимался вопрос о том, что в рамках ФГОС ВО 3++ должны быть представлены только те образовательные стандарты, которые могут опираться на ПС, разработанные по этим направлениям. И если вспомнить первую версию шаблонов ФГОС ВО 3++, то их приложение содержало таблицу, в которой каждая обобщенная трудовая функция ПС, разложенная на отдельные трудовые функции должна была быть обеспечена компетенциями ФГОС и перечнем конкретных дисциплин, которые ее реализуют. Ввиду того, что к тому моменту документоведы уже располагали двумя утвержденными ПС, а архивисты даже не притупили к их разработке, сложилась довольно сложная ситуация, грозящая потерей архивоведческого поднаправления подготовки. Учитывая, что согласно ФГОС ВО совокупность компетенций, установленных программой бакалавриата вуза, должна обеспечивать выпускнику способность осуществлять профессиональную деятельность хотя бы в одной сфере профессиональной деятельности, установленных в п. 1.11 ФГОС ВО, а также решать задачи не менее чем одного типа, установленного в п. 1.12 ФГОС ВО (ФГОС ВО 46.03.02, п. 3.6; ФГОС ВО 46.04.02, п. 3.6), это требование в полном объеме могли выполнить только документоведы.

Следует отметить, что похожая ситуация сложилась не только в направлении подготовки «Документоведение и архивоведение», в связи с чем требования Минтруда были смягчены и во ФГОС было решено оставить лишь перечисление областей профессиональной деятельности, в которой выпускники могут работать после окончания вуза и ссылка на ПС. При этом в самом ФГОС было отмечено, что при отсутствии ПС, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, профессиональные компетенции должны определяться вузами самостоятельно на основе анализа требований, предъявляемых рынком труда к выпускникам, с учетом отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями и их отраслевыми объединениями (ФГРС ВО 46.03.02, п. 3.5; ФГОС ВО 46.04.02, п. 3.5).

Однако от первоначальной идеи Минтруд полностью не отказался, а лишь повременил с ее реализацией. Вместе с тем даже эти послабления поставили представителей архивного поднаправления обучения (включая крыла научно-технических и экономически архивов) в затруднительное положение на предмет подбора

профильного ПС. В современных условиях этот вопрос, по-прежнему нельзя рассматривать как решенный, т. к. в случае возвращения требования сочленения трудовых функций ПС и компетенций ФГОС с отсылкой к дисциплинам учебного плана опять возникнет ряд проблем. Эти проблемы будут связаны с набором трудовых функций, заложенных в ПС архивистов. Ибо согласно обоим ФГОС ВО, из каждого выбранного профессионального стандарта вуз обязан выделить одну или несколько обобщенных трудовых функций, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, на основе положений которой включить их в раздел «Требования к образованию и обучению» ФГОС ВО. При этом обобщенная трудовая функция выбранного ПС может быть реализована в учебной программе вуза полностью или частично (ФГОС ВО 46.03.02, п. 3.4; ФГОС ВО 46.04.02, п. 3.4).

Таким образом, из существующих ПС необходимо будет выбрать одну или несколько ОТФ и реализовать их в рамках образовательной программы вуза. И здесь возникает вопрос: какую именно из ОТФ существующих ПС архивистов (или других групп, указанных во ФГОС ВО) может в полной мере реализовать даже такой крупный и именитый вуз, как ИАИ РГГУ? Ответ понятен... Здесь возникает вопрос: что делать? Ответ очевиден – инициировать разработку ПС, ориентированную на тот сегмент рынка архивного труда, на который нацелены выпускники вуза и/или актуализировать (а по факту доработать) уже существующие ПС архивистов.

Диплом вуза и сертификат СПК как дополнение к первому

Здесь мы приходим к вопросу: а так ли нужны ПС? Вопросу, который задают многие представители вузов и не задают представители рынка труда. И понятно, почему. Для представителей рынка труда сертификация персонала на соответствие ПС гарантирует уровень квалификации сотрудника. Но дело не в том, что у работодателей нет доверия к вузовскому диплому (хотя справедливости ради стоит сказать, что ряд вузов себя дискредитировал, к счастью, не по нашему направлению подготовки), а в том, что мы вступили в период обучения/переобучения/повышения квалификации на протяжении всей жизни. В процессе жизнедеятельности требования к работникам меняются, и эти изменения отражаются в профессиональных стандартах. Например, выпускники ИАИ РГГУ 2015 и 2020 гг., обучавшиеся по направлению «Документоведение и архивоведение», имели в составе учебного плана широкий спектр дисциплин, ориентированных на требования рынка труда,

но наполнение лекций и тем более лабораторных и практических занятий по этим дисциплинам отличается в том числе и по причине актуализации программ подготовки и расширения технических возможностей вуза. Это не означает, что выпускники 2015 г. были хуже подготовлены, чем выпускники 2020 г., но требования рынка труда изменились, и работодатель хочет получить готового специалиста. Что делать выпускнику, который по каким-то причинам не работал на протяжении ряда лет и намерен вернуться в профессию. Или же специалист другого профиля решил поменять направление своей трудовой деятельности? Он-де не пойдет учиться в вуз, а в лучшем случае пройдет курсы переподготовки с очень усеченным набором знаний по профессии. В обоих случаях, в зависимости от усердия и способностей этого человека, работодатель не будет рассматривать его кандидатуру как приоритетную. К сожалению, школа наставничества, так широко распространенная в СССР, уже давно перестала существовать, и работодатель не готов платить деньги сотруднику, не соответствующему его требованиям. Сертификация специалиста на соответствие ПС может снять целый комплекс вопросов в отношении уровня его подготовки и компетентности. Учитывая тот факт, что требования работодателя могут быть завышенными ввиду «коммерческой целесообразности», положения ПС регламентируют и их. Перечень компетенций, знаний и умений сотрудника определяется в рамках обобщенной трудовой функции ПС, которая, как правило, соответствует определенной должностной позиции с четко регламентированным набором трудовых функций, уровня образования и в привязке к уровню квалификации⁶. Важно отметить, что в перспективе уровень квалификации должен быть привязан к уровню заработной платы сотрудника. Последнее пока в проекте, но нечто подобное уже было в СССР, когда была сетка окладов, привязанных к той или иной должности. Эта сетка позволяла работнику четко понимать диапазон своей зарплаты и гарантировала социальную справедливость в рамках организации. Но даже без этой важнейшей компоненты проекта НСПК, ПС позволяет ограничить работодателя в требованиях к сотруднику в плане выполнения трудовых функций, не свойственных данной должности, с одной стороны, а работнику отстаивать свое право на получение дополнительной оплаты в случае выполнения таковых. ПС, по сути, это дорога с двусторонним движением, на которой при соблю-

⁶ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 12 апреля 2013 г. № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов» (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 27 мая 2013 г., рег. № 28534) // Российская газета, 2013. 13 июня. № 125.

дении правил всеми участниками в выигрыше все. Таким образом, оценка квалификации сотрудника, производимая на основе ПК, не является заменой образования. Вместе с тем практика уже проведенных сертификаций документоведов во многих организациях показывает, что подготовка в ИАИ РГГУ позволяет выпускникам с уверенностью пройти сертификацию на высоком уровне, так как трудовые функции, знания и умения, заложенные в ПС, реализуются в рамках образовательной программы вуза, преподаватели которого участвовали как в разработке ПС, так и в разработке оценочных средств на соответствие ПС наряду с крупнейшими представителями рынка труда (как коммерческими, так и государственными организациями). Нет ни малейшего сомнения, что при заинтересованности архивного сообщества ПС архивистов и оценочные средства на соответствие ПС могут быть разработаны аналогичным образом с учетом возможностей вузов. В противном случае мы получим ПС «цифровых трансформаторов», и подготовкой по нашему направлению займутся совсем другие люди. Здесь следует отметить, что при разработке ПС архивистов архивное сообщество настаивало на том, чтобы в нем не было жесткой привязки к профильному образованию, мотивируя ограниченностью количества подготавливаемых специалистов и их фактическим отсутствием в большинстве региональных архивах. На наш взгляд, этот подход был ошибочен, так как ПС как раз и могут стать основанием для активизации профессионального сообщества в вопросе лоббирования его интересов, ибо именно в зависимости от востребованности на рынке труда и количества запросов работодателей (коими являются все государственные, региональные и иные архивы, не говоря уже о Росархиве и ВНИИДАД) формируется пакет бюджетных мест по направлению подготовки. Отсутствие требования наличия профессионального образования и востребованных ПС со временем размоет эту профессию, передав ее функционал другим.

Учитывая тот факт, что СПК всегда заинтересован в разработке новых и актуализации уже существующих ПС, работодатели заинтересованы в квалифицированных сотрудниках, а вузы – в востребованности их выпускников на рынке труда, интеграция их усилий принесут пользу всем.

Заключение

Подводя итог большого пути по формулированию положений ПС документоведов и ФГОС ВО по направлению подготовки «Документоведение и архивоведение» в качестве непосредствен-

ного участника этих разработок, автор убедилась в том, что эти стандарты должны быть тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы по следующим причинам:

1) профессиональные компетенции ФГОС ВО должны основываться на требованиях рынка труда, так как в противном случае вузы будут готовить специалистов, не способных работать по специальности (не востребованных на рынке труда);

2) требования рынка труда должны быть четко структурированы для того, чтобы они могли быть реализованы и единственным документом, в котором возможно это сделать формализованным способом – это ПС. В противном случае произойдет размывание профессии, и работодатель будет вправе требовать от сотрудника совмещать несколько должностей (не доплачивая за это). Слияние двух самостоятельных направлений подготовки в одно «Документоведение и архивоведение» уже этому способствовало, и во многих небольших компаниях документовед и архивист – одно и то же лицо. ФГОС ВО не может тому воспрепятствовать, а вот сообща с ПС, разделяющих профессии документоведов и архивистов, – вполне;

3) соотнесение требований рынка труда и возможностей вузов возможно лишь при совместной разработке и ФГОС ВО и ПС и является «драйвером» для развития обоих направлений. В этом случае вузы получают поддержку работодателей в виде запроса на выпускников и как следствие увеличение бюджетных мест, а рынок труда – квалифицированных специалистов. Одновременно с этим вузы получают основание для своего переоборудования и модернизации, а также высокую экспертную оценку работодателей, необходимую при аккредитации вуза.

Следует отметить, что с момента зарождения идеи создания ПС до настоящего времени идет системная работа по интеграции последних в правовое поле нашей страны с прицелом на их обязательное исполнение под контролем государства. Уточнения и дополнения Трудового Кодекса РФ и других ФЗ⁷, а также целый

---

⁷ Нормативно-правовые акты, вносящие уточнения в Трудовой кодекс РФ: Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и ст. 1 Федерального закона “О техническом регулировании” от 3 декабря 2012 г. № 236-ФЗ (в ред. Федерального закона от 02.05.2015 № 122-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 10.12.2012. № 50 (ч. 5), ст. 6959 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.12.2012); Федеральный закон от 02.05.2015 № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и ст. 11 и 73 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. 04.05.2015.

комплекс постановлений правительства РФ и приказов Минтруда⁸ тому подтверждение. Заслуживает внимания и постанов-

---

№ 18, ст. 2625 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.05.2015); Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1179 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2017 № 1724) // Собрание законодательства РФ. 21.11.2016. № 47, ст. 6659 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 17.11.2016).

⁸ Приказы Минтруда, регламентирующие вопросы оценки профессиональной квалификации: Приказ Минтруда России от 19.12.2016 № 758н «Об утверждении Примерного положения о совете по профессиональным квалификациям и Порядка наделения совета по профессиональным квалификациям полномочиями по организации проведения независимой оценки квалификации по определенному виду профессиональной деятельности и прекращения этих полномочий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 19.12.2016 № 759н «Об утверждении требований к центрам оценки квалификаций и Порядка отбора организаций для наделения их полномочиями по проведению независимой оценки квалификации и прекращения этих полномочий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.01.2017 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 01.12.2016 № 701н «Об утверждении Положения об апелляционной комиссии по рассмотрению жалоб, связанных с результатами прохождения профессионального экзамена и выдачей свидетельства о квалификации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 12.12.2016 № 726н «Об утверждении положения о разработке наименований квалификаций и требований к квалификации, на соответствие которым проводится независимая оценка квалификации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 01.11.2016 № 601н «Об утверждении Положения о разработке оценочных средств для проведения независимой оценки квалификации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 02.12.2016 № 706н «Об утверждении образца заявления для проведения независимой оценки квалификации и Порядка подачи такого заявления» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 21.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 12.12.2016 № 725н «Об утверждении формы бланка свидетельства о квалификации и приложения к нему, технических требований к бланку свидетельства о квалификации, порядка заполнения бланка свидетельства о квалификации и выдачи его дубликата,

ление Правительства Российской Федерации от 27.06.2016 № 584 «Об утверждении особенностей применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения...»⁹. Оно реально работает, и сертификации на соответствие ПС уже идут в том числе и в сфере делопроизводства.

В настоящее время по оценке квалификации создана развернутая правовая база начиная от ФЗ и нормативных актов¹⁰

а также формы заключения о прохождении профессионального экзамена» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 15.11.2016 № 649н «Об утверждении Порядка формирования и ведения реестра сведений о проведении независимой оценки квалификации и доступа к ним, а также перечня сведений, содержащихся в указанном реестре» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 14.12.2016 № 729н «Об утверждении Порядка осуществления мониторинга и контроля в сфере независимой оценки квалификации» (ред. от 22.03.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 21.12.2016 (дата обращения 25.08.2022); Приказ Минтруда России от 22.03.2022 № 155н «О внесении изменений в Порядок осуществления мониторинга и контроля в сфере независимой оценки квалификации, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14 декабря 2016 г. № 729н» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 15.06.2022 (дата обращения 25.08.2022).

⁹ Постановление Правительства РФ от 27.06.2016 № 584 «Об утверждении особенностей применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности». URL: <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.12.2015 (дата обращения 25.08.2022).

¹⁰ Нормативно-правовые документы, регламентирующие вопросы независимой оценки квалификации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (ч. I). Ст. 4171 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 03.07.2016); Федеральный закон от 03.07.2016 № 239-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального

заканчивая методическим рекомендациями. И хотя вузы не могут быть центрами оценки квалификации непосредственно, они могут участвовать в разработке оценочных средств и выступать разработчиками ПС.

На современном этапе, при отказе от Болонской системы соотнесение ФГОС ВО и ПС не только изменится, а скорее приобретет еще большее значение. В этой связи и ФГОС ВО и ПС будут подвергнуты актуализации, и это прекрасная возможность объединить

закона «О независимой оценке квалификации» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (ч. I). Ст. 4172 (Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 03.07.2016); Федеральный закон от 03.07.2016 № 251-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О независимой оценке квалификации» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2016. № 27 (Ч. I), ст. 4184 (Официальный интернет-портал правовой информации. 07.07.2016. URL: <http://www.pravo.gov.ru> [дата обращения 25.08.2022]); Указ Президента Российской Федерации от 16 апреля 2014 г. № 249 «О Национальном совете при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям» (в ред. Указов Президента РФ от 18.12.2016 № 676, от 25.02.2019 № 76, от 01.10.2019 № 476, от 21.12.2020 № 802, от 30.05.2022 № 329) // Собрание законодательства РФ. 21.04.2014. № 16. Ст. 1882 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 16.04.2014); Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1179 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2017 № 1724) // Собрание законодательства РФ. 21.11.2016. № 47. Ст. 6659 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 17.11.2016); Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1724 «О предельной численности и фонде оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих и работников, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, центральных аппаратов и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.01.2018. № 3. Ст. 559 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.01.2018); Постановление Правительства РФ от 16.11.2016 № 1204 «Об утверждении Правил проведения центром оценки квалификаций независимой оценки квалификации в форме профессионального экзамена» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2016. № 48 (ч. III). Ст. 6769 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.11.2016).

усилия образовательного и профессионального сообществ (теоретиков и практиков) для повышения качества выпускаемых специалистов (документоведов и архивистов), востребованных на рынке труда.

Благодарности

Автор выражает благодарность руководству ИАИ РГГУ, включая, но не ограничиваясь, А.Б. Безбородову и Е.М. Буровой, за поддержку в ее деятельности в должности замдекана по учебной работе факультета «Документоведения и технотронных архивов» и в качестве руководителя ПООП «Документоведение и архивоведение» (под-направление документоведение), позволившей изучить принципы построения учебного процесса факультета и реализовать передовые подходы в образовательных программах факультета, основанных на требованиях ФГОС ВО РФ и рынка труда, в том числе отраженных в ПС.

Автор выражает благодарность руководителю СПК «Офисных специалистов и вспомогательных административных работников» Л.П. Хлюсневой за организацию участия автора в разработке профессиональных стандартов документоведов и оценочных средств к ПС в качестве эксперта СПК, позволившего изучить принципы построения ПС и учесть их при построении образовательных программ факультета, а также за продвижение престижа профессии документоведа, руководителя службы ДОУ и управляющего документацией на рынке труда.

Автор выражает свою благодарность руководству ФУМО «История и археология», включая, но не ограничиваясь, А.О. Чубарьян и О.В. Воробьевой, за предоставленную возможность участия в разработке ФГОС ВО по направлению подготовки «Документоведение и архивоведение» (3+ и 3++), познакомиться с многообразием учебных программ вузов, осуществляющих подготовку по этому направлению, и их взглядами на его развитие, позволившую учесть эту специфику при формулировании требований ФГОС ВО и ПС.

Acknowledgements

I would like to express my sincere thanks to the management of the History and Archive Institute of the Russian State University for the Humanities, including prof. Dr. A.B. Bezborodov and prof. E.M. Burova, for their support of my activities as Deputy Dean for Academic Affairs of the Faculty of Records Management and Technetronic Archives and as a Head of the Approximate Main Educational Programmer (AVEP) „Records Management and Archival Studies“ (sub-direction of Records Management), which made it possible to study the principles of building the educational process of the faculty and implement advanced approaches in the faculty's educational programmers, based on the requirements of the Federal State Educational Standard for Higher

Education (FSSES HE) of the Russian Federation and the labour market, as well as on those reflected in professional standards (PS).

I also express my gratitude to L.P. Khlyusneva, the head of the Council for Professional Qualifications (CPQ) „Office professionals and accessorial administrative staff“ for organizing my participation in the development of professional standards for records managers and of the evaluation means for PS as an expert of the CPQ, which enabled studying the principles of creating PS and take them into account when developing educational programmes of the faculty, as well as for promoting the prestige of the profession of records managers, that of the head of the records management service and records managers in the job market.

I express my special thanks to the management of the Federal Educational and Methodological Association „History and Archeology“, and in particular to the acad. A.O. Chubaryan and prof. O.V. Vorobieva, for the opportunity to participate in the development of the Federal State Educational Standard for Higher Education in the training direction „Records Management and Archival Studies“ (3+ and 3++), to get acquainted with the variety of curricula of universities that provide training in this area and with their views on its development, which allowed taking into account the specificity when formulating the requirements of the Federal State Educational Standard of HE and PS.

Литература

- Быкова Т.А. 2015 – *Быкова Т.А.* Современные подходы к подготовке документоведов в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 2. С. 21–25.
- Варламова 2019а – *Варламова Л.Н.* Профессиональные стандарты для документоведов и архивистов: проблемы разработки и перспективы использования // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой (21–22 марта 2019 г.). М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2019. С. 103–111.
- Варламова 2019б – *Варламова, Л.Н.* Трансформация требований к компетенциям документоведов и архивистов в условиях цифровой экономики и ее отображение в образовательном процессе // СНГ: цифровая экономика – платформа интеграции: Международный экономический форум (15 марта 2019 г. Москва). URL: [www. bc-cis.ru/forum](http://www.bc-cis.ru/forum) (дата обращения 12.08.2019).
- Варламова 2018 – *Варламова Л.Н.* Направление подготовки «Документоведение и архивоведение»: перспективы развития и взаимосвязь с профессиональными стандартами // Материалы III Международной научно-практической конференции РГГУ «Документ. Архив. Информационное

- общество» (28–29 сентября 2017 г.). М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2018. С. 259–267.
- Глотова 2017 – Глотова С.А. Профессиональный стандарт специалиста по управлению персоналом в деятельности кадровой службы // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Т.В. Кузнецовой (23–24 марта 2017 г.). М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2017. С. 451–457.
- Дроков, Хлюснева 2019 – Дроков С.В., Хлюснева Л.П. О характеристиках квалификации (профессиональном стандарте), необходимой для осуществления кардинального повышения производительности и ценности документированных сфер деятельности организаций в рамках цифровой экономики // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 1. С. 57–71.
- Кукарина 2015 – Кукарина Ю.М. Профессиональные и Федеральные государственные образовательные стандарты: вопросы разработки, взаимодействия и применения // Делопроизводство. 2015. № 1. С. 66–72.
- Ланской 2021 – Ланской Г.Н. Профессиональный стандарт специалиста архива: концепция, структура, перспективы использования // Отечественные архивы. 2021. № 4. С. 31–37.

References

- Bykova, T.A. (2015), “Modern approaches to the training of record managers in the Russian Federation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, no. 2, pp. 21–25.
- Varlamova, L.N. (2019), “Professional standards for record managers and archivists: Issues of development and prospects of use”, in *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovoi (21–22 marta 2019 g.)* [Records management. Past, present, future. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of professor T.V. Kuznetsova (March 21–22, 2019)], ООО “ТЕРМИКА.РУ”, Moscow, Russia, pp. 103–111.
- Varlamova, L.N. (2019), “Transformation of the competence of record managers and archivists in the digital economy and its reflection in the educational process”, in *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii RGGU «Dokument. Arkhiv. Informatsionnoe obshchestvo» (28–29 sentyabrya 2017 g.)* [CIS: Digital economy – integration platform. International Economic Forum (March 15, 2019, Moscow)], Moscow, Russia, available at: www.bc-cis.ru/forum (Accessed 12 Aug. 2019).
- Varlamova, L.N. (2018), “The direction of training ‘Records Management and Archival Studies’. Prospects for development and relationship with professional standards”, in *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii RGGU “Dokument. Arkhiv. Informatsionnoe obshchestvo” (28–29 sentyabrya 2017 g.)*. [Proceedings of the 3^d International scientific and practical conference

- of RSUH “Document. Archive. Information Society” (September 28–29, 2017)], ООО “ТЕРМИКА.RU”, Moscow, Russia, pp. 259–267.
- Glotova, S.A. (2017), “Professional standard of a personnel management specialist in the activities of the personnel service”, in *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati T.V. Kuznetsovoi (23–24 marta 2017 g.)* [Records management. Past, present, future. Proceedings of the 3d International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of T.V. Kuznetsova (March 23–24, 2017)], ООО “ТЕРМИКА.RU”, Moscow, Russia, pp. 451–457.
- Drokov, S.V. and Khlyusneva, L.P. (2019), “About the characteristics of the qualification (professional standard) necessary for the implementation of a cardinal increase in productivity and value of documented areas of activity of organizations within the digital economy”, *Vestnik VNIIDAD*, no. 1, pp. 57–71.
- Kukarina, Yu.M. (2015), “Professional and Federal State educational standards. Issues of development, interaction and application”, *Deloproizvodstvo*, no. 1, pp. 66–72.
- Lanskoy, G.N. (2021), “Professional standard of archive specialist. Concept, structure, prospects of use”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 31–37.

Информация об авторе

Людмила Н. Варламова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл, д. 6; Lvarlam@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0255-3528>

Information about the author

Liudmila N. Varlamova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047, Lvarlam@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0255-3528>

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 01.12.2022.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1617

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru